
Дружба,
скрепленная
кровью

Дружба, скрепленная кровью

(Сборник воспоминаний китайских товарищей — участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР)

ПЕРЕВОД С КИТАЙСКОГО

Под редакцией
кандидата исторических наук
Лю Юн-аня

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1959

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию советского читателя сборник «Дружба, скрепленная кровью» преследует цель показать истоки братской дружбы советского и китайского народов. В сборник включены воспоминания китайских товарищей — участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР.

Каждому, кто хочет глубже понять исторические корни подлинно братской дружбы, существующей между народами Советского Союза и Китайской Народной Республики, будет весьма полезно ознакомиться с тем, как она возникла.

События, описываемые в сборнике, представляют собой яркую страницу в летописи Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Любая книга по истории СССР не будет полной без освещения и надлежащей оценки участия народов других стран в тяжелой борьбе трудящихся России за власть Советов. В данной книге речь идет не о маленькой группе людей, а о десятках тысяч китайцев, вступивших на путь сознательной борьбы за счастье и светлое будущее трудового народа России.

Героические сыны разных народов, защищая великие завоевания русского пролетариата, ни на минуту не переставали думать об избавлении народов своих стран от угнетения и эксплуатации. Они верили, что Советская Россия станет оплотом угнетенных всего мира в борьбе за их собственное освобождение, что победа русского пролетариата — это часть будущей победы угнетенных народов земного шара. Так думали китайские, венгерские, чешские, словацкие, польские, корейские и многие другие добровольцы, сражавшиеся плечом к плечу с русскими рабочими и крестьянами на фронтах гражданской войны.

Именно на базе общности классовых интересов возникало благородное чувство пролетарского интернационализма.

Разные обстоятельства привели в Россию авторов настоящих воспоминаний. В надежде получить работу и прокормить своих близких они, как и несколько сотен тысяч таких же китайских рабочих и крестьян, в годы первой мировой войны завербовались в Россию, покинули родные места и прибыли в чужую страну. Китайских рабочих партиями направляли в самые различные районы: на золотые прииски Дальнего Востока, на лесозаготовки в дремучую сибирскую тайгу, на заводы Петрограда, на строительство Мурманской железной дороги, на шахты Донбасса, на строительство шоссейных дорог на Северном Кавказе, на рытье окопов на границе России с Австро-Венгрией. Словом, китайцы были разбросаны по всей громадной территории Российской империи.

Но вскоре китайцы поняли, что их жестоко обманули, что они напрасно искали счастья в царской России. Случалось, что по нескольку месяцев подряд им не выплачивали заработной платы, часто держали впроголодь. Жили рабочие в тесных, совершенно не приспособленных для жилья бараках. За отказ выходить на работу над ними учиняли расправу. Незнание русского языка усугубляло бедственное положение китайцев. По любому, даже самому незначительному вопросу китайским рабочим приходилось прибегать к услугам переводчиков, а те нередко использовали их беспомощность в своих корыстных целях.

Китайские рабочие не обрели в царской России счастья, которого они так искали, и это явилось первым толчком для пробуждения их классового сознания. На собственном опыте они убедились, что жизнь трудящихся царской России была тоже далеко не сладкой, хотя они жили у себя на родине. Рабочие и крестьяне царской России подвергались не менее жестокой эксплуатации и гнету, чем завербованные иностранцы. О бесправном и тяжелом положении трудящихся царской России свидетельствовали частые забастовки рабочих и крестьянские бунты.

Следует отметить, что сущность нараставшего революционного движения не сразу дошла до сознания простых китайских рабочих. Совершенно неграмотные, не умеющие читать и писать не только по-русски, но и по-китайски, китайцы постепенно, с трудом вникали в собы-

тия, происходившие в чужой для них стране. Сначала они были лишь посторонними наблюдателями, затем начали сопоставлять жизнь трудящихся царской России с жизнью трудящихся Китая и пришли к пониманию причин, вызывающих недовольство народа. Потом они сделали вывод, что капиталисты всюду одинаковы, что русские буржуи ничуть не лучше китайских. «Все вороны в мире черные», — гласит старая китайская пословица.

Трудная, безотрадная жизнь сроднила русских и китайских рабочих. Многие китайцы, узнав от своих русских братьев о надвигающейся революционной буре, сами вступали на путь революции. В этом отношении характерна судьба Лю Юн-няня, автора рассказа «Давние воспоминания».

Работая в пекарне, Лю Юн-нянь крепко подружился с двумя русскими рабочими — Василием и Михаилом. Однажды осенью 1917 года Василий сказал ему: «Завтра мы отсюда уходим в деревни и на шахты, идем распространять большевистские идеи. Пойдем с нами». Лю Юн-нянь еще слабо знал русский язык и не все, сказанное Василием, понял. Однако сердцем уяснил: если идти вместе с хорошими людьми — солнце будет светить везде. И Лю Юн-нянь пошел с ними. Василий в беседах с бедняками говорил о том, как угнетенные всего мира поднимутся на революцию, и Лю Юн-нянь вставлял фразу — другую. «Таким вот образом и я участвовал в пропагандистской работе», — вспоминает Лю Юн-нянь.

Октябрь 1917 года. Пролетариат России, руководимый большевистской партией во главе с великим Лениным, поднял вооруженное восстание, свергнул господство капиталистов и помещиков и создал власть рабочих и крестьян. Однако русские эксплуататоры не смирились с утратой своего былого господства над народом. Вместе с капиталистами других стран они начали вооруженную борьбу против молодой Советской республики. Наступил период гражданской войны и иностранной военной интервенции.

Против Республики Советов выступили сначала белогвардейские войска Краснова и Керенского под Петроградом, затем Духонина — в Могилеве, Дутова — в Оренбурге, Каледина — на Дону, Корнилова — на Кубани и т. д.

18 февраля 1918 года германские войска, воспользо-

вавшись предательством Троцкого, перешли в наступление на Советскую республику. 9 марта 1918 года в Мурманске высадился первый десант Антанты. 5 апреля 1918 года во Владивостоке высадились японские, а затем американские, французские и итальянские экспедиционные войска. В мае 1918 года поднял контрреволюционный мятеж чехословацкий корпус, захвативший Сибирскую железнодорожную магистраль.

Молодая Советская республика была в опасности. Большевистская партия и Советское правительство призвали трудящихся встать на защиту первого в мире социалистического Отечества. В ответ на призыв Коммунистической партии и ее вождя В. И. Ленина трудящиеся Советской России во главе с русским пролетариатом вступили в схватку со смертельными врагами Страны Советов.

Плечом к плечу с народами России на защиту первого в мире социалистического государства выступили и китайские рабочие. Их можно было встретить в числе первых бойцов рабочих батальонов Петрограда, в красногвардейских отрядах Москвы и Северного Кавказа, в партизанских отрядах Сибири и Дальнего Востока. После того как в феврале 1918 года декретом Совета Народных Комиссаров была создана Рабоче-Крестьянская Красная Армия, в ней можно было найти не только отдельных добровольцев, но и целые подразделения и даже полки, целиком укомплектованные из китайцев. Некоторые китайские бойцы удостоились высокой чести служить в личной охране великого вождя пролетарской революции В. И. Ленина. Таковыми, в частности, были Ли Фу-цин и Ван Цай. Многие китайцы служили и в Первой Конной армии С. М. Буденного, в войсках, которыми командовали М. В. Фрунзе, В. И. Чапаев и другие выдающиеся полководцы гражданской войны. Не было такого фронта, где бы не сражались китайские добровольцы. Они также принимали активное участие в борьбе с бандитизмом и контрреволюцией в тылу. Китайцы вместе с русскими братьями уничтожали вооруженные банды Петлюры и Махно, служили в органах Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК), руководимой пламенным революционером Ф. Э. Дзержинским.

Китайские добровольцы принимали активное участие в отражении всех трех походов Антанты и в изгнании с со-

ветской земли японских интервентов, при этом они не жалели ни сил, ни самой жизни. Многие славные сыны китайского народа отдали свою жизнь за Советскую Россию.

Китайские бойцы, как и их советские братья, самоотверженно преодолевали трудности и переносили все невзгоды. Не было патронов — они дрались штыками. Они стойко переносили суровые русские зимы, и не раз приходилось им потуже затягивать свои пояса, когда не хватало или вовсе не было продовольствия.

В совместной борьбе рождалась подлинная дружба советских и китайских бойцов. Из рассказа Яо Синь-чэна «Я — боец Красной Армии» мы узнаем, что в одном из боев китайский доброволец по фамилии Нин, увидев, что его шестнадцатилетний русский товарищ в опасности, своим телом прикрыл друга.

Своей храбростью и мужеством, проявленными в борьбе с белогвардейцами и интервентами, китайские добровольцы снискали любовь и уважение как бойцов Красной Армии, так и всего советского народа.

Но как их ненавидели белогвардейцы! Они жестоко расправлялись с пленными китайскими бойцами, подвергая их нечеловеческим истязаниям и пыткам. Белогвардейцев озлобляло то, что ни устрашениями, ни посулами им не удавалось заставить китайцев сражаться против большевиков. Факты подтверждают, что во время гражданской войны ни один из тех китайцев, которые приехали в свое время на работу в Россию, не воевал на стороне белых. В то же самое время на стороне русских большевиков, только по весьма неполным данным, сражались не менее 40 тысяч китайских добровольцев.

Это говорит о многом.

Гражданская война и иностранная военная интервенция причинили огромный ущерб экономике молодой Советской республики. Поэтому зачастую бойцам и командирам Красной Армии, а также и партизанам приходилось не только сражаться, но и восстанавливать разрушенное хозяйство.

По окончании гражданской войны многие китайские добровольцы остались в Советской России. Они восстанавливали народное хозяйство и строили новые заводы, шахты, дома... Те из них, которые дожили до Великой Отечественной войны, вместе со всем советским народом

самоотверженно трудились во имя победы, а после войны восстанавливали хозяйство, разрушенное немецкими фашистами. Так, донецкий шахтер товарищ Шан Чжэнь вместе с советским народом прошел весь его героический путь — от Октябрьской революции до наших дней. Советское правительство высоко оценило заслуги Шан Чжэня и удостоило его высшей награды Советского Союза — ордена Ленина.

Да, кровь китайских добровольцев не была пролита даром, их светлая надежда полностью оправдалась. Советский Союз стал оплотом угнетенных народов всего мира. Советский народ постоянно оказывал поддержку китайскому народу в его тяжелой борьбе за свободу и независимость.

В период Первой гражданской революционной войны 1924—1927 годов в Китае, когда образовался единый национальный фронт Коммунистической партии и гоминьдана с целью борьбы против северных милитаристов, немало советских товарищей-добровольцев сражалось в рядах Национально-революционной армии.

Во время войны китайского народа против японских захватчиков 1937—1945 годов Советский Союз был единственной страной, оказавшей Китаю моральную поддержку и материальную помощь. Советское правительство в разное время предоставило Китаю займы на общую сумму 250 млн. американских долларов. Когда армия национального правительства Китая под сильным натиском превосходящего в силе и технике противника отступала в глубь страны, к ней пришли на помощь советские летчики-добровольцы, проявившие подлинный героизм. Они сбили сотни бомбардировщиков японских захватчиков и этим спасли жизнь тысячам мирных китайских граждан. Многие из этих летчиков-героев отдали свою жизнь во имя свободы и национальной независимости китайского народа. Как символ вечной памяти о них в Китае, в городе Ухане воздвигнут монумент в честь погибших советских добровольцев.

Разгром Советскими Вооруженными Силами японской Квантунской армии принес освобождение населению Северо-Восточного Китая, 14 лет изнывавшему под гнетом японских империалистов, и значительно ускорил победу китайского народа над японскими захватчиками. Когда советские бойцы покидали территорию Северо-Восточного

Китая после выполнения ими своего интернационального долга, на улицы вышли миллионы людей, чтобы выразить свою признательность Советской Армии за ее помощь.

В 1949 году китайский народ, руководимый Коммунистической партией, одержал историческую победу и провозгласил Китайскую Народную Республику. Многолетние войны почти полностью разрушили экономику страны. Китайский народ нуждался в материальной и технической помощи. И эту помощь первым снова оказал ему советский народ. Советский Союз заключил с Китайской Народной Республикой соглашения, по которым он поставил Китаю различное оборудование для заводов и фабрик, направил в страну своих специалистов. После восстановления народного хозяйства, когда весь китайский народ приступил к развернутому социалистическому строительству, между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой заключены новые соглашения, по которым СССР оказывает Китаю разностороннюю помощь в еще бóльшем масштабе.

Благодаря бескорыстной помощи Советского Союза китайский народ за короткий срок смог восстановить свое народное хозяйство и приступить к социалистическому строительству. Успехи китайского народа в строительстве новой жизни, достигнутые за девять с лишним лет, неразрывно связаны с братской помощью советского народа.

Дружба советского и китайского народов, зародившаяся еще в октябре 1917 года, неустанно крепнет и развивается. Тщетны все жалкие потуги империалистов помешать этой великой дружбе. Дружба, проверенная в дни суровых испытаний и скрепленная кровью,— вечна и нерушима.

Братское единение советского и китайского народов — важнейший фактор в деле обеспечения мира во всем мире, серьезнейшая преграда на пути любых происков империалистов. Советские люди и все миролюбивые народы мира искренне радуются успехам китайского народа в строительстве новой жизни. Успехи китайского народа — это успехи всего социалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом, неустанно выступающим за мир.

Нет сомнения в том, что настоящий сборник с интересом будет встречен советским читателем.

Лю Юн-ань

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

7 ноября 1957 года исполняется 40 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Идя навстречу этому светлому празднику, открывшему новую эру в истории человечества, мы еще весной нынешнего года приступили к сбору материалов об участии китайцев в Октябрьской революции и гражданской войне в России. Мы имели в виду подготовить и издать книгу, которая помогла бы современному поколению советских людей и людей народного Китая уяснить себе тот неоспоримый факт, что китайцы и русские вместе проливали свою кровь в дни суровой борьбы за установление Советской власти и уже тогда заложили основы великой братской дружбы двух народов, объединяющей сейчас восемьсот с лишним миллионов человек.

Известно, что в период первой мировой войны, когда в России ощущалась нехватка рабочей силы, царское правительство через посредство китайских чиновников-компрадоров завербовало в Россию несколько сотен тысяч китайских кули (чернорабочих), главным образом крестьян-бедняков из провинций Шаньдун, Хэбэй, Чжэцзян и из северо-восточных провинций Китая. Словно рабочий скот, их погнали в Россию на голод, нужду и рабство.

Октябрьская революция вселила в китайских рабочих первую надежду. Десятки тысяч китайцев по своей инициативе поднялись вместе с русскими рабочими и крестьянами на борьбу с капиталистами и помещиками. Хотя многие из них не совсем ясно представляли себе сущность революции, они знали: революция несет благо трудящейся бедноте. Поэтому лозунги большевиков нашли в их сердцах отклик, и они целыми группами вступали в партизанские отряды и отряды Красной гвардии, запи-

сывались в Красную Армию и плечом к плечу сражались вместе со своими братьями — русскими рабочими и крестьянами, защищая великое дело пролетарской революции.

В частях Красной Армии можно было встретить не только отдельных бойцов-китайцев, но и целые отделения, взводы, роты, батальоны и полки, сформированные целиком из китайцев; китайские бойцы служили и в отдельных интернациональных соединениях. Своим бесстрашием, воинским умением и дисциплинированностью они снискали себе заслуженную славу. На просторах Сибири и в дальневосточной тайге, в степях Украины и на угольных шахтах Донбасса, в предгорьях Северного Кавказа — повсюду остались следы героической борьбы китайских бойцов против контрреволюции и интервентов.

В тяжелых условиях походной боевой жизни крепло братство китайцев и русских. Часто бойцы-китайцы, рискуя жизнью, выручали попавших в окружение русских товарищей, а русские бойцы в свою очередь, невзирая на смертельную опасность, под градом пуль выносили с поля боя раненых китайских бойцов. Эти факты беспримерного героизма являются одной из самых славных страниц в истории великой дружбы китайского и советского народов.

Советский народ отдает дань величайшего уважения беспримерным подвигам китайских бойцов, внесших большой вклад в дело победы революции в России. Зимой 1956 года Институт Китаеведения АН СССР начал работу над составлением сборника статей, посвященных участию китайцев в борьбе за установление Советской власти в России. Эту работу возглавили писатели и специалисты-историки, которые установили с нами непосредственный контакт с целью еще шире развернуть сбор материалов, с тем чтобы сборник этот мог выйти в ближайшее время.

Сейчас мы публикуем отдельным сборником на китайском языке[1] лишь часть собранного нами материала, воссоздающего реальные события периода Октябрьской революции и гражданской войны. Это сделано, с одной

[1] Имеется в виду сборник «Хунци пяопяо» («Реют красные знамена») № 4, издательство Чжунго циннянь чубаньшэ, Пекин, 1957 г., по материалам которого составлен сборник «Дружба, скрепленная кровью». — *Прим. ред.*

стороны, для того, чтобы удовлетворить запросы широких масс читателей, особенно молодежи, которые стремятся узнать о героических делах китайцев в борьбе за победу Октябрьской революции; с другой стороны, нам хотелось бы узнать мнение читателей, с тем чтобы подготавливаемая нами к изданию книга получилась как можно более полной и точно воспроизводящей события Октябрьской революции и гражданской войны. Мы искренне надеемся, что все товарищи, заинтересованные в этой работе, как писатели, так и читатели, поделятся с нами своим мнением о настоящем сборнике, чем помогут нам в дальнейшей работе. Тогда возможные недостатки и ошибки будущей книги могут быть своевременно устранены.

Отдел пропаганды и агитации
Центрального правления Общества
китайско-советской дружбы

18 сентября 1957 года

Лю Юн-нянь

Давние воспоминания

Родился я в 1889 году в семье крестьянина-бедняка из уезда Синьчэн провинции Хэбэй. Сейчас мне 68 лет.

В 1913 году, когда мне исполнилось 24 года, лето выдалось неурожайное, жить было не на что. Оставил я семью и поехал на Северо-Восток [1] искать средства к существованию. Прошел пешком весь Ляодунский полуостров. Нанимался к богачам на любую работу, надрывался, а сытым и дня не был, голодал и мерз. Потом пристроился в одном из рыбачьих поселков на берегу Амура, где прожил с полгода. А когда наступила осень и замерзла река, пришлось искать другую работу. Тогда один мой приятель и предложил податься в Россию: «Давай, — говорит, — земляк, махнем через границу, может, там побольше заработаем!» Сказано — сделано. Пошли мы в Россию.

Конечно, в царской России, как и в старом Китае, рая для бедняков не нашлось. Только мы были молодые и упрямые, как тот глупец в сказке, что за счастьем гонялся. Горя хлебнули вдоволь, в сотни дверей стучались — на

---

[1] Северо-Восток — Северо-Восточный Китай, в прошлом Маньчжурия. — *Прим. ред.*

работу просились, пока, наконец, в Черемхове не попались на глаза одному хозяину пекарни.

— Э, крепкие, кажется, ребята! Подойдете, пожалуй. Ладно, оставайтесь. Тесто месить сможете.

Я по-русски говорить не умел, поэтому вначале больше молчал. Но на работе люди быстро сходятся и понимают друг друга, тут сразу человека раскусить можно. Через год у меня уже появилось много русских товарищей, но самыми близкими, самыми сердечными друзьями стали Василий и Михаил, оба большевики, вожаки рабочих этой пекарни.

Однажды (дело было осенью 1917 года) после работы Василий отвел меня в сторону и говорит:

— Завтра мы отсюда уходим в деревни и на шахты, идем распространять большевистские идеи. Пойдем с нами.

Я по-русски в то время говорил плохо — только самые обычные фразы — и не все, что сказал Василий, понял. Однако сердцем уяснил: если идти вместе с хорошими людьми — солнце будет для тебя светить везде. И решил идти с ними.

Втроем, Василий, Михаил и я, пошли мы по деревням. Целыми днями шагали по дорогам, проводили собрания, беседы в домах бедняков. Василий был мастер говорить: не только убедить мог, но и растрогать; едва с ним побеседует человек, сразу уважать его начинает. Михаил возрастом был помоложе и работал больше среди молодых крестьян, он тоже хорошо говорил и неплохо пел. В мои обязанности во время сходок входило быть начеку на случай враждебных выпадов против нас да заботиться о ночлеге и еде для Василия и Михаила.

В беседах с людьми Василий говорил о том, как бедняки всего мира поднимутся на революцию, а я вставлял фразу — другую: «Китайский народ живет так же тяжело, как и русский, мы тоже поднимемся на революцию». Таким вот образом и я участвовал в пропагандистской работе. А в те годы работа эта была, ох, как опасна!

На всякий случай в домах мы ночевали редко: проведем собрание, поговорим с бедняками и незаметно уйдем; иногда спали в поле, в копнах, иногда в овраге, в ямке — лишь бы от дождя и ветра укрыться.

В местах малолюдных порой целый день шагали по дорогам и только к вечеру добирались до какой-нибудь

Зак. 1198

деревни. А дороги-то были какие! Опасаясь сыщиков и полицейских Временного правительства, мы настоящие-то дороги обходили, а шли все больше напрямик через луга да холмы. Хорошо помню, что за ту зиму несколько пар ботинок износил; бывало и так — порвутся ботинки, а других нет. Найдешь какое-нибудь тряпье, обмотаешь ноги и дальше идешь. Ну а уж про еду и говорить не приходится: день сыты, два голодны.

Трудности, голод и холод — это еще куда ни шло. А вот стражники и разные помещичьи прихлебатели нам крепко досаждали. Если им удавалось напасть на наш след, нам нужно было удирать; если же мы сталкивались с ними лицом к лицу, тут уж на всякие хитрости пускались, лишь бы провести их. Не раз попадали в опасные переделки: и стражники, бывало, за нами гнались, и богатеи из деревень выгоняли, и чужие кулаки по нашим спинам прогуливались. Но всегда мы чувствовали поддержку народа, и не раз в трудную минуту местные бедняки приходили к нам на выручку.

В ноябре 1917 года мы пришли на черемховские шахты. Там Василию и Михаилу работы было еще больше: чуть не каждую ночь — собрания, сходки, на которых они разъясняли политику партии, а днем к ним непрерывно шли люди, чтобы поговорить по душам.

Весть о победе Октябрьской революции и о создании первого в мире Советского правительства во главе с Лениным до нас дошла через две недели. Положение сразу стало очень напряженным: рабочие громили конторы, выгоняли капиталистов, крестьяне отнимали землю у помещиков и кулаков; а те отвечали народу свирепой жестокостью. Работы у нас было по горло.

Однажды рано утром Василий, весь заиндевевший от мороза, прибежал ко мне.

— Лю, дружище, у нас организуется добровольческий революционный отряд. Вступай и ты!

Какие тут могли быть разговоры!

— Бить капиталистов, — говорю, — я всегда с удовольствием.

Придя в отряд, я убедился, что он действительно добровольческий—только из рабочих и крестьян; одеты кто во что, а оружие... Оружия было достаточно, причем самого разнообразного: у рабочих—ломы, топоры, молоты, тесаки;

у крестьян — вилы, лопаты, а то и просто колья. Василий, командир отряда, и тот не сразу револьвер раздобыл.

У нас было два врага: один — это старая, царская армия, другой — контрреволюционные банды, организованные местными капиталистами, помещиками и кулаками. С осени 1917 до весны 1918 года наш отряд бывал во многих походах и выполнял серьезные боевые задачи: перерезал коммуникации регулярных белогвардейских частей, чтобы не дать им возможности бежать к границе, уничтожал эти части, а в крайнем случае окружал их и сдерживал; ежедневно и ежечасно приходилось выступать против местных контрреволюционных банд. Мы наносили удары по слабым местам противника, всегда одерживая победы, вооружаясь и снаряжаясь за счет денег и разных припасов, захваченных у противника.

Помню, как-то раз окружили мы отряд регулярных белогвардейских войск северо-восточнее Черемхова. Пришлось выдержать серьезный бой. У противника была артиллерия, пулеметы, он отчаянно сопротивлялся. Расположившись в окрестных лесах и полях, мы взяли врага в плотное кольцо. Окружив противника, мы ничего не предпринимали днем, а, нащупав слабые места в его обороне, ночью наносили короткие удары и тут же отходили.

В таких стычках прошло десять дней, и белогвардейцы потеряли больше половины личного состава, а при попытке прорыва оставили в наших руках все свое снаряжение. Прорвавшийся через кольцо окружения противник сразу устремился к Иркутску, вбирая в себя по пути местные контрреволюционные банды и продолжая упорно сопротивляться. Километрах в ста от Иркутска мы нагнали белых и вновь окружили их. Еще несколько дней продолжался бой.

Многие богачи, собиравшиеся удрать вместе с белогвардейцами за границу, считали, что, находясь под защитой их пулеметов и артиллерии, они могут спасти свои жизни и капиталы, а потому заранее щедро одарили белых.

Василий, учтя это, призвал всех к выдержке, приказал плотно окружить противника и оставить лишь небольшой проход, через который могли прорываться мелкие группы противника. Мы их тут же уничтожали. Народу у нас было много, и каждый день приходили новые и новые добровольцы. Василий, не снимая окружения, пополнял

наши ряды вновь прибывшими. Когда же нас стало более тысячи, мы однажды ночью начали атаковать по всему фронту да так, что уцелевшие белогвардейцы бежали без оглядки куда попало. Все награбленное ими при отходе из Черемхова, все деньги и драгоценности богачей попали в наши руки. На этот раз нам было чем похвастаться. Мы захватили богатые трофеи.

После Октябрьской революции офицеры царской армии, буржуи, помещики, кулаки устремились к границе и за границу. Из восточных районов страны бежали главным образом в Северо-Восточный Китай и, следовательно, неминуемо должны были проходить через район Черемхово — Иркутск. С конца 1917 до 1919 года наш отряд под командованием Василия наряду с выполнением других боевых задач вел борьбу с остатками разгромленных классов, бежавшими за границу. Отдыхать не приходилось. С середины же 1918 года, когда началась иностранная военная интервенция, нашему отряду стало особенно трудно. И все же мы немало сделали для освобождения народа.

В 1918 году войска японских империалистов высадились во Владивостоке, намереваясь соединиться с армией Колчака и уничтожить молодую Советскую власть. Со второй половины года мы оказались зажатыми между колчаковцами и японскими интервентами. Правда, тогда в этом районе действовало уже несколько революционных отрядов, однако, нанося удары по превосходящим силам противника то на западе, то на востоке, они изматывались в боях и переходах, а одолеть противника, конечно, не могли. Поэтому зимой 1918—1919 годов основные свои усилия мы направили против колчаковцев.

После разгрома колчаковцев мы повели борьбу с японскими интервентами. Наш отряд форсированным маршем ушел далеко на восток, за Иркутск и в окрестностях одного городка завязал бой с японцами. Японцы вели себя на захваченной ими территории, как настоящие хищники: убивали, грабили, жгли. Наш отряд должен был обойти врага с тыла и перерезать ему пути отхода. Пришлось ждать несколько дней. Наконец регулярные части Красной Армии погнали японцев, те стали откатываться на восток, и тут-то мы преградили им путь. Они пустили в ход всю свою артиллерию, в бою участвовали и самолеты. Тогда я впервые увидел этих железных птиц. Днем

мы шли по пятам противника, а по ночам нападали на его лагерь. В таких стычках прошло несколько дней, и вот остатки разгромленного японского гарнизона в панике бросились бежать, оставляя повозки с награбленным золотом, серебром, продовольствием, мануфактурой, а под конец даже ящики с боеприпасами и орудия.

Я рассказал о боевых делах прошлых лет, и в памяти невольно ожили характерные черты дружбы между русскими и китайцами. В нашей роте было немало китайцев. И китайцы, и русские пользовались одинаковыми правами; более того, они были словно родные братья. Скажу хотя бы о себе. Весной 1919 года со снабжением в отряде дело обстояло плохо, зимней одежды не хватало, бойцы по нескольку дней подряд не ели досыта. Как-то мы голодные совершали дневной переход и только к вечеру нашли несколько раненых лошадей. «Убьем и съедим!» — предложил Василий. Так и сделали. Каждому достался кусок конины, изжаренной на костре. Когда принялись за еду, Василий отрезал от своего куска половину и протянул мне. «У тебя, — говорит он, — работа тяжелая, тебе побольше есть надо». Он всегда заботился, чтобы я был сыт, хотя сам постоянно недоедал. Василий был командиром отряда, я же—всего-навсего его ординарцем и посыльным, а он так заботился обо мне. О чувстве же дружбы, которое питали к нам русские товарищи, и о той помощи, которую они нам оказывали, и говорить не приходится.

Василий и Михаил были родом из Черемхова. Сейчас Василию, пожалуй, около восьмидесяти лет, а Михаилу— за семьдесят. Каждый год в славный праздник Великой Октябрьской социалистической революции я не могу удержаться от воспоминаний о незабываемом прошлом, думаю о моих старых командирах, с которыми вместе шел на жизнь и на смерть, о дорогих боевых друзьях Василии и Михаиле и желаю им долгих-долгих лет жизни, здоровья и счастья.

Литературная запись Сы Гу

Синь Ю

Командир-китаец в рядах Красной Армии

Уход в Красную Армию

В 1915 году крайняя нужда заставила двадцатилетнего Чжан Чуань-линя с болью в сердце покинуть родные места и по вербовке отправиться в Россию на заработки.

В России он стал шахтером и работал на одной из угольных шахт на Украине, в районе Харькова. Однажды осенью 1917 года пришел на шахту какой-то русский и в простой и доходчивой форме раскрыл китайским шахтерам ту истину, что рабочие всего мира — братья друг другу. Он сразу же стал самым близким другом китайских рабочих. Этот человек был большевиком; он призывал китайских рабочих примкнуть к большевикам, помочь пролетариату России свергнуть Временное правительство и добиться свободы и счастливой жизни для всех трудящихся.

Среди китайских рабочих лишь очень немногие понимали и говорили по-русски. Молодой и понятливый Чжан Чуань-линь уже немного знал русский язык. Слова большевика убедили его, и он, первым став на сторону большевиков, уверенно сказал этому русскому, что тоже будет агитировать товарищей и что те все, несомненно, пойдут за большевиками.

— Братья! — тут же обратился он к своим товарищам — китайским рабочим.— Верно говорит этот чело-

век. Все верно! Мы живем в скотских условиях! Нет на свете такого горя, которого бы мы, рабочие люди, не хлебнули! И там, на родине, и здесь. Идем к большевикам, свергнем власть Временного правительства! Не сыскать нам другого пути!

Благодаря агитации Чжан Чуань-линя все рабочие-китайцы вскоре примкнули к большевикам. Из них был создан 3-й эскадрон 1-й бригады 42-й стрелковой дивизии 13-й армии, и Чжан Чуань-линь был назначен командиром эскадрона. Среди бойцов своего эскадрона Чжан Чуань-линь был моложе всех, и все, в том числе и русские бойцы, звали его Ванюшей.

Эскадрон Чжан Чуань-линя насчитывал более ста человек его братьев-земляков. За четыре года гражданской войны эскадрону пришлось побывать во всех уголках Украины, и Чжан Чуань-линь всюду беспощадно бил врагов, пытавшихся свергнуть Советскую власть.

Спасение

Вскоре эскадрон Чжан Чуань-линя прибыл в Белбасовку и вступил в соприкосновение с войсками противника, которые сплошь состояли из белых казаков.

Чжан Чуань-линь на своем белом коне ринулся в бой впереди эскадрона. Он мчался вперед, пригнувшись к гриве коня. Вдруг Чжан Чуань-линь почувствовал, как по спине потекла кровь, и, потеряв равновесие, свалился с лошади. Но одна нога его застряла в стремени. Конь, почуяв, что хозяин попал в беду, остановился. Чжан Чуань-линь понял, что ранен в спину. «Да, не везет! Не успел повоевать, как уже ранен!» — подумал он. К нему приближались казаки.

«Не дамся им в руки, пока жив! Нет! — Он вытащил свой револьвер и приставил его к виску. — Но не надо с этим спешить. Надо попытать счастья! — Проверяя себя, Чжан Чуань-линь откашлялся и не почувствовал острой боли. — Значит, рана не такая уж тяжелая!» — Превозмогая боль, Чжан Чуань-линь взобрался на коня и помчался к штабу полка. Кровь заливала спину и стекала в сапоги.

Когда Чжан Чуань-линь прибыл в штаб, командир полка помог ему сойти с коня и уложил его в санитарную повозку.

— Товарищ командир полка, прошу... моего коня... — прошептал Чжан Чуань-линь.

— Ай, весь обливается кровью, а все о коне! Полечись! А хороших коней много! Выберешь любого! — сказал командир полка, не понимая в чем дело.

Чжан Чуань-линь покачал головой и прошептал:

— Нет, вы оставьте за мной... моего коня, который спас мне жизнь!

Командир полка пообещал выполнить его просьбу.

При врачебном осмотре выяснилось, что пуля пробила Чжан Чуань-линю лопатку и застряла в ткани правого плеча. К счастью, рана оказалась не очень опасной. Но медицинское обслуживание в тех трудных условиях было поставлено плохо. Фельдшер перевязал Чжан Чуань-линю рану, но пули не удалил. Плечо разбухло и отяжелело, как бы налившись свинцом. Боль стала нестерпимой.

Страстное желание поскорее вернуться на фронт не давало Чжан Чуань-линю покоя. Однажды он, крепко стиснув зубы, сильно потер рану левой рукой и, нащупав сидевшую в ткани пулю, надавил что было силы — пуля вышла вместе с гноем и кровью. На лбу Чжан Чуань-линя выступили крупные капли пота, и он чуть не упал в обморок. Раненые немедленно позвали фельдшера.

Вскоре рана зажила и Чжан Чуань-линь с радостью вернулся в свою часть.

Большая находчивость

Ко времени, когда Чжан Чуань-линь возвратился в свой эскадрон, 13-я армия отступила в район Дебальцево. Однажды разведка донесла, что обнаружен крупный отряд казаков численностью свыше двух тысяч сабель. Казаки на своих быстрых конях темной лавиной неслись в сторону расположения частей Красной Армии. В этой критической обстановке Чжан Чуань-линь не растерялся. Он приказал пулеметчикам выбрать огневую позицию на холме, а всем остальным бойцам эскадрона сесть по двое спиной друг к другу для отражения кавалерийской атаки. Так казакам трудно было поразить их клинками, а бойцам было сподручно уничтожать противника, особенно его коней, огнем из винтовок. Этот пример сразу был подхвачен другими эскадронами при ведении огня по казакам.

В результате короткого, но ожесточенного боя была отбита атака крупного кавалерийского отряда противника. Враг понес большой урон: одними только пленными он потерял свыше ста человек.

Китайский и русский народы — братья

— Береги каждый патрон, цени каждую копейку! — говорили Чжан Чуань-линю командиры и его товарищи, когда он впервые пришел в армию. Этому же учил Чжан Чуань-линь бойцов своего эскадрона. И товарищи его бережно обращались с военным снаряжением и вооружением, возили с собой все, что может пригодиться.

В эскадроне поддерживалась высокая воинская дисциплина. Бойцы часто помогали населению на тяжелых работах. Если кто плохо обращался с местными жителями или требовал у них продовольствия, тот подвергался строгому наказанию. В селах и городах Украины — всюду население встречало бойцов эскадрона горячими приветствиями.

Бывало, бойцы, чтобы не беспокоить жителей, остановятся на ночлег под открытым небом, а люди выходят и настойчиво зовут их в дома отдохнуть и поесть.

Захотят бойцы купить что-нибудь — жители охотно продадут им свое или добудут что надо на стороне. «Всегда рады помочь вам. Китайцы — свои люди!» — говорили местные жители.

В конце лета 1919 года в жизни Чжан Чуань-линя произошло незабываемое событие. Командир полка от имени командования Красной Армии вручил Чжан Чуань-линю боевую награду, при этом он отметил, что Чжан Чуань-линь умело руководит боевыми действиями эскадрона и что бойцы эскадрона хорошо берегут военное снаряжение и имущество. Командир полка подчеркнул, что со дня формирования эскадрон ни разу не обращался к командованию за дополнительным военным имуществом и даже кухонный инвентарь ремонтировал своими силами.

— Это показывает, что бойцы-китайцы наше дело, дело русского народа, принимают так же близко к сердцу, как мы сами! — взволнованно закончил он свою речь.

— Так и должно быть. Китайский и русский народы — братья,— смущенно ответил Чжан Чуань-линь.

Сбросили Врангеля в море

В конце 1919 года эскадрон Чжан Чуань-линя вел бои против банды Махно. В одном из ожесточенных боев, когда численный перевес был на стороне противника, Чжан Чуань-линь вместе с некоторыми своими товарищами попал в руки махновцев. Бандиты сняли с них всю одежду и оставили мерзнуть на морозе. К счастью, через некоторое время Чжан Чуань-линю и его товарищам с большим трудом удалось бежать к своим. В начале осени 1920 года Чжан Чуань-линь и его боевые друзья сполна отомстили махновцам, нанеся им большой урон и едва не захватив в плен самого батьку Махно.

...13-я армия, прибыв из Дебальцево в район Старо-Бешево — Ново-Екатериновка, перешла в наступление и, преследуя Врангеля, загнала его на Крымский полуостров.

Закрепляя свои позиции на полуострове, войска Врангеля воздвигли многокилометровые противокавалерийские препятствия из колючей проволоки на случай наступления кавалерийских частей и соединений Красной Армии. Эскадрон Чжан Чуань-линя принял участие в жарких ожесточенных боях во время начавшейся операции. Под градом пуль бойцы неуклонно продвигались вперед, разрезая ножницами противокавалерийские проволочные заграждения противника. Рушилась последняя надежда Врангеля. Конница Красной Армии ворвалась на Крымский полуостров.

Инженерные сооружения противника на оборонительной линии, проходившей по Перекопу, были преодолены. Войска Врангеля были разбиты наголову. Жалкие остатки его банд поспешили удрать по Черному морю.

После демобилизации

Когда к концу 1920 года вооруженная интервенция империалистов против Советской России потерпела поражение, Чжан Чуань-линь вместе с некоторыми своими боевыми друзьями-китайцами демобилизовался из рядов Красной Армии.

Демобилизованные китайские бойцы были окружены теплой заботой и вниманием Советского правительства и народа. Чжан Чуань-линю выдали удостоверение красного партизана, предоставляющее ему различные льготы по всей территории страны. Кроме того, в Полтаве он по-

лучил хорошую квартиру. Местные органы Советской власти назначили его в Полтаве заведующим столовой «Красный партизан», поручив ему руководство коллективом в сто с лишним человек. Эта столовая, при которой была прачечная и гастрономический магазин, являлась крупным предприятием общественного питания.

Возвращение на родину

Чжан Чуань-линь, все время тосковавший по родной стране, в 1932 году уехал в Китай. Полный желания и надежды увидеться, наконец, с родными и близкими, он прибыл на Северо-Восток. Нелегко было узнать родину, стонущую под игом японских захватчиков. Чжан Чуань-линь, храбро сражавшийся в России на фронтах гражданской войны, не мог спокойно смотреть, как страдают его соотечественники. Скорбь в его душе уступила место ненависти к врагу, а разочарование — решимости и силе. Раздобыв винтовку и сотни три патронов, Чжан Чуань-линь вместе с товарищем по фамилии Гэн организовал отряд из земляков и ушел в горы партизанить. По-настоящему Чжан Чуань-линь обрел покой и счастье только после освобождения всей страны от гоминьдановского господства и установления в Китае народной власти.

Цзяо Е

Красноармеец Чжай Юн-тан

В городе Циньхуандао, что в провинции Хэбэй, существует артель возчиков. Одним из ее членов являлся шестидесятичетырехлетний Чжай Юн-тан. На правой руке у него было три глубоких шрама, от которых рука казалась разделенной на четыре почти равные части. Средний, самый большой шрам, находился как раз в локтевом сгибе. Большой рваный рубец виднелся и на левой ладони, а мизинец левой руки загнулся внутрь и никогда не разгибался.

Прежде, в период господства японцев и гоминьдановцев, Чжай Юн-тан никогда не рассказывал, откуда у него шрамы. В ответ на расспросы он бормотал что-то неопределенное. После освобождения страны Чжай Юн-тан открыл свою тайну, и история происхождения шрамов стала известна.

Чжай Юн-тан родился в семье крестьянина-бедняка в деревне Ляньхуагу, уезда Фэнжунь, провинции Хэбэй. В возрасте двадцати лет уехал он на Кайлуаньские угольные копи, где получал за свой труд буквально гроши. Прослышав, что в России можно зарабатывать больше полутора рублей в день, он в 1916 году вместе с 800 другими рабочими из Таншаня приехал в Россию и попал по распределению на одну из шахт Донбасса забойщиком. На этой шахте работало более 50 рабочих-китайцев. Во время октябрьских событий 1917 года Чжай

Юн-тан вместе с 32 другими китайскими рабочими вступил в красногвардейский отряд донецких шахтеров. Затем отряд был преобразован в китайскую роту 14-го полка 5-й армии украинской Красной Армии. Командиром роты был Чжан Да-жэнь. Чжай Юн-тан стал командиром взвода.

Чжай Юн-тан участвовал во многих боевых операциях — освобождал Киев, Харьков, Ростов, оборонял Царицын. Зимой 1917 года в боях за освобождение Украины от буржуазии и за установление там Советской власти Чжай Юн-тан дрался с бандами Каледина и Корнилова, позднее — с немцами и казаками атамана Краснова. Каждая его рана может рассказать о многом.

Шрамы на правой руке Чжай Юн-тана остались после боя с казаками севернее Бахмута (ныне Артемовск) осенью 1918 года. Погода тогда стояла скверная: в течение нескольких дней лил дождь, под ногами — сплошная грязь.

Отряд Красной Армии и белогвардейцев, расположившихся в соседней деревне, разделяло небольшое расстояние — всего на полет пули. Ежедневно приходили известия о зверствах белогвардейцев. А китайцы народ горячий: услышат, что белые кого-нибудь убили, — и хоть сейчас готовы ринуться туда. В такие минуты врагу лучше не попадаться им в руки. Но сколько ни просились они тогда в бой, штаб полка не разрешал, да и командир роты не соглашался. Бойцы себе места не находили.

В этот день по-прежнему лил дождь. Чжай Юн-тан проснулся еще до рассвета. Лежавший рядом с ним Сюй Гэнь-цзы уже не спал.

— Бородавка, ты чего не спишь? (Бородавка — прозвище Чжай Юн-тана.)

— Не спится что-то. В прошлом бою много земляков поранило. Вместе ведь пришли, не отомстим за них — какими глазами на земляков посмотрим, когда на родину вернемся? К тому же погода холодная, а мы в мешковине да лаптях щеголяем. Есть тоже нечего... Разве могу я, командир взвода, спокойно смотреть на тяготы своих бойцов? Пощупать бы этих сволочей: за товарищей бы отомстили да провиантом и одеждой раздобылись. Да только...

— Ну а почему бы не пощупать?

— Начальство не разрешает!

— Ладно, лишь бы в Китай вернуться.

Чжай Юн-тан даже привскочил:

— Что? Ах ты, старый осел! По жене соскучился?

Но Сюй Гэнь-цзы говорил все это, конечно, для того чтобы только подзадорить Чжай Юн-тана; он и сам нервничал от безделья не меньше друга. Видя, что Чжай Юн-тан весь кипит, Сюй Гэнь-цзы попытался успокоить его:

— Попробовал бы ты еще раз с командиром роты потолковать!

И они вместе отправились к Чжан Да-жэню. Глядь — а кровать командира пуста; он давно уже поднялся и теперь прогуливался прямо под моросящим дождем. Друзья сразу выложили ему все, что у них на душе.

— Я и сам думаю, что не мешало бы их тряхануть хорошенько,— понимающе ответил Чжан Да-жэнь,— но командование не дает согласия. Говорят, момент неподходящий и не стоит слишком рисковать.

— При чем тут риск? — перебил его Сюй Гэнь-цзы. — Волков бояться — в лес не ходить.

Но командир роты только покачал головой.

Чжай Юн-тан давно уже распознал своего командира — тот был вспыльчив, словно порох. И Чжай Юн-тан, будто переводя разговор на другую тему, уколол его:

— А, по-моему, дело не в разрешении командования. Просто наш командир трусоват стал.

— Товарищ командир,— подхватил Сюй Гэнь-цзы,— неужели ты нам не доверяешь? Ведь мы в скольких боях побывали, смерти в глаза не раз смотрели!

Так, слово за слово, друзья раззадорили командира роты. Ненависть к врагу, стремление отомстить за друзей, благородный гнев на короткое время ослепили его, и он забыл о воинской дисциплине.

— Да за кого вы меня принимаете?! Ладно, была не была! Разобьем белогвардейцев, потом доложим командованию.

Через несколько минут рота уже выступала. Чжай Юн-тан со своим взводом шел впереди. Бойцы спешили: они хотели уничтожить белогвардейцев до рассвета, пока те крепко спят.

Разделившись на три группы, рота атаковала противника с севера, юга и востока. С востока на направлении главного удара действовали два взвода, в том числе и взвод Чжай Юн-тана. Ими руководил командир роты. Во-

рвавшись в деревню, бойцы не обнаружили на улицах ни души, даже часовых не было. Все были довольны, полагая, что операция в основном завершена и остается только брать врагов — живыми или мертвыми. Они уже начали окружать два самых богатых дома, как вдруг в тылу раздались выстрелы — это из церкви высыпало более сорока белогвардейцев. Тут же засвистели пули и из домов. Оказалось, что белогвардейцы, наученные горьким опытом встреч с китайскими бойцами, на этот раз заранее приняли меры предосторожности. Возможно, они обнаружили китайскую роту, когда та выступила. Обстановка сложилась так, что Чжай Юн-тану и его бойцам пришлось с боем отходить.

Едва успели выйти из деревни, как заметили окружающую их казачью лаву. Положение еще более осложнилось; дело дошло до рукопашной. Чжай Юн-тан дрался в самой гуще схватки и уже уложил двух вражеских солдат, как вдруг заметил, что три белогвардейца насели на Сюй Гэнь-цзы. Он тотчас бросился на выручку товарищу. Но не успел. Сюй Гэнь-цзы упал, а три белогвардейца налетели на Чжай Юн-тана, и его правая рука повисла, проколотая штыками сразу в нескольких местах. «Конец! — мелькнуло в сознании.— Но умирать, так не зря!»

Перехватив винтовку в левую руку, Чжай Юн-тан начал бешено размахивать ею вокруг себя. Враги не решались приблизиться к нему. И как раз в тот момент, когда он остался один против десятка вражеских солдат, в тылу ударила артиллерия. Казаки бросились врассыпную, и китайская рота вырвалась из окружения.

Ввиду того, что китайская рота ввязалась в опасную схватку только потому, что не прошла серьезной политической подготовки, командование на этот раз простило ей ее единственную ошибку и одновременно помогло бойцам роты извлечь уроки из этого боя.

Чжай Юн-тан пролежал в госпитале пять месяцев, а после выздоровления вернулся в строй.

В левую руку он был ранен осенью 1920 года. К тому времени его перевели в Екатеринослав (ныне Днепропетровск) на борьбу с бандитизмом и контрреволюцией. Однажды на рассвете Чжай Юн-тана разбудил командир роты товарищ Андрей. Как обычно, сообщив задание, товарищ Андрей напоследок сказал:

— Товарищ Василий (так по-русски звали Чжай Юн-тана в отряде), дело серьезное, врагов немало, сегодня будь особенно осторожен.

Получив задание, Чжай Юн-тан взял с собой около тридцати бойцов (из них двадцать — китайцев) и выступил. Пришли на какую-то глухую улицу. Среди других зданий одиноко стоял небольшой красный дом, выходивший сразу на две улицы. Приблизившись к дому, бойцы по заранее намеченному плану рассыпались в цепь и окружили здание. Два пулемета системы Максима нацелились на обе улицы, а третий глядел прямо в дверь. Восемь бойцов попарно держали под наблюдением четыре больших окна.

Когда дом был плотно оцеплен, один из русских бойцов по приказанию Чжай Юн-тана прокричал:

— Эй, там, в доме, слушайте! Вы окружены. Хотите жить — выходите и сдавайтесь. Будете сопротивляться — пощады не ждите! Выходите!

Но дверь не раскрывалась. Прошло несколько минут. Никакого движения. Чжай Юн-тан приказал крикнуть еще раз. Снова безрезультатно. Он разозлился, подошел к двери и ногой распахнул ее:

— Быстрее выходите, а то хуже будет. Товарищи, приготовиться!

Подождал минуту. В доме — ни звука. И никто не появляется. Не иначе, как уже удрали. Неужели мы пришли напрасно? А вдруг враг подготовил ловушку? Ведь тогда живыми из дома не уйдешь.

— Подождите,— обратился он к бойцам,— я сначала сам войду. В крайнем случае погибнет один.

Сжимая маузер, он одним прыжком очутился в прихожей. Обернулся — а белобандит, спрятавшийся за дверью, уже подскочил к нему и приставил к его виску наган. Решение пришло мгновенно: сделав резкое движение головой вбок, Чжай Юн-тан одновременно схватил левой рукой дуло вражеского нагана. Выстрелы прозвучали почти одновременно. Но пуля Чжай Юн-тана угодила врагу прямо в висок, а вражеская пуля прошла через левую ладонь Чжай Юн-тана.

Бойцы, оставшиеся снаружи, при звуке выстрелов ринулись внутрь. Начался обыск помещения. Однако, обыскав оба этажа здания, не обнаружили ни души. Еще раз просмотрели все уголки дома — опять безрезультатно.

— Товарищ командир взвода,— говорит один из русских красноармейцев,— на небо они унестись, конечно, не могли. А вот здесь... — И он указал на пол.

Чжай Юн-тана вдруг словно осенило. В самом деле, не могли же они под землю уйти! Он постучал каблуком в пол.

По звуку слышно, что внизу пусто,— значит подполье есть.

— А ну-ка, товарищи, отдерем доски да бросим туда парочку гранат для пробы!

Поднатужились, отодрали три доски. Но гранаты бросать не пришлось: из-под пола запросили о пощаде. Затем поднялись люки, скрытые под столами в углах комнаты, и наверх один за другим выбрались семь человек, которых тут же связали.

А потом из погреба достали пять пулеметов, десятка полтора револьверов, несколько ящиков патронов и пачки контрреволюционных листовок, которые враги не успели разбросать.

Так была ликвидирована подпольная контрреволюционная группа.

Шесть лет, которые провел Чжай Юн-тан в Советской России, были самыми бурными в жизни советского народа. Чжай Юн-тан дрался плечом к плечу вместе с советскими людьми, и его боевая жизнь была богата событиями.

Я собирался при следующей встрече с Чжай Юн-таном записать его рассказ об участии китайцев в обороне Царицына, но случилось непоправимое несчастье: через восемь дней после нашей первой беседы Чжай Юн-тан, последнее время чувствовавший себя плохо, навсегда ушел от нас.

★

Цзи Шоу-шань

Немеркнущая звезда

Мой боевой друг Петров

Завербовавшись в 1916 году на работу, я вместе с другими китайскими рабочими приехал на север России и попал в город Мурманск на строительство железной дороги. Мы очутились в каком-то не виданном доселе мире, закованном во льды и снега, где круглый год стоит хмурая, пасмурная погода. Зимой здесь по нескольку месяцев подряд не увидишь солнца. Часто люди умирали от плохой воды. В Мурманске никогда не было свежих овощей, приходилось питаться сушеными, и у многих людей выпадали зубы. Через некоторое время нас, партию китайских рабочих, отправили в Армению на рытье оросительных каналов. Климат на Кавказе очень хороший. Проработал я там три месяца, но получил только каких-то пятьдесят копеек: бо́льшую часть заработка присвоил себе подрядчик. В апреле 1917 года я остался совсем без работы. Чтобы как-нибудь существовать, пришлось вступить в отряд Красного Креста, созданный Временным правительством, и я попал на турецкий фронт.

В санитарном отряде я познакомился с прапорщиком Петровым — ветеринарным фельдшером. Мы очень подружились; всегда вместе работали, не разлучались и в свободное время. При Временном правительстве офицеры старой армии по-прежнему пользовались особыми привилегиями, и Петров занимал небольшую отдельную ком-

нату. А мы, солдаты, жили все вместе в страшной тесноте. Петров отличался большой скромностью и мягким отношением к людям. Ему совсем не были свойственны замашки царских офицеров. Он часто приглашал меня к себе в гости и всегда старался поделиться своими продуктами, угощал хлебом, галетами. А время было тяжелое. Каждую свободную минуту он учил меня грамоте. В то время солдаты на фронте получали ежемесячно по сорок рублей жалованья, и Петров не разрешал мне тратить деньги попусту. Боясь, как бы я не потерял свои сбережения, он взялся хранить их. У нас установились такие дружеские отношения, какие бывают, пожалуй, только между родными братьями.

Однажды я пришел к Петрову и застал его за чтением какой-то маленькой книжонки. Увидев меня, он очень обрадовался, пригласил сесть и положил передо мной начатую пачку галет.

— Кушай, кушай, не стесняйся! — улыбался он, усаживаясь рядом со мной на койку.— В России началась революция,— произнес он, задумавшись на мгновение.— Надо и нам участвовать в ней!

Слово «революция» я услышал впервые и совершенно не представлял себе, что это такое. Петров, словно угадав мои мысли, положил мне руку на плечо и стал неторопливо объяснять:

— Революция поможет беднякам встать на ноги. Она означает, что все равны и свободны. Она передает заводы рабочим, а землю — крестьянам. Надо уничтожить всех белых офицеров и чиновников и создать нашу собственную армию...

Поглощенный словами Петрова, я совсем забыл про галеты, а он продолжал:

— Эта армия должна совершить революцию и завоевать весь мир беднякам. Если мы хотим жить хорошо, надо участвовать в революции.

Тогда я еще не знал, что существует Коммунистическая партия, и Петров никогда не говорил мне об этом.

На турецком фронте начались беспорядки. Солдаты, услышав о революции в России, стали настойчиво требовать возвращения на родину. Офицеры знали о настроении солдат, но вмешиваться боялись и делали вид, что их это не касается. Участились случаи массового дезертирства. В ноябре месяце взбунтовавшиеся части были ото-

званы с фронта и переброшены в Россию. Наш санитарный отряд оказался в Тифлисе (ныне Тбилиси), простоял там около месяца и в конце концов был расформирован.

— Как нам теперь быть? — озабоченный, обратился я к Петрову.

Но того, как видно, совершенно не беспокоило случившееся. Он взял листик курительной бумаги, насыпал туда табаку и стал не спеша скручивать папироску.

— Надо искать работу, не подыхать же с голоду,— продолжал я.

В ответ он не проронил ни слова. Только протянул листок курительной бумаги, достал из кармана табак и отсыпал мне немного в руку. Но я так сильно волновался, что было не до курева. Я терпеливо стал ждать, пока Петров что-нибудь скажет, я очень надеялся на него.

Покурив, он, наконец, заговорил:

— Ну, где ты тут найдешь работу? По-моему, единственное, что нам остается, — это отправляться на поиски революционной армии.

А где революционная армия — этого не знал и сам Петров.

— Надо пробираться на север,— говорил он.— Рано или поздно мы найдем ее.

Итак, мы решили включиться в революцию. Сговорились еще с несколькими солдатами и с пожитками за спиной отправились из Тифлиса на север. В пути мы все время пытались выяснить, где находится революционная армия. К нам присоединялись все новые и новые люди. Когда мы добрались до Владикавказа (ныне Орджоникидзе), в нашей группе насчитывалось уже более ста человек. Но нам пока не удавалось разыскать революционную армию. Люди устали и начали отчаиваться.

— У нас есть винтовки,— сказал тогда Петров.—Чем же мы не революционный отряд?

Посовещавшись, мы тут же создали красный партизанский отряд. А в конце марта 1918 года в схватке с белогвардейцами он получил первое боевое крещение. Вначале бой шел успешно, но потом на помощь белогвардейцам подошли части немецких интервентов, и, потерпев поражение, наш отряд отошел в горы.

В один из августовских дней на площади Владикавказа завязалась жаркая схватка между красными партизанами и белогвардейцами. Бой становился все более и

более ожесточенным. Белогвардейцы превосходили нас и числом, и оружием, у них были броневики и пушки. Партизанский отряд нес большие потери; из двадцати китайцев двое уже погибли. Я попытался найти Петрова, но его нигде не было. Партизаны держались стойко и только к вечеру начали отходить. Я притаился под большим деревом и готовился уже отойти дальше, как вдруг передо мной появился боец-китаец по фамилии Ли.

— Подожди-ка,— обратился он ко мне.— Давай сначала стрельнем разок — другой.

Он отошел от дерева, но тут же один за другим захлопали выстрелы. Я видел, как Ли пробежал немного, потом зашатался и рухнул на бруствер окопа. Бешеная ненависть к врагу охватила меня, в глазах потемнело. В несколько прыжков я оказался в окопе и со страшной злобой метнул в противника одну за другой штук пять гранат. Выскочив из окопа, я побежал к концу площади, перемахнул через забор и очутился на кладбище, где и нашел своих. Но Петрова среди них не оказалось. Страшно усталый, изнывающий от жажды, я был не в состоянии разыскивать его. Как мертвый, упал я на чью-то могилу и лежал без движения.

Глубокой ночью рассеянный было отряд снова собрался. А на следующее утро, перегруппировавшись, мы перешли в решительное наступление и выбили белогвардейцев с площади. Тогда-то я нашел, наконец, Петрова — он лежал у окопа. На шее его зияла глубокая рана от белогвардейской шашки, глаза были чуть приоткрыты, кровь смешалась с грязью, запеклась и стала черной... Крепко обнял я своего любимого брата. Кровь клокотала во мне от обрушившегося на меня горя, от чувства глубокой ненависти к врагу. Мои слезы капали на лицо Петрова. Один за другим снимали партизаны шапки и в полном молчании стояли вокруг. Недолго прощался я со своим другом: рядом уже стояли санитары, чтобы унести его тело в тыл.

Вдруг послышалась бешеная пальба—это белые опять пошли на нас в атаку. Я бросился в окоп и открыл яростный огонь по противнику. Я забыл обо всем и думал только о том, как истребить побольше вражеских солдат. Ни один мой патрон не пропадал даром. Я видел, как от каждого выстрела падал на землю белогвардеец, и у меня понемногу отлегало от сердца. Во второй половине дня

подошли партизанские броневики. Мы выскочили из окопов и, в яростной контратаке отбив наступление белых, вышвырнули их из Владикавказа.

После боя я бросился в санитарный отряд, но моего друга Петрова уже похоронили.

...В один из студеных вечеров 1924 года, вскоре после смерти великого вождя и учителя мирового пролетариата товарища Ленина, по рекомендации секретаря партийного комитета Шумилера, председателя месткома Ильина и командира партизанского отряда Семенова меня приняли в великую партию — ВКП(б). Когда мне вручали партийный билет, я очень волновался. В этот момент в моем сознании одна за другой проносились картины прошлых боев, в которых мы с Петровым сражались плечом к плечу. Это он вывел меня на путь революции, и благодаря ему я могу сегодня вступить в ряды Коммунистической партии и отдать всего себя делу коммунизма.

Спи спокойно, мой дорогой советский друг товарищ Петров!

Партизанский отряд Соколоза

В январе 1919 года меня свалил брюшной тиф, и я попал в партизанский лазарет, расположенный в горах, сплошь поросших лесом. Однажды белые захватили наш лазарет, и всех больных и раненых, которые не могли двигаться, посадили в тюрьму.

Днем и ночью мы вместе с крестьянами под усиленным конвоем белогвардейцев строили железную дорогу. Однажды темной ночью, улучив удобный момент, когда белые ослабили свой надзор, мы, тринадцать человек, где бегом, а где ползком сбежали в лес.

Белые выставили повсюду засады и тщательно прочесывали местность. Мы скрывались в лесу, лишенные возможности появляться в деревнях. Питались дикими кореньями и ягодами. Некоторые не выдержали лишений, заколебались. Они подумывали, не разойтись ли по деревням, чтобы заработать себе на хлеб какой-нибудь случайной работой. Вспомнил тогда я Петрова, вспомнил и то, чему меня учили, как закаляли в огне революции, и решил: как бы тяжело и трудно ни было, от революции я не отойду, а буду искать партизан и Красную Армию.

В тот же день вечером мы спустились с гор и подошли к деревне. Вдруг пошел сильный дождь. Все невыносимо устали, проголодались и озябли, а спрятаться от дождя было негде. Вот и решили — будь что будет — войти в деревню. В одном из домиков мы заметили огонек и, позабыв про всякую предосторожность, направились прямо туда. Входим в дом, а там на стене оружие висит. «Вот,— думаем,— попали в историю»,— и решили уходить обратно.

— Вы чего испугались? — стал удерживать нас хозяин.— Да садитесь, откушайте с нами.

Говорил он, видимо, от души, гостеприимно и вежливо: наверное, ему приходилось уже принимать таких непрошеных гостей. Помялись мы немного, а потом чувствуем — сил нет больше переносить голод, ну и уселись вокруг стола. А хозяин стал любезно угощать нас вареной картошкой, от которой аппетитно шел пар.

— Вы кушайте, не стесняйтесь,— заговорил он, помолчав немного, — а я схожу за старостой. — Усомнились мы вначале, но видим, что человек он как будто неплохой, не должен вроде причинить нам зло, вот и решили — пусть себе идет. Продолжая уписывать картошку, мы приготовились на всякий случай, чтобы не оказаться застигнутыми врасплох.

Вскоре пришел староста. Поздоровался и говорит:

— Мужиков в деревне сейчас мало, а рабочие руки — во как нужны. Захотите остаться у нас — будете сыты и одеты, а потом и семьями обзаведетесь.

Ни я, ни мои товарищи оставаться в деревне не собирались. А староста все не унимается и так и сяк уговаривает. И как ни отказываемся — все напрасно. Разволновались мы и сказали ему напрямик:

— Не можем здесь остаться, староста, партизан разыскиваем.

Услышал это староста, испугался, вытаращил на нас глаза и говорит:

— А у меня есть приказ белого полковника: всякого, кто появляется в деревне, немедленно отправлять к командиру полка. Так что, остаетесь или...

Мы насторожились, и я подумал: «Прежде чем ты осмелишься донести на нас белым, мы тебя шлепнем, а потом уйдем из деревни».

Наступило тягостное молчание, и это было самым тяжелым моментом. Увидев, что мы решительно отказываемся от его предложения, староста подумал немного и, словно решив что-то, говорит:

— Ну что же, не остаетесь, так и не надо. Отправлять вас никуда не будем. Только вот что: уходите в горы и ищите там свой партизанский отряд.— И в заключение добавил:

— Говорят, что партизанский отряд находится к востоку отсюда. А встретите по пути белых, ни в коем случае не говорите, что были здесь, у нас.

Выйдя из деревни, мы посовещались: раз староста отпустил нас и погони белых нет, значит, он неплохой человек, и решили двигаться на восток.

Глубокой ночью добрались мы до горного перевала и здесь встретили мальчика. Оказалось, что он дозорный партизан. Спросив, кто мы, мальчик повел нас в ущелье, где расположился партизанский лагерь. Местность эта называлась Ведено. Здесь раньше находились казармы белых. Командиром партизанского отряда был Соколов. В отряде насчитывалось около пятисот бойцов, больше ста из которых не имели оружия.

Выслушав наш рассказ, Соколов решил провести боевую операцию. Через несколько дней он отправил в Грозный связного с поручением к подпольщику из партизанского отряда Ивану, служившему надсмотрщиком в грозненской тюрьме. Связной должен был передать ему коробку папирос, в одной из которых находилась записка следующего содержания: «Будьте готовы. Такого-то числа, такого-то месяца отряд освободит тюрьму».

Я тогда еще не оправился от болезни. Соколов выделил для проведения операции тридцать партизан под командованием Мити. В соответствии с выработанным планом партизаны напали на тюрьму. Но не успели они освободить и пятидесяти заключенных, как нагрянули белые. Партизанам пришлось, отстреливаясь, поспешно отойти. Кое-кого из освобожденных белые схватили и снова бросили в тюрьму. А через некоторое время по доносу предателя был схвачен наш Иван. Его повесили на телеграфном столбе. Предатель знал также и место, где расположился партизанский отряд, и 31 января 1920 года привел туда шеститысячный отряд белых. Сняв наш дозор на горном перевале, белые устремились к лагерю.

В то утро часов около пяти меня вдруг разбудили страшные крики и ружейная пальба, от которой гремело все ущелье. Мы выбежали из помещений и, припадая к земле, стали вести огонь по противнику, который шел на нас лавиной. В отряде была всего лишь одна пушка. Дали из нее три выстрела, и она пришла в негодность. Партизаны несли большие потери убитыми и ранеными. Чтобы не попасть в окружение, командир отряда Соколов приказал отходить в горы. Только к вечеру нам удалось оторваться от противника. В этом сражении партизанский отряд потерял более пятидесяти отважных бойцов.

Спустя два месяца Красная Армия перешла в генеральное наступление на Южном фронте. И тогда с гор спустился партизанский отряд под командованием Соколова и принял участие в освобождении Владикавказа, Грозного и Кисловодска.

Литературная запись Нань Синь-чжоу

Лю Фу

Наш маленький проводник

Шел 1918 год. 1-й китайский отряд (полк) Красной Армии действовал в верхнем течении реки Камы. После двухмесячных кровопролитных боев против колчаковских банд на правобережье в районе Степаново, Ножовка, Бабка отряд, преследуя противника, переправился на левый берег. Здесь, заняв оборону, задержался более месяца из-за капитулянтской тактики троцкистского командования и, дав противнику передышку, подставил себя под удар.

Отряд расквартировался в деревнях Бараново, Неволя и Еловка. Штаб отряда разместился в Еловке. Взвод, которым командовал я, расположился в деревне Лавская в семи километрах от штаба отряда. Помню, у хозяйки, где мы остановились, сыновья были в Красной Армии. Из некогда большой семьи дома остались только трое: сама хозяйка, старушка за шестьдесят лет, и две молодые снохи — жены сыновей.

Помнится, день 24 ноября выдался очень пасмурный, солнце так и не показалось. В пять часов вечера уже стемнело. Мы, группа китайских бойцов, сидели в горнице возле русской печи и рассказывали хозяйке и ее снохам о необыкновенно красивых китайских горах, реках, лесах, полях и тяжелой жизни бедноты. Женщины слушали нас очень внимательно. В другой комнате и на кухне, где

расположились остальные бойцы нашего взвода, не смолкали ни на минуту шаньдунские рассказчики, хэбэйский хор, звучали народные песни.

— Дядя Лю Фу! — обращается ко мне вбежавший в этот момент мальчик, наш общий любимец Вова, и передает мне записку. Читаю при свете керосиновой лампы эту записку, написанную очень неровным, размашистым почерком: «Немедленно подними взвод по тревоге. Сбор точно в пять часов у штаба отряда. Командир отряда Фань Хай-шань».

Смотрю на часы. Уже пять тридцать. Значит, задержали передачу приказа в штабе отряда. Я немедленно приказываю Сюй Чан-линю, командиру дежурного отделения, снять посты и построить взвод в полной боевой готовности. Сам торопливо собираю свои вещи. Вова взялся мне помогать.

Это был мальчик лет тринадцати, краснощекий, русоволосый, курносый. В блестящих больших глазах его отражались ум, сообразительность и бесстрашие. Вову направил к нам местный сельский Совет в качестве связного. Отец мальчика был командиром кавалерийского отряда, а до военной службы работал мастером на асбестовом заводе, где было тогда свыше шести тысяч китайских рабочих. Китайцы очень любили мальчика и звали его Вовой. Вова отвечал китайцам любовью, он всегда называл их по-русски дядями или дяденьками. Вова любил разговаривать с китайскими рабочими.

Когда мальчика назначили связным, он был просто на седьмом небе от радости. Бывало, пошлют Вову ко мне во взвод с устным приказанием или запиской, летит он, как на крыльях, придет, сообщит все штабные или местные новости и не уйдет, не спев или не сплясав.

Но на этот раз Вова был хмур и печален и ничего не рассказывал. Я удивился и спросил его:

— Что случилось, Вова? Обстановка, может быть, ухудшилась?

— Нет, дядя,— коротко ответил мальчик.

— Ну тогда иди домой поскорее. Сейчас уже поздно.

— Нет, теперь не пойду. Там уже все снялись и даже телефонная связь свернута. Я пойду с вами в Еловку.

Взвод выступил через четверть часа. Вел нас Вова, хорошо знавший местность. Ночь была темная безветренная. Кругом — тишина. И вся земля казалась погружен-

ной в сон. Слышны были только наши быстрые шаги. Взвод продвигался форсированным маршем. В темноте все время кто-нибудь да падал или спотыкался. Перейдя через одну речку, Вова вдруг остановился и прошептал мне:

— Дядя Лю, остановите взвод.

На марше нельзя разговаривать громко. Я передал команду по цепочке, и взвод остановился.

От этого места оставалось два — три километра до Еловки, через которую проходила дорога с юга на север. Еще одна дорога, вдоль оврага, вела в лес на восток. Впереди нас, на расстоянии нескольких сот метров, была как раз та самая дорога, которая проходила через Еловку. Всюду по обеим сторонам ее возвышались небольшие горы, поросшие густым лесом. Еловка, где расположился штаб отряда, осталась теперь налево от нас за горой.

Вова, потянув меня за рукав, спросил:

— Слышите, дядя Лю? Впереди стреляют.

Глухо доносились выстрелы. Я слышал их отлично. Скорее всего перестрелка шла восточнее Еловки. Раздавались лишь редкие одиночные выстрелы, и невозможно было предположить, что там шел ожесточенный бой.

— Что бы там ни случилось, мы обязаны точно выполнить приказ,— сказал я.

— Нет, дядя Лю. Приказ к нам пришел с опозданием. Боюсь, что Еловка уже в руках беляков, и нам нельзя идти туда. А штаб отряда мог отойти на восток. Поэтому нам придется пробираться лесом в том же направлении,— серьезно ответил мне Вова.

Едва Вова закончил говорить, как впереди на горе застрочили пулеметы. Мальчик оказался прав: вершина горы уже была занята противником, и если бы мы пошли к Еловке, то угодили бы под прицельный огонь белых.

Когда противник дал очередь по отряду, наши ряды смешались. Было темно хоть глаз выколи. Мы не различали друг друга даже на расстоянии шага. В суматохе меня столкнули в овраг. Я перекувырнулся и скатился на дно оврага. К счастью, там было много старой опавшей листвы, и я отделался легким ушибом. Я встал и прислушался. Взвод вдоль оврага уходил на восток. Кружилась голова. Постояв минутку, я пришел в себя и решил догонять своих. Но вокруг ничего нельзя было различить.

Овраг крутой, отвесный, как стена, и мне из него не выбраться. Вспомнив, как Вова говорил, что овраг кончается левее, я ощупью поплелся вперед. Скользко было идти по мокрой листве. А тут еще пни да стволы деревьев, о которые я спотыкался почти на каждом шагу. Так прошел я с полкилометра, голова сильно кружилась, я обливался потом.

Наконец, я наткнулся на высокий пень и сел перевести дух. «Где же кончается этот проклятый овраг и куда он приведет? — думал я.— Вдруг угожу прямо к белым, в их логово! Хуже этого ничего не придумаешь! А взвод? Куда его приведет Вова?» Тяжелые мысли не оставляли меня.

Вдруг на душе сразу стало спокойнее. «У меня оружие и патроны. Собственно, бояться нечего,— решил я.— Во всяком случае, белым не сдамся. Умру, но прежде уложу их порядком! — Тут я инстинктивно приподнял винтовку и пощупал револьвер. У меня еще было свыше двухсот патронов и три ручные гранаты.— Хватит! А взвод тоже не подкачает. Никто из ребят до последнего дыхания не сложит оружия».

Пошел снег. Он падал большими хлопьями и, все усиливаясь, вскоре толстым слоем покрыл землю. Вокруг стояла такая тишина, что, казалось, слышно было падение снежинок. Я встал, отряхнулся и собрался идти. В этот момент вдруг впереди раздался шорох. Метрах в ста от меня мелькнуло что-то. Я присел и всмотрелся. Еще нельзя было различить, человек это или зверь. Я беспокойно раздумывал, как быть. Если это враг, я уложу его. Тут-то уж выбора быть не может. А если это зверь — ну там волк, медведь или рысь,— то дело сложнее: не убить его нельзя, а убьешь, выстрелом обнаружишь себя и привлечешь внимание противника. Сильно волнуясь, я заметил, что неведомое существо направляется в мою сторону. Это был человек. Я осторожно оттянул затвор и прицелился, ибо это вполне мог быть вражеский дозор, противник ведь занял район. Когда человек приблизился ко мне метров на тридцать, я собрался выстрелить, но вдруг услышал знакомый голос:

— Дядя Лю, дядя Лю!

Это был Вова. Радость переполнила мое сердце. Мне не верилось, что он пришел за мной. Может быть, померещилось? Ведь, черт возьми, мальчик повел взвод.

— Дядя Лю, дядя Лю,— снова послышался голос, и я убедился, что это действительно наш связной.

— Вова, это ты? — откликнулся я смело.

— Да, это я, дядя Лю. Быстрей идите сюда, дядя Лю!

Мне показалось, что с меня свалился тяжелый груз. Усталость как рукой сняло. Я в один дух пробежал расстояние, отделявшее меня от Вовы, и крепко обнял его.

— Вова, сынок! Это ты! А где ребята? — заговорил я.

— Дядя Лю, тише. Противник близко. Идите за мной,— прошептал мальчик.

Мы двинулись вперед по глубокому снегу. Только когда отошли довольно далеко, Вова ласково обратился ко мне:

— Дядя Лю, я знал, что вы упали в овраг. Я сперва взвод вывел на лесную дорогу, а теперь за вами пришел. А то нас перестреляли бы. Не поранились?

— Нет. Спасибо, Вова. Ты настоящий храбрец!

— Пойдемте быстрее. Скоро овраг кончится, и мы выйдем на дорогу,— сказал связной.

Двигаясь ощупью, мы примерно через час вышли к концу оврага. К этому времени поднялся ветер и усилился снегопад. Выходя из оврага, Вова вдруг шмыгнул за дерево и жестом велел мне немедленно присесть. Мимо, слева, проскочила повозка, на которой, как мы заметили, сидели четверо и был установлен станковый пулемет. Вова сказал мне:

— Это свои. С красными околышами на фуражках. Один из них даже, кажется, китаец, очень похож.

Пройдя быстро километра три—четыре, мы на опушке лесочка догнали свой взвод. Товарищи очень обрадовались нам. Все, каждый по-своему, выражали свое восхищение Вовой.

— Вова, сынок, ты с честью выполнил свою задачу. Мы все благодарим тебя. Теперь тебе надо идти домой отдохнуть, — сказал я мальчику.

— Нет, я сейчас не могу идти домой,— ответил он и, посмотрев на небо, добавил: — Сейчас уже полночь и медлить нам больше нельзя. Отсюда до лесопилки еще тридцать пять километров. На рассвете вы будете там. Идемте, я покажу вам дорогу.

Когда Вова провел нас через большой участок густого леса, мы увидели впереди смутно выделявшуюся серую

ленту проселочной дороги, уходящую влево, на северо-восток.

— Вот эта дорога ведет на лесопилку. До свиданья, дядя! — звонко проговорил Вова.

— Вова, ты не пойдешь с нами? — спросил кто-то из бойцов.

— Нет. Вы там увидите моего папу Шецкова Ивана Ивановича. Скажете, что мы с мамой перешли к старшей сестре. До свидания, дяди!

Вова помахал нам рукой и зашагал обратно к лесу. Мы, взвод китайцев, судьбой заброшенные в незнакомую страну, глотая слезы, стояли на месте и смотрели ему вслед до тех пор, пока он не скрылся в бескрайнем лесу.

Литературная запись Цзяо Е

Коу Си-тин

Мои товарищи по оружию

Я навсегда запомнил великий семнадцатый год.

В то время мне было 30 лет, работал я в дальневосточном городе Хабаровске, жил на небольшом постоялом дворе. Однажды вечером на постоялый двор прибежал встревоженный Ван. Не успел я и рта раскрыть, как он, с трудом переводя дух, выпалил:

— Дружище Коу, очень срочное и важное дело, надо поговорить с тобой.

Я хотел было спросить, что за дело, но он огляделся, молча взял меня за руку и вывел на улицу.

Выйдя из ворот постоялого двора, мы медленно пошли по улице. Щербатый Ван приглушенным голосом говорил, что сегодня после полудня он вез дрова из лесу и в пригороде наткнулся на толпу людей, окружавшую оратора. Он пробрался поближе к говорившему, но услышал только две—три фразы, так как все кончилось и люди стали расходиться. Ван спросил у одного крестьянина, о чем говорили. «Красная партия готовит восстание,— сказал тот.— Будем изгонять помещиков и капиталистов, свергать правительство, обманывающее и притесняющее народ, защищать бедных. Этот человек говорил сейчас, что мы должны подготовиться и приступить к делу».

Сердце Вана наполнилось радостью от таких слов. Он быстро отвел лошадь к хозяину, а сам побежал на постоялый двор поделиться со мной этой новостью.

Когда он поведал мне об этом, на душе стало легче, и у меня невольно вырвалось:

— Здорово! Всю жизнь мы были козлами отпущения, а вот теперь красная партия поднимает восстание. Нам надо к нему присоединиться.

Видно было, что Ван согласен со мной. Я предупредил его, чтобы он не болтал об этом, и мы расстались.

На сердце было тревожно. Вернувшись домой, я выпил чаю и лег спать, но долго не мог уснуть. Слова, сказанные Ваном, не давали покоя. Нахлынули воспоминания о прошлом, о юных годах. Отца и мать жестоко эксплуатировал помещик, всю жизнь они страдали, никогда сыты не были, с каждым годом все глубже залезали в долги. Четырнадцати лет я начал учиться на плотника, а шестнадцати оставил деревню и отправился на заработки в Харбин. Потом поддался обману русских капиталистов и попал на угольные шахты у Никольск-Уссурийского (ныне Уссурийск). Работать на шахтах было тяжело, а денег почти не платили и никогда не давали есть досыта. Полиция следила за каждым шагом рабочих. Я не мог вынести этих мучений и сбежал в лес, но заблудился и попал в руки полиции. Меня жестоко избили и отправили обратно на шахту. На следующий же день подрядчик погнал меня на работу. Через несколько месяцев я, рискуя жизнью, снова бежал и возвратился в Харбин. Но в Харбине, как и раньше, не мог найти работу; жить было не на что.

Спустя два — три месяца из России приехал вербовщик набирать плотников на строительство казарм в Благовещенске. Я завербовался и снова поехал в Россию, но только потому, что подвернулась плотничья работа. В Благовещенске работал больше года. За это время сэкономил на пище и одежде 200 рублей. После окончания строительства работал по ремонту судов. Здесь при расчете подрядчик не только не заплатил мне и другим рабочим, но обманным путем забрал все ранее накопленные деньги. Потом я работал в Хабаровске, немного научился говорить по-русски, мог без помощи китайских подрядчиков находить себе работу и думал, что теперь, возможно, будет немного лучше. Однако известно, что вороны во всем мире черные: русские богачи тоже обманывали и притесняли нас. Выполнишь работу, а тебе за это или гроши заплатят, или вовсе ничего не дадут.

Так сказанные Ваном слова воскресили в моей памяти прошлое, и я не мог больше сдержать свой гнев. Бедных всюду тиранят, обманывают, унижают. Чтобы избавиться от этого, я готов был идти на смерть. Поэтому я твердо решил принять участие в революции. На следующий же день надо было найти Вана и поговорить с ним. Только я собрался идти к Вану, как он явился сам. Мы посовещались и решили идти в сопки партизанить.

— В тайге ведь дикие звери, вдвоем идти опасно! — напомнил Ван.

— Ничего, мы установим связь с другими людьми, подберем еще двух — трех человек, на первое время этого достаточно, — ответил я ему. — Если не найдем людей в городе, пойдем по деревням.

— Правильно, — согласился Ван. — Я найду нескольких человек. Но как быть с оружием?

— Каждый должен сам достать оружие, — сказал я. — Можно, например, позаимствовать у знакомых.

Прошло несколько дней, и Ван привел трех китайцев-разнорабочих: высокого мускулистого Ляна, по прозвищу длинный Лян, низкого и сухого, но подвижного Хоу Чжань-шаня и несговорчивого Чжана. Все они трелевали лес на горе Лысой. У меня был дробовик, им много не навоюешь, и я обменял его у соседа на берданку. За день до ухода в сопки мы собрались все вместе и договорились встретиться на другой день у перекрестка дорог в десяти километрах от Хабаровска и идти на гору Лысую.

В полдень мы собрались в условленном месте и двинулись дальше. К вечеру прошли еще километров двадцать. В пути не попалось подходящего пристанища — на ночлег пришлось остановиться в балке. Все ушли за хворостом для костра. Первым, неся большую охапку сухих веток, вернулся Хоу Чжань-шань. Ван, разводя костер, пошутил:

— Ах ты, обезьяна [1], только попал в горы — сразу преобразился!

Я поддержал его:

— Обезьяна завоевывает горы и становится царем,

[1] Игра слов. Хоу — по-китайски обезьяна; в данном случае совпадает по звучанию с фамилией Хоу.— *Прим. перев.*

развертывает знамена и добивается побед[1]. Наш партизанский отряд будет иметь успех! — Шутка внесла оживление в нашу компанию.

На другой день мы продолжали наш путь к сопкам. В лесу лежал глубокий снег. Ориентироваться в горах было трудно. Длинный Лян и Хоу Чжань-шань прежде часто бывали в этих местах, и они шли впереди, указывая нам дорогу. В полдень мы набрели на омшаник, в котором была печка и простенькая посуда для приготовления пищи. Здесь и остановились.

Поднялась метель, стало холодно. Мы целыми днями сидели в омшанике, почти не выходя из него. Так прошло несколько дней. Однажды вечером длинный Лян, насупившись, сказал:

— И чего мы отсиживаемся, разве для этого собрались вместе? А что сейчас делается в городе? Ведь там восстание, а мы сидим здесь. Разве это участие в революции?

Щербатый Ван поддержал его:

— Я тоже так думаю! Но ведь мы здесь временно. Как только восстание в городе начнется, спустимся с гор и примемся за дело.

Я видел, что Ляну не сидится на месте, и сказал ему:

— Потерпи немного. Утихнет метель, кто-нибудь сходит в деревню, узнает новости, закупит продукты. В омшанике места мало, скучно. Можно выйти поохотиться, потренироваться в стрельбе, чтобы потом лучше бить врагов. А если убьешь зверя, товарищей накормишь.

Наконец метель немного утихла. Я, Ван и Лян спустились с сопки и направились в ближайшую деревню. Там мы узнали, что в городе произошло восстание. Белогвардейцы всюду хватают и убивают большевиков, уже сожгли несколько деревень. В этой деревне создается партизанский отряд. Некоторые китайские рабочие, знакомые Вана и Ляна, узнав, что мы уже создали партизанский отряд, попросили принять их. Мы пообещали зайти дня через два и наказали им запастись оружием. Вернувшись в омшаник, мы рассказали обо всем Хоу Чжань-шаню и Чжану; те очень обрадовались.

---

[1] В 16 в. н. э. писатель У Чэн-энь написал фантастический роман «Путешествие на Запад», в котором, в частности, описывается царство обезьян. — *Прим. ред.*

На другой день мы покинули омшаник и побывали в двух деревнях, призывая желающих вступать в наш отряд. К нам присоединилось одиннадцать человек. Все были китайцы, они горели желанием бороться с врагом. Так мы расширяли наши ряды, собирали силы для сражений.

После восстания в Хабаровске наш отряд действовал в деревнях, расположенных в районе горы Лысой. Мы тревожили белогвардейцев, засевших в населенных пунктах, и устраивали засады на дорогах. Укрывшись по два — три человека за деревьями или в складках гор, выжидали появления небольших групп противника, подпускали на выстрел берданки и открывали огонь. Уничтожали одного — двух, остальные в панике разбегались. Таким путем добывали себе винтовки. Оружие у нас стало лучше, люди — храбрее.

Однажды мы узнали, что в одном населенном пункте разместились колчаковцы. В холодную ветреную ночь мы с Ваном повели отряд на эту деревню. Несколькими выстрелами сняли дозор противника на сопке, рассредоточились по гребню, укрылись и стали ждать подхода белогвардейцев, чтобы нанести внезапный удар. Но колчаковцы струсили и не пошли в сопки, а спрятались в укреплениях около деревни, откуда повели по горам беспорядочный огонь. Мы поняли, что противника не удастся заманить в ловушку, и отошли.

В нашем отряде все дела мы решали сообща. Все партизаны были китайцами, поэтому, когда мы заходили в деревню и встречали китайцев, они просили нас принять их в отряд. Скоро он вырос до 36 человек.

В апреле 1918 года во Владивостоке, по сговору с белогвардейцами, высадились японские войска. Они захватили транссибирскую магистраль и некоторые города, расположенные на ней. Японцы всюду сеяли огонь и смерть, нападали на красные партизанские отряды. Скоро и до нас дошли слухи о японцах. Наши партизаны были возмущены наглым вмешательством японских империалистов в дела русской революции. Китайцы на Северо-Востоке уже испытали на себе японский гнет[1]. А теперь они пришли сюда снова угнетать и обманывать нас. Мы должны дать им отпор.

---

[1] Речь идет о господстве японских империалистов в южной части Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) после поражения царской России в русско-японской войне 1904—1905 годов.— *Прим. ред.*

Долго не было подходящего случая сразиться с японскими захватчиками. Наконец в сентябре нам стало известно, что японцы в одну из деревень намерены выслать карательную экспедицию. Мы немедленно посовещались и решили выбрать место, вырыть там рвы и похоронить в них карателей.

Я, Ван, Лян и Хоу осмотрели теснину около большой дороги и нашли подходящее место. Недалеко от дороги возвышались две сопки, поросшие лесом. Между ними была ровная площадка, которая заканчивалась холмом; за холмом протекала неширокая речка, уже покрывшаяся тонким льдом. Партизаны рассредоточились на лесных опушках этих сопок. Ждать пришлось несколько дней. И вот, наконец, после полудня показался отряд японской кавалерии численностью до пятидесяти человек. Мы выслали вперед двух партизан, которые, дав по два выстрела за холмом, побежали в сопки. Японцы бросились за партизанами. Когда вражеские солдаты стали взбираться на холм, мы с флангов открыли по ним ураганный огонь, затем бросились в атаку. Много карателей было убито и ранено, остальные попрыгали в реку. Японский отряд был полностью уничтожен, мы захватили более сорока винтовок.

Вскоре мы узнали, что через деревню, расположенную перед нами, должны проходить подразделения белого атамана Калмыкова. Нельзя было упускать такой «лакомый кусок». Мы разбились на две группы и засели на сопках по обеим сторонам дороги. Одной группой командовал я, другой — Ван. Едва мы расположились на сопках и еще не замаскировались, как показались конники противника. Их было человек шестьдесят. Мы дали залп и убили больше десятка белобандитов, остальные, спасая свои шкуры, бросились бежать.

После этого боя мы по-прежнему находились в районе горы Лысой, но в течение нескольких месяцев не сталкивались ни с белогвардейцами, ни с японцами. Боевой дух партизан упал. Некоторые, переправившись через реку, ушли в Китай. Видя такое положение, мы с Ваном решили увести отряд в деревню Нелугово Амурской области. Это решение основывалось на нашем хорошем знакомстве с теми местами и многими людьми. Когда мы высказали свои соображения партизанам, они предложили мне и Вану отправиться туда и установить связь с

местными жителями. Тогда мы не знали, что навсегда расстаемся со своим партизанским отрядом.

Темной ночью на маленькой лодке переправились мы через Амур, северо-восточнее Хабаровска, и на одной из станций пристроились на товарный поезд, так как у нас не было денег на билет. Кочегар, которому мы рассказали о своих делах, посадил нас вместе с грузчиками. При подходе к небольшой станции машинист замедлил ход, мы спрыгнули с поезда и направились в деревню Нелугово.

В Нелугово мы прожили несколько дней и за это время узнали, что в соседней деревне Ивановке находится партизанский отряд численностью более ста человек, возглавляемый бывшим командиром роты в первую мировую войну Василием.

Василий имел богатый военный опыт. Мы взяли у знакомых охотничьи ружья и пошли к нему. На третий день вечером, после того как мы присоединились к отряду, он двинулся в северо-западном направлении бить японских захватчиков. Идти было трудно, дорогу занесло снегом.

Когда отряд отошел от Ивановки километров на пятнадцать, с правого фланга из-за холма внезапно появилась большая группа противника. Партизаны не успели развернуться и попали под ожесточенный огонь. Мы с Ваном находились в это время позади отряда. Услышав стрельбу, мы сразу же укрылись в придорожной канаве. Я видел, как падали товарищи, скошенные пулями. Некоторые укрылись в копнах сена. Когда противник перешел в атаку, я пополз по канаве на юго-восток. Прополз, наверное, более километра, совсем выбился из сил, остановился и вытер рукавом пот. Обернувшись назад, я увидел, что там, озаряя небо, полыхает огонь. Он окружал копны, где укрылись товарищи. От такого зрелища стало невыносимо тяжело на душе. Продвинувшись еще немного вперед, я оказался в низине. В это время меня догнал Ван, он шепнул:

— Дружище Коу, противник ушел на запад.

Я глубоко вздохнул и почувствовал острую боль в груди; ноги совсем онемели. Все лицо и руки были порезаны травой и льдом. Мы немного отдохнули, а затем медленно побрели в Нелугово. Я с трудом передвигал ноги, Ван поддерживал меня.

В Нелугово мы пришли перед рассветом, постучались к нашей знакомой Макарьевне. Она, видя, что Ван поддерживает меня под руки, встревожилась:

— Ты ранен?

— Нет, очень устал, — ответил я. Больше она ни о чем не расспрашивала. Быстро налила мне воды, подмела пол, затопила печь и приготовила постель. Когда я лег, Ван рассказал ей о том, что случилось с нами этой ночью.

Наступило утро, мы с Ваном больше не смогли оставаться в деревне. Макарьевна подала завтрак, мы быстро поели и собрались уходить. Ван предложил Макарьевне деньги, но она наотрез отказалась:

— У меня не харчевня. Коу — мой старый друг. Вы, не щадя себя, помогаете нам бить врагов, а я буду брать с вас деньги за еду?

Когда мы дошли до места вчерашнего боя, перед нами предстала страшная картина. Немного отдохнув, мы помогли крестьянам перенести погибших товарищей в омшаник и с болью в сердце покинули это проклятое место.

В Сяотединцзы мы вступили в партизанский отряд Бондаренко. В этом отряде было более двухсот человек, среди них немало китайцев. С Ваном мы не расставались. Однажды, когда наш отряд уже соединился с основными силами Красной Армии, наступавшими на Благовещенск, Ван сказал мне:

— Дружище Коу, скоро победа. Хорошо бы узнать, где наш первый партизанский отряд. Надо будет разыскать старых боевых друзей, когда возьмем Благовещенск.

— Да, я тоже постоянно думаю о Ляне, Хоу Чжаньшане и Чжане, — ответил я.

На подступах к городу завязались ожесточенные бои с японскими захватчиками. Ван, участвовавший в атаке вместе с наступающими частями, погиб под Благовещенском.

Когда освободили Благовещенск, Вана похоронили вместе с советскими товарищами. До сих пор я помню Вана и других товарищей, боевых друзей молодых лет.

Записал Хэ Гун

★

Чэнь Бо-чуань

Дни и ночи в Сибири

В 1910 году, когда мне было двадцать семь лет, я покинул семью и родину и отправился в Россию на заработки. Пойти на это меня заставили голод и лишения.

Сперва мне пришлось работать кули на пристани в Благовещенске. Целыми днями я таскал на себе тяжелые грузы и уставал так, что к вечеру отнимались руки и ноги, а прокормить не мог даже самого себя. К тому же я ни слова не понимал по-русски.

Недалеко ушли друг от друга царская Россия и Китай, где господствовала маньчжурская династия: и там и здесь богачи жили припеваючи, а бедные — в голоде и холоде. Проработал я на пристани год, больше не смог и, расставшись со своими русскими товарищами — такими же, как я, тружениками, — пошел батрачить на кулака в деревню Чуевка, расположенную юго-восточнее Благовещенска. Там пробыл до 1918 года.

Трудный это был год. Тогда объединились враги новой власти — международный империализм и остатки свергнутых враждебных классов внутри России — и, развязав гражданскую войну, попытались задушить в колыбели молодую Советскую республику.

На Дальнем Востоке в разное время высадились войска японских и американских империалистов численностью свыше ста тысяч человек. Они, действуя в сговоре с бандами Семенова и Калмыкова, развернули бешеное на-

ступление против Советской власти. Советские люди все как один поднялись на самоотверженную борьбу с белогвардейцами и интервентами. И в рядах борцов вместе с советскими людьми было много их китайских братьев, полных решимости драться с врагом не на жизнь, а на смерть.

Помню, однажды после полудня в мае или июне 1918 года в деревне Чуевка неожиданно появились партизаны. Их было много, они заполнили все дома деревни, которых насчитывалось около двухсот.

В доме кулака Кусцова, у которого я батрачил, остановилось свыше двадцати человек. Среди них был один лет сорока, рыжий, круглолицый и на вид строгий и суровый. Он был в черной кожанке, не расставался с трубкой и все ходил по комнате взад и вперед.

Я поинтересовался, кто он, и мне ответили, что это товарищ Мухин [1] — командир партизанского отряда.

Вечером Мухин позвал меня к себе в комнату, пригласил сесть, угостил табаком и чаем, словом, обошелся со мною, как со старым другом. Я же терялся в догадках, чего он хочет от меня, и ерзал на стуле, охваченный беспокойством.

Он интересовался, где моя семья, сколько мне лет и как я работаю. Я все рассказал. Когда же он спросил, почему я не иду в революцию, мне нечего было ответить, и я пробормотал что-то невразумительное. А потом Мухин, что называется, пронял меня. Вдруг спросил, сколько мне удается заработать в месяц. Отвечаю: «Сорок, иногда сорок с лишним рублей». — «Подумай, — говорит он. — Ты в день работаешь пятнадцать — шестнадцать часов. Это только в поле. А в доме у хозяина? Намаешься за день в поле, придешь вечером усталый, измученный — тут надо напоить и накормить лошадей. А получаешь только сорок рублей. Это не более как месячный заработок при шести часах работы в день. Выходит, ты каждый божий день десять часов трудишься на дядю. Целых десять часов!»

Я призадумался. «Да, куда ни верти, а получается именно так, как говорит этот русский. Маюсь от зари до

---

[1] Мухин Федор Никанорович, 1878—1919 гг. — старый коммунист, активный участник борьбы с царским самодержавием в Забайкалье. После Великой Октябрьской социалистической революции возглавил борьбу трудящихся Амурской области с японскими интервентами и белогвардейцами. — *Прим. ред.*

зари и дома, и в поле: работу у богача никогда не переделаешь, как никогда не заполнишь бездонной ямы! А ради чего стараюсь? Ой, сколько шкур с меня содрал хозяин за эти годы!»

— Помещики, кулаки и капиталисты, — продолжал Мухин, — всегда эксплуатировали нас, трудящихся. Свергнуть их — вот наша задача.

Опять я призадумался. «Резонно, — думаю. — Я проработал у чужих людей более двадцати лет, а все такой же голодранец, каким всегда был. А сколько на свете таких, как я. Без революции не наступит новая жизнь. Значит, надо идти в революцию».

Мы проговорили целых три часа. Я был так взволнован, что всю ночь не сомкнул глаз.

На другой день отправился я в окрестные деревни к друзьям и знакомым и рассказал им о том, что услышал от Мухина. В партизанский отряд вступило более пятидесяти моих соотечественников. Мухин сформировал из нас взвод и выдал каждому по винтовке. Я был назначен командиром взвода.

На третий день мы вместе с партизанским отрядом выступили в поход.

В отряде Мухина насчитывалось свыше десяти тысяч человек, все пехотинцы, на вооружении имелись пушки и пулеметы. Бойцы же были вооружены русскими трехлинейками, японскими винтовками и даже охотничьими ружьями; обмундирование — самое разнообразное: кто в чем пришел. Одни были в чехословацкой военной форме, другие носили японское обмундирование.

Мы целыми днями бродили по тайге, то уходя от преследования японцев и белых, то нанося им удары. Иногда нам приходилось скрываться в дневное время, тогда по ночам мы совершали вылазки; порой действовали небольшими группами и уничтожали отдельные мелкие группы или объекты противника. Если условия не благоприятствовали, мы уходили в глубь тайги.

Зимой 1918 года наш отряд одержал победу в бою у большой железнодорожной станции Лидино в ста километрах северо-западнее города Серышево. Но потом положение стало ухудшаться. Подули северные ветры, начались снежные бураны. Не хватало продовольствия, не было зимнего обмундирования. Было мало и боеприпасов. Снег выпал по пояс, и люди не могли тащить на себе

тяжелое вооружение. Перед нами встал вопрос: как быть дальше? Мухин приказал в целях сохранения живой силы разбить отряд на мелкие группы: одним продолжать боевые действия, а другим разойтись по домам, с тем чтобы с наступлением весны снова собраться вместе. Двадцать семь человек — командиры рот и выше — уходили в горы. Они должны были с наступлением весны сформировать кавалерийский отряд. Мухин после расформирования отряда уехал в Благовещенск.

В числе двадцати семи только я был китаец. Народ был очень дружный, все как родные братья. Этой зимой мы по указанию партии расположились в тайге в двухстах с лишним километрах восточнее Благовещенска. Пищу добывали только охотой.

Весной 1919 года, когда мы собирались возобновить боевые действия, пришла тяжелая весть: во время пасхальных праздников был схвачен и расстрелян наш любимый командир товарищ Мухин.

Это известие потрясло нас. Но мы не впали в уныние, а прониклись еще большей ненавистью к врагу и решимостью отомстить за смерть боевого командира. Товарищ Мухин пал, но тысячи других встали на его место!

Мы пробыли в сопках около пяти месяцев и теперь спустились в долины, как говорят в Китае, для «вербовки солдат и покупки лошадей». Мы брали к себе молодежь из деревень и призывали своих бойцов, которые зимой разошлись по домам... Так, отряд за отрядом у нас вскоре сформировалось новое партизанское соединение.

Командиром этого соединения стал Юшкевич, худощавый человек высокого роста лет тридцати с лишним, политическим комиссаром — Шилов, здоровяк лет за сорок.

По указанию партии мы создали шесть или семь партизанских отрядов. Насколько я помню, у нас были отряды Юшкевича, «Черный ворон», «Красных орлов», Архаро-Буреинский, а также 4-й отряд и отряд «Старика». Все отряды были конными, за исключением 4-го отряда, состоявшего исключительно из стрелков. Именно таким хотел товарищ Мухин сделать партизанское соединение.

В отряде «Старика» и в 4-м отряде насчитывалось по тысяче с лишним человек, а в остальных — по триста — пятьсот. Впоследствии численность нашего соединения достигла десяти тысяч с лишним.

Я попал в отряд «Старика». Командиром бойцы выбрали товарища Антонова, а я стал его заместителем. Антонову было лет сорок, он носил усы, отчего выглядел старше. Кажется, именно поэтому и отряд его был назван «стариковским».

После переформирования наши отряды, действуя мелкими группами, вели бои с противником в таежных районах между Читой и Хабаровском.

Сначала в нашей группе было только немногим более ста бойцов. Она действовала по реке Бурея восточнее Благовещенска. Вскоре мы захватили у белых маленький пароход и весь груз. Рис, муку, мануфактуру, масло и другие товары раздали местному населению. Под влиянием наших успехов молодежь стала вступать в нашу группу, и ее численность быстро увеличилась до двухсот — трехсот бойцов. Из них человек семьдесят — восемьдесят были китайцами.

Как и раньше в отряде Мухина, мы все время маневрировали: если враг превосходил нас своей численностью, мы уходили, а когда видели, что он слабее нас, били его.

Наши враги были разных национальностей: и японцы с длинными винтовками, одетые в желтые куртки, и американцы в белых войлочных беретках, с пистолетами на боку, и белобандиты, и китайские разбойники «командира бригады» Ханя... Словом, подонки общества из многих стран, все вместе развернувшие бешеное наступление против нас.

Враг занимал важнейшие линии коммуникаций, а мы, находясь в сопках и тайге, вели маневренную войну. Где появлялись, там и наносили удары; снабжались тем, что удавалось захватывать в боях. Иногда по нескольку дней не имели пищи. В таких случаях нам приходилось резать лошадей и есть конину. Боеприпасов также не хватало. На бойца приходилось всего по нескольку патронов, и зря тратить их не разрешалось. Каждый боец, истратив патрон, обязательно должен был вывести из строя солдата или офицера противника. Стреляные гильзы мы собирали и брали с собой.

Я никогда не забуду наших советских друзей из местных жителей, которые поддерживали партизан, помогая им во всем. Они передавали наши донесения, переносили раненых и добывали боеприпасы... Несмотря на то что людям самим жилось голодно, они всегда делились с пар-

тизанами тем, что имели. Нам, китайцам, они часто отдавали последнее из припрятанных скудных запасов.

— Китайцы здесь далеко от своих, больше всех страдают, а они ведь для нас это делают, — говорили наши друзья.

Но встречались и другие, враждебно настроенные к нам люди.

Однажды в мае 1919 года мы с Антоновым во главе двухсот с лишним бойцов, уходя с запада на восток, прибыли в село Тарбогатай.

Видно было, что это богатое село с большими деревянными постройками, озелененное японскими березами. Слева начинались бесконечные сопки, а сзади — густой лес.

Я во главе шести бойцов въехал в село на своем сером коне. За плечами у меня была винтовка, саблю держал в руке. Антонов с отрядом остался позади.

Все дома и ворота были закрыты. На улице — ни души. Тишину нарушал только топот конских копыт. Мы сняли винтовки с плеч и осторожно стали продвигаться по селу.

В центре села протекала речка шириной метра четыре. Над ней висел деревянный мост, за которым начинался перекресток двух дорог, одна шла параллельно речке, другая (по обеим сторонам ее сплошь стояли дома и постройки) вела к восточной окраине села.

На мосту мы наткнулись на старика лет шестидесяти с маленькими злыми глазками и седой прокуренной бороденкой.

Я прямо спросил его:

— Белые есть в селе?

— Нет, здесь все свои, — ответил старик.

— Как проехать в Круглое? — задаю я второй вопрос.

— Переедете мост и повернете налево, — ответил старик и поспешил уйти.

Он обманул нас. Не успели мы перейти мост, как из ворот домов у перекрестка выбежали белые и открыли огонь. Вокруг нас засвистели пули, выстрелы мгновенно слились в сплошной гул.

Один из наших бойцов, русский по национальности, скомандовал: «За мной!» — и, пришпорив коня, стрелой помчался направо. Я последовал за ним. Мы проскочили начало улицы у перекрестка и, отстреливаясь на ходу, по-

мчались дальше. Я заметил только, как один белогвардеец, не успев выстрелить, распростерся у ворот, сраженный нашей пулей.

Когда мы были уже на окраине села, наш русский товарищ схватился за сердце и, вскрикнув, тяжело свалился на землю. Я даже не успел натянуть поводья, как мой серый конь перепрыгнул через него.

На этот раз причиной нашей потери была неосторожность. Случай в селе Тарбогатай лишний раз показал, насколько коварен и хитер враг, и напомнил о необходимости быть бдительным везде и всегда.

К началу зимы 1919 года наша группа, снова названная отрядом «Старика», увеличилась до пятисот с лишним бойцов, половину из которых уже составляли китайцы.

Хотя враг еще располагал большими силами, он к этому времени уже «выдыхался» и не был таким грозным, как раньше, и партизаны развернули мощное контрнаступление.

Однажды, когда свирепствовали западные ветры и бушевала метель, отряд «Старика» в бою у Семеновки уничтожил свыше двухсот японцев, потеряв убитыми и ранеными четырех человек, захватил полевое орудие, тяжелый пулемет и много другого вооружения.

Затем в горах, в ста с лишним километрах северо-восточнее Благовещенска, отряд «Старика» провел несколько крупных боев и в каждом одержал победу. В деревнях Николаево и Белогорка мы уничтожили пятьсот солдат и офицеров противника, а в деревне Медведево — целый батальон японцев. После этого японцы стали отсиживаться в своих логовах, не высовывая головы.

— Ну и нагнали же партизаны страха на японцев. Те даже выходить не осмеливаются! — говорили про нас в народе.

В ходе боев отряд «Старика», в котором было много смелых, бесстрашных бойцов, накопил боевой опыт и закалился. Однажды мы решили нанести удар по опорной базе японцев в деревне Николаево.

Николаево — это маленькая деревушка, в пятьдесят — шестьдесят дворов, севернее Бочкарево (ныне Куйбышевка-Восточная). Здесь находился батальон японцев численностью приблизительно двести — триста человек.

Южнее этой деревни на мосту через маленькую изви-

листую речку, уже скованную льдом, японцы расставили пулеметные огневые точки, откуда простреливали дорогу, ведущую в деревню. Сразу за мостом находился штаб японского батальона.

Ночью отряд «Старика», действуя с большой осторожностью, окружил деревню.

Стояла пасмурная погода. Было темно хоть глаз выколи. Сильный северный ветер хлестал по лицу. Мы с Антоновым решили изнурить противника, ведя огонь отдельными взводами, и нанести удар сперва по пулеметным точкам на мосту, а затем с моста ударить всем отрядом по штабу батальона, захватить его и ликвидировать.

Ровно в двенадцать часов ночи открыли огонь партизаны, которые залегли в районе речки. В ответ застрочили пулеметы японцев. По приказу командира отряда при нанесении фронтального удара через каждые десять минут давался один взводный залп, причем бойцы производили только по пять выстрелов. Взводы менялись через каждые пятьдесят минут. Свободные бойцы грелись в укрытиях, готовясь к атаке.

Через три часа такой стрельбы уже почти не было слышно выстрелов со стороны противника. Мы решили атаковать, рассчитав, что противник теперь уже не сможет долго продержаться.

Ровно в три часа ночи был подан сигнал атаки. Бойцы с криком «ура» преодолели речку и ворвались на огневые позиции противника. У японцев поднялась паника. Мы уничтожали их целыми группами. Повесив винтовки за ремни на шею, они с поднятыми руками выбегали из домов и дзотов, моля о пощаде. На этот раз ни одному из них не удалось бежать. Трофеи мы вывезли на нескольких больших повозках. Тут было все: и пушки, и пулеметы, и патроны, и консервы.

Вскоре мы таким же образом уничтожили четыреста — пятьсот солдат и офицеров в деревнях Белогорка и Медведево.

В конце 1920 года была окончательно разгромлена позорная интервенция четырнадцати империалистических держав. Полностью были уничтожены и банды Колчака, Деникина, Юденича, опиравшиеся на поддержку империалистов. Американцы убрались восвояси, когда Красная Армия приблизилась к Благовещенску. Поспешил удрать со своими отрядами и «командир бригады» Хань. Японцы

же вместе с бандами Семенова в начале лета 1920 года бежали из Благовещенска в направлении Читы.

Новая обстановка, когда всюду одерживались победы над врагом, принесла с собой и новые боевые задачи. Мне пришлось расстаться с моим боевым другом Антоновым: он во главе русских бойцов из отряда «Старика» выступил в поход на Читу, а я во главе своих китайских товарищей вместе с частями Красной Армии вошел в Благовещенск.

Тяжело было расставаться с Антоновым и другими русскими друзьями. Мы провоевали с ними вместе в течение нескольких лет и были дружны, как родные братья. Накануне боя Антонов и я, как правило, верхом ездили осматривать позиции противника и расставляли свои силы. Он очень внимательно прислушивался к моему мнению. Бывало, начну я высказывать свои соображения, он выслушает и обязательно повторит несколько раз: «Молодец, молодец!», а потом слегка поправит или дополнит, если в этом была необходимость. Когда нам приходилось распределять между собой обязанности в предстоящем бою, он всегда старался взять на себя самые трудные задачи, это было единственным, что вызывало спор между нами.

Антонов как-то особенно хорошо относился к китайским бойцам. Он заботился, чтобы у нас были и предметы первой необходимости: мыло, полотенца и т. п. Бойцы-китайцы уважали его не меньше, чем меня, а русские товарищи питали ко мне такие же дружеские чувства, как к своему командиру Антонову. Вот почему нам так трудно было расставаться.

Когда наши войска входили в Благовещенск, народ высыпал на улицы и встречал нас с цветами и знаменами. Командующим частями Красной Армии здесь был Серышев, комиссаром — Шилов. Нас, китайских бойцов из отряда «Старика», официально включили в ряды Красной Армии; мы составили роту 1-го полка особого назначения, находившегося в непосредственном подчинении штаба частей Красной Армии. После нескольких лет партизанской войны мы только теперь сменили свою рваную одежду на новую строгую форму бойцов Красной Армии, а свое трофейное оружие различных образцов — на советские винтовки. Нечего и говорить о том, как было это приятно нашим бойцам.

1-й полк особого назначения, насчитывавший в своих рядах свыше двух тысяч бойцов и командиров, был хорошо вооружен: у нас были не только пулеметы и орудия, но и два танка, а главное, все виды вооружения были новейшего образца.

Пробыв некоторое время в Благовещенске, мы вместе с другими частями Красной Армии погрузились в эшелон и выехали в Читу. Перед нами стояла задача изгнать японцев из пределов Советской России.

На разъезде вблизи станции Карымская эшелон остановился, мы выгрузились и пошли маршем на юг. Несмотря на сильный зной и нехватку продовольствия и воды, бойцы неуклонно продвигались вперед по бескрайней безлюдной степи, обожженной солнцем.

Тогда японцы и банды семеновцев концентрировались в районе Борзи. Они упорно цеплялись за эту советскую землю, но в конце концов не выдержали нашего натиска. В августе месяце мы освободили от них обширный район к востоку от Борзи. В сентябре враг был изгнан с советской территории.

В январе 1930 года командование направило меня из Читы в Москву на учебу в военную школу.

После окончания военной школы весной 1932 года я был послан на работу в Хабаровск, затем служил в Ташкенте и других местах.

Я прожил в Советском Союзе много лет, и все эти годы меня тянуло на родину. Когда в 1937 году в Китае началась антияпонская война, мое стремление вернуться домой стало неудержимым.

В мае 1939 года я прибыл в Китай, в город Яньань, и снова участвовал в боях.

Теперь мои мечты о новой жизни сбылись, и я все свои силы отдаю великому делу социалистического строительства в нашей стране.

Я и моя супруга Мальва Моисеевна Алова живем спокойно и счастливо. Наши дети радуют нас своими успехами. Сын Петя — летчик, он отличился в Великой Отечественной войне. Участвуя в одном из воздушных боев над Берлином, Петя сумел привести на аэродром свой горящий самолет, подбитый противником. Дочь наша работает в Хабаровске бухгалтером. Мой единственный внук, которому в этом году исполнилось восемнадцать лет, стал

бойцом героической Народно-освободительной армии Китая.

Не счесть, пожалуй, сколько прошли дорог и сколько провели боев мы, партизаны из отряда «Старика», в первые годы после Октябрьской революции. С тех пор прошло сорок лет, но многие люди и эпизоды до сих пор живо представляются мне. Моя родина обрела свое счастье, она процветает. Видя вокруг новую жизнь, я тем более не могу забыть своих старых боевых друзей суровых лет гражданской войны, полных лишений и испытаний. Мне часто вспоминаются дни и ночи, проведенные в Сибири, и пышные сибирские травы и густые леса. Мы побывали почти всюду на пути от Хабаровска до Иркутска. Даже теперь я без карты сумею добраться с Дальнего Востока до Иркутска через все горы и леса. Если на этом обширном пространстве я остановлюсь хотя бы по одному дню у каждого моего старого друга, то, наверное, не вернусь домой в течение многих лет.

Мои старые боевые друзья! В эти дни, когда приближается сорокалетие Октябрьской революции, я шлю вам пожелания счастья из далекого Китая!

Литературная запись Лю Чжана

5 Зак. 1198

Яо Синь-чэн

Я — боец Красной Армии

Я родился в семье крестьянина в уезде Жунчэн провинции Шаньдун. Когда мне было три года, умерла моя мать, и меня воспитывала бабушка. Семья наша, состоявшая из пяти человек, кормилась за счет пяти му[1] тощей земли; жить было очень трудно, и, конечно, об учебе и думать не приходилось. Я, видя, как другие дети идут в школу, всегда испытывал чувство глубокой зависти. Когда мне исполнилось двенадцать лет, отец, уступив моим настойчивым просьбам, разрешил мне полдня учиться в школе, а полдня собирать траву и хворост на топливо.

Чтобы больше нарвать травы, иногда приходилось заходить далеко в горы или углубляться в густой лес. А когда найти траву не удавалось, я тайком пробирался в угодья помещика, стараясь нарубить дров. В этих случаях нужно было остерегаться не только нападения зверей, но и встречи с кем-нибудь из семьи помещика. А если попадешься им в руки, тебя обругают и изобьют. К тому же по возвращении домой еще накажет отец. Но если не нарвешь травы и не наберешь дров, то вечером семья не сможет приготовить себе пищу, и опять тебе не избежать ругани и побоев.

[1] Му — мера площади, равная 1/15 га.

В такой обстановке учиться было, конечно, очень трудно. Бывало, только ночью выберешь немного времени для подготовки уроков или во время короткого отдыха после сбора травы возьмешься за книгу. Но и такая учеба продолжалась недолго — два с небольшим года.

Когда мне исполнилось пятнадцать лет, материальное положение семьи настолько ухудшилось, что пришлось оставить школу и помогать отцу обрабатывать поле. Однако те несколько му земли не могли прокормить нашу семью, поэтому в следующем году я покинул родную деревню и уехал в Яньтай[1], где поступил учеником на шелкомотальную фабрику. В первый год работы почти весь мой заработок забирал мастер, и я на оставшиеся деньги смог купить лишь несколько пар матерчатых тапочек. На второй год, хотя я и получал по три тысячи медных чохов[2] в месяц, по-прежнему не мог помочь своей семье и над ней нависла угроза голодной смерти.

В девятнадцать лет, то есть на третий год моего ученичества, я вместе со своим старшим братом отправился в город Аньдун[3] искать работу. По приезде в Аньдун брат работы так и не нашел, а я поступил на шелкомотальную фабрику, где проработал начиная с 1908 года в течение восьми лет. Вдосталь натерпелся я всевозможных обид, оскорблений и притеснений от капиталистов, а помочь семье по-прежнему не мог.

Вот почему я постоянно думал о том дне, когда представится возможность покинуть Китай и уехать в такую страну, где можно будет жить и работать в сравнительно сносных условиях. И как раз в апреле 1916 года правительство царской России направило своих людей в различные места Северо-Восточного Китая вербовать китайских рабочих для работы на строительстве и ремонте железных дорог, в каменноугольных шахтах и рудниках, на лесоразработках, рытье окопов и т. п. Вербовщики гарантировали ежемесячный заработок в пять цяньте (так китайские рабочие называли царский рубль), бесплатный железнодорожный билет и оплату других

---

[1] Портовый город на Шаньдунском полуострове. — *Прим. ред.*

[2] Денежная единица при династии Цин (1644—1911). — *Прим. ред.*

[3] Город в южной части Северо-Восточного Китая. — *Прим. ред.*

расходов при проезде туда и обратно. Услышав об этом, я очень обрадовался и сразу заявил о своем желании поехать в Россию.

В нашей партии завербованных китайских рабочих было примерно 2500 человек. Ее разбили на группы по 100 человек в каждой. Я попал в пятую группу.

29 апреля мы в вагонах четвертого класса товаро-пассажирского поезда выехали в Россию, а 15 мая прибыли в Калино, расположенное между Екатеринбургом (ныне Свердловск) и Пермью. Это была очень маленькая железнодорожная станция, и мы стояли на ней всего лишь пять минут. Вокруг сплошной стеной росли огромные деревья. Меня в числе двухсот человек отправили на лесозаготовки. Жили мы в большом деревянном бараке, в страшной тесноте и духоте. Лес наводил на нас ужас. По рассказам, в этих местах часто появлялись волки, рыси и прочие звери, которые нападали на людей. Но еще больше мы боялись комаров. Крупные и в несметном количестве, они сильно кусались. Рабочие, измучившись за день на тяжелой работе, ночью не могли спокойно заснуть. А тут еще постоянно приходилось опасаться ядовитых змей.

Наша партия приступила к работе 18 мая. Мы валили деревья и рубили их на дрова, которыми обеспечивали железнодорожную станцию. За каждую сажень нарубленных дров рабочим полагалось восемь рублей, однако подрядчики выплачивали нам лишь по пять. Работали мы группами по три человека и за день изнурительного труда едва нарубали по одной сажени. Бездельничавшие подрядчики и посредники-капиталисты забирали из нашего дневного заработка по три рубля, 50 копеек удерживал дагуй (главный подрядчик-китаец) и 25 копеек — эргуй (нижестоящий подрядчик). Конторщик, непосредственно ведающий рабочими, также требовал по десять копеек с сажени; эти деньги назывались «расходами на переводчика». Кроме того, нужно было делать подношения приемщику по десять копеек с сажени или ставить ему магарыч водкой, в противном случае он без конца придирался к рабочим. В результате этих поборов рабочие получали всего лишь по 1 рублю 90 копеек в день.

Тем не менее у рабочего за вычетом расходов на питание ежемесячно могло остаться десять с лишним руб-

лей. В действительности же такой случай, когда у рабочего оставалось в месяц десять рублей, был исключительным. Капиталисты, чтобы выманить наши сбережения, сговаривались с подрядчиками и «старшинками» и в конце каждого месяца организовывали азартные игры, удерживая с играющих большой процент в пользу хозяина заведения; обманывали и дурачили людей и другими способами и добивались того, что в кармане у рабочих не оставалось ни гроша. Рабочий, оставшийся без денег, вынужден был снова продаваться капиталисту и работать на него.

Бессмысленная и затянувшаяся империалистическая война все больше и больше ухудшала положение трудящихся. Много русских крестьян было угнано на фронт, и поэтому огромные площади земли оставались необработанными и заброшенными; с каждым днем все острее ощущался недостаток в продовольствии.

Нам в первое время случалось даже есть белый хлеб, а потом мы питались лишь черным, из муки грубого помола. Со временем и такой хлеб стал редкостью; цены на него день ото дня росли. В то же время капиталисты все больше и больше обирали рабочих. Например, за каждый комплект выдаваемой спецодежды они удерживали из зарплаты по восемь рублей. Жизнь рабочих становилась все труднее и труднее.

! Постепенно мы начали осознавать, что капиталисты везде одинаковы, что русские буржуи ничуть не лучше китайских. К тому же мы, китайские рабочие, помимо эксплуатации, подвергались в России еще и национальному гнету. Так, проезд по железной дороге китайским рабочим разрешался только в вагонах четвертого класса. Служащие железнодорожных вокзалов выгоняли нас из залов ожидания второго класса. Во время работы то и дело происходили несчастные случаи, а судьба пострадавшего рабочего хозяев не трогала. Более того, его могли немедленно выпроводить за пределы страны. В общем, наша жизнь совершенно не гарантировалась.

Однако и простым русским людям жилось не лучше нашего. За время работы на станции Калино мы своими глазами наблюдали, как многих крестьян окрестных деревень насильно забирали в солдаты и с этой станции отправляли на фронт. Родители провожали своих сыновей, жены — мужей, подростки — старших братьев,

девушки — женихов, парни — друзей. И все они безудержно плакали.

Однажды я был свидетелем трагических проводов на фронт. Рекруты и провожавшие их родственники не могли оторваться друг от друга. Приближалось время отправления эшелона. Когда поезд должен был тронуться, многие провожающие стали на рельсы перед паровозом; они громко плакали и что-то кричали. Тогда из помещения станции вышел большой отряд полицейских; они начали грубо стаскивать людей с железнодорожного пути и избивать их ременными плетками. Однако некоторые, наиболее упрямые, легли на рельсы и отказались уходить, заявив, что лучше умрут. Поднялся невообразимый гвалт. Тогда явился начальник станции. Он с важным видом прошел на перрон, стал перед паровозом и, взмахнув флажком, дал машинисту сигнал отправления. Раздался гудок паровоза, и эшелон тронулся. В этот момент послышался душераздирающий крик. Это две женщины были сбиты и тяжело ранены. Такую трагическую картину я наблюдал первый раз в жизни, и она вызвала у меня негодование.

Когда я возвратился к себе в барак и рассказал товарищам, что видел, все они взволновались и начали горячо обсуждать происшедшее. Один рабочий сказал: «В России тоже надо совершить такую революцию, какую провел у нас Сунь Ят-сен, и свергнуть самодержавие. И только тогда народ может свободно вздохнуть, обрести хорошую жизнь» [1].

Эти слова взволновали меня, и я подумал про себя: «Если в будущем в России действительно произойдет революция, непременно окажу ей посильную помощь».

Наступил 1917 год. Однажды в феврале или марте на станции Калино появилась толпа демонстрантов. Некоторые были вооружены топорами, косами, вилами и дубинками, другие несли плакаты с надписями: «Долой самодержавие!», «Свободу и хлеба народу!», «Долой кулаков-мироедов!». Эта демонстрация снова возбудила у меня горячее стремление принять участие в революции. Однако в то время я еще не видел великой силы народа и подумал про себя, что царские войска одним ударом

---

[1] Имеется в виду революция 1911 года, положившая конец иноземной цинской монархии.— *Прим. ред.*

подавят и разгонят демонстрантов, вооруженных таким примитивным оружием. И я испытывал глубокое беспокойство за судьбу этих людей.

Вскоре наш подрядчик поехал в Лысьву в главную контору получать продукты и деньги. Но в конторе, кроме сторожа, никого не оказалось. Сторож сказал подрядчику, что чиновники главной конторы уже давно сбежали, что никаких денег и продовольствия он не получит. Когда подрядчик возвратился и рассказал нам об этом, мы были потрясены и напуганы, и каждый из нас задумался над тем, что делать дальше. Поскольку продовольствия и денег нам не выдали, то, конечно, никто из нас на работу не вышел. Спустя несколько дней мы все разъехались. Я вместе с одним товарищем отправился в Екатеринбург разыскивать своего друга Цзяо Лань-тина, уроженца города Цзинани провинции Шаньдун. Мы познакомились с ним в поезде. Когда нас везли в Россию, товаро-пассажирский поезд, в котором мы ехали, останавливался на всех больших и малых станциях, где часто стоял по полдня. Однажды мы вышли из вагонов и разбрелись в разные стороны. Проходя мимо эшелона, я увидел у одного из вагонов толпу людей, которые внимательно слушали человека, стоявшего в середине толпы. Это и был Цзяо Лань-тин. Говорил он очень складно и умно, производил впечатление грамотного и культурного человека, и я постарался завязать с ним разговор. Потом мы часто встречались с ним, много беседовали и в конце концов стали хорошими друзьями. В Екатеринбурге он сошел с поезда, и мы расстались.

Когда я разыскал Цзяо Лань-тина, он сказал мне, что я нигде не смогу найти для себя подходящей работы, так как все заводы и фабрики остановлены, а магазины закрыты. Я спросил Цзяо Лань-тина, чем он занимается. Он ответил, что торгует папиросами и этим кое-как зарабатывает себе на хлеб. Когда же я спросил Цзяо Лань-тина, почему он не включается в революционное движение, мой друг ответил, что плохо понимает русский язык и это очень мешает ему. Но в будущем он обязательно примет участие в революции. Затем Цзяо Лань-тин стал рассказывать мне о строительстве нового социалистического общества. Я чувствовал в его словах глубокий смысл и очень беспокоился, что восстав-

ший народ плохо вооружен, что революция не сможет победить. Не найдя никакой другой работы, я вместе с Цзяо Лань-тином занялся торговлей папиросами.

К весне 1918 года в Екатеринбурге начала ощущаться острая нехватка табака и дальнейшая торговля папиросами стала почти невозможной. Поэтому я отправился в Петроград за табаком. На пути в Петроград я увидел, что повсюду царит невообразимый хаос, почти все заводы и фабрики были остановлены, магазины — закрыты.

Одним из самых серьезных вопросов был острый недостаток в хлебе и других продуктах питания. В Петрограде многие люди одевались очень красиво, но у всех были желтые, изможденные лица, ибо по карточкам выдавали всего лишь по сто граммов хлеба в день на человека. По городу носились тревожные слухи о грабеже продовольствия. Многие люди на ночь прятали свой хлебный паек под подушку, чтобы кто-нибудь тайком не съел его.

Мне хорошо запомнился такой случай. Я пил чай в одном из петроградских трактиров. В трактир вошел довольно прилично одетый старик. Он спросил у трактирщика что-либо поесть. Трактирщик ответил: «У нас нет ничего, кроме чая и селедки». Услыхав это, старик ударил ножом по столу и разразился страшными ругательствами. Однако что было толку сердиться? Ведь тогда во всем Петрограде почти невозможно было достать что-либо из продуктов, кроме чая и селедки.

На главных улицах Петрограда больше половины магазинов было закрыто. Оживление царило только в тех торговых рядах, где скупали старые, поношенные вещи. Каждый старался продать ненужное и набрать денег на покупку продуктов или на выезд из голодного города. Однако сделать это было очень трудно.

Вскоре я получил письмо от Цзяо Лань-тина. Он просил быстрее возвращаться в Екатеринбург, откуда мы с ним поедем в Алапаевск, где Жэнь Фу-чэнь[1] организовал китайский отряд Красной Армии. Цзяо Лань-тин писал также, что табак покупать не надо, а если

[1] Жэнь Фу-чэнь — впоследствии командир китайского полка, погиб в конце 1918 года в боях под станцией Выя.— *Прим. ред.*

я его уже купил, то захватить с собой и потом отвезти в отряд. Я быстро собрал свой товар и приготовился ехать обратно, но потерял целую неделю на то, чтобы приобрести железнодорожный билет.

В Перми совершенно неожиданно для меня все мои товары были конфискованы, и я остался с 40 рублями в старых ассигнациях, на которые можно было лишь один раз поесть. Оказавшись в таком безвыходном положении, я пошел к переводчику по фамилии Ли Сю-фын и попросил его помочь мне устроиться на работу.

Ли Сю-фын в то время руководил группой китайских рабочих, занятых на ремонте железнодорожного пути недалеко от Перми. Он был порядочным человеком, очень хорошо относился к рабочим и ненавидел белогвардейцев за убийство своего названного брата Ло Фын-туна. С помощью Ли Сю-фына и другого китайца по фамилии Ван Юй-сю я поступил на конный завод ухаживать за лошадьми. Этот конный завод поставлял боевых коней для Красной Армии, поэтому рабочие завода были на положении бойцов. На заводе я работал до конца 1918 года, руководил бригадой из 18 китайских рабочих.

Тогда контрреволюционная белая армия Колчака, белогвардейские части Хорвата, Семенова и других с помощью так называемых союзников — Японии, Англии, США — и китайских милитаристов начали продвигаться на запад вдоль Сибирской железнодорожной магистрали. В авангарде у них был поднявший мятеж чехословацкий корпус[1]. Вскоре передовые части белой армии приблизились к Перми. Конный завод получил приказ эвакуироваться в Вятку (ныне Киров). Я подумал: «Неужели всю жизнь быть конюхом, какой в этом смысл? Лучше последовать совету Цзяо Лань-тина, отправиться в Алапаевск и вступить в регулярную часть Жэнь Фу-чэня». Я оставил конный завод и временно поселился в бараке, где жил Ли Сю-фын.

Захватив Пермь, части белой армии пытались продолжать наступление на запад. Они рвались к Вятке, наме-

---

[1] В 1917 году на территории России было не менее 200 тысяч чешских и словацких военнопленных, но лишь четвертая часть из них (примерно 40—50 тысяч) вступила в корпус. — *Прим. ред.*

реваясь соединиться с интервентами и белогвардейцами, действовавшими на Севере. Вятка являлась восточными воротами Москвы, и ее падение создало бы крайне напряженное и опасное положение на Восточном фронте. Поэтому товарищ Ленин подписал декрет о всеобщей и немедленной мобилизации всего народа, в том числе служащих учреждений, студентов и преподавателей, на борьбу с Колчаком. Бойцы Красной Армии воспрянули духом, и началось всеобщее контрнаступление. Контратакующие части Красной Армии, действуя из района Вятки, завязали с врагом ожесточенные бои, которые вначале шли с переменным успехом. Но белогвардейцы не выдержали могучего натиска частей Красной Армии и начали беспорядочно отступать на восток, к Уральскому хребту.

Я узнал, что отряд Жэнь Фу-чэня по-прежнему находится в Алапаевске, охраняет рудник. И я направился в Алапаевск. В Алапаевске я встретился с Цзяо Лань-тином и вместе с ним вступил в отряд Жэнь Фу-чэня, состоявший из 800 бойцов, в основном шахтеров-китайцев.

В то время в районе Алапаевска бродили вооруженные банды — остатки разбитых контрреволюционных частей. Бандиты, рассчитывая на отсутствие у нас, рабочих, боевого опыта, постоянно пытались прорваться на рудник на автомашинах, захватить ценное имущество и разрушить оборудование. Однажды на рассвете небольшой белогвардейский отряд незаметно подошел к городку и пытался неожиданно напасть на рудник. Налетчики не предполагали, что мы имеем вокруг рудника плотное кольцо охранения, а в наиболее важных пунктах вырыли окопы и выставили дозоры. У нас были установлены сигналы: один выстрел — появление небольшой группы противника, два — кавалерия противника, три — приближение крупных сил. Поэтому как только белобандиты появились в полосе охранения, мы сразу же обнаружили их и своевременно приготовились к отражению нападения. Когда отряд белогвардейцев приблизился к руднику, мы, применив тактику охвата с флангов, одним ударом полностью уничтожили белобандитов. За эту победу командование наградило наш отряд и присвоило ему наименование «Красный отряд китайских героев».

Вскоре Колчак, перегруппировав части белой армии, начал новое наступление из Сибири на запад. Неожи-

данно одно из соединений белой армии прорвалось в район между Пермью и Екатеринбургом и захватило в тылу Красной Армии станцию Чусовскую (в 100 км северо-восточнее Перми), от которой шла железная дорога на Нижний Тагил. В этом районе находился железнодорожный мост, имеющий важное стратегическое значение; захват его белогвардейцами создал исключительно неблагоприятную обстановку для Красной Армии. Поэтому командование Красной Армии немедленно сосредоточило в этом районе свои подразделения, имевшие задачей отбить мост. Несколько атак не дали нужного результата. Тогда командование решило поручить выполнение этой задачи «Красному отряду китайских героев». Как только был получен приказ, наш отряд в составе 800 с лишним бойцов выступил в указанный район. Приближаясь к мосту, мы обнаружили, что белогвардейцы для его охраны выставили два станковых пулемета. Ураганный огонь вражеских пулеметов прижал наших бойцов к земле, невозможно было поднять головы. Ползком мы с большим трудом продвигались вперед. Каждый шаг приносил нам большие потери; многие наши товарищи пали на подступах к мосту. Однако, несмотря ни на что, мы упорно продвигались вперед. Когда первые группы наших бойцов достигли середины моста, огонь вражеских пулеметов достиг предельной плотности и продвигаться вперед стало еще труднее: мост был буквально устлан убитыми и ранеными бойцами. Многие наши товарищи, вступив на мост, сразу же падали в реку, сраженные вражескими пулями.

Я дополз до середины моста и на какой-то момент заколебался, не зная что делать: продвигаться вперед или отступать. Вдруг я увидал, как находившийся впереди меня боец, крепко сжав руками винтовку, бросился вперед. Я немедленно последовал его примеру: крепче сжал в руках винтовку, перебежал оставшийся участок моста и устремился на вражеские окопы. Враг, охваченный паникой, ослабил огонь. Наши бойцы, воспользовавшись тем, что вражеские пулеметы умолкли, поднялись во весь рост и с криком «в атаку!», быстро преодолев оставшееся расстояние, устремились на врага. Позиции противника были захвачены.

Когда бой закончился и мы проверили наличие людей, то оказалось, что из 800 с лишним бойцов было убито

и ранено более 600, живых и не имеющих ранений осталось 160 человек. Хотя наши потери были очень велики, этот бой принес нам славу. Белогвардейцы начали бояться китайских красноармейцев; стоило им только услышать, что поблизости китайское подразделение, как они в панике разбегались. А местное население после этого боя стало называть нас не иначе, как «китайскими героями».

Командование Красной Армии предоставило нам время для отдыха и переформирования, а затем перебросило наш отряд в степь близ города Кургана (в то время это была маленькая железнодорожная станция). Вместе с другими частями Красной Армии мы преследовали отступающие белогвардейские войска. Рота, в которой я служил, была в авангарде. Когда она в погоне за врагом зашла далеко в степь, отступающие белогвардейцы внезапно остановились и повернули против нас оружие. Командир роты приказал немедленно окопаться. Сделать это оказалось невозможным, так как стояло самое холодное время года и земля промерзла почти на метр. Тогда командир приказал вырыть в снегу временные укрытия. В то время, когда бойцы были заняты сооружением укрытий, дозоры внезапно обнаружили, что с обоих флангов нас окружают вражеские кавалеристы. Командир роты, человек очень умный и находчивый, понял, что наше положение становится трудным, и приказал немедленно отступать.

Почти все бойцы роты благополучно отступили, а я и еще один товарищ оказались окруженными вражескими кавалеристами. Со всех сторон надвигались белогвардейцы с саблями наголо; отступать было некуда. В этот критический момент мы мгновенно сообразили, что надо спрятаться в снегу. Очень кстати поднялась сильная метель, и через каких-нибудь 10—15 минут нас покрыло толстым слоем снега. Так мы остались незамеченными.

Над степью опустилась ночь, подул холодный северный ветер. Мы промерзли до костей и страдали от голода, но боялись пошевельнуться. Невозможно выразить словами безвыходность положения, в котором мы тогда находились. Даже сейчас, вспоминая этот случай, я не могу удержаться от дрожи. Мы лежали и думали про себя: «Наверное, замерзнем». Смерти мы не боялись,

страшнее был плен. Белогвардейцы люто ненавидели красноармейцев-китайцев. Если китайские бойцы попадали им в руки, с ними зверски расправлялись: отрезали уши, выкалывали глаза, после жестоких пыток их расстреливали. Поэтому мы твердо решили, что если враги обнаружат нас, будем биться до конца.

Так мы лежали в снегу в течение полутора суток. К утру третьего дня наши руки и ноги совсем одеревенели, глаза не видели, мы были совершенно беспомощны.

К счастью, в это время части Красной Армии начали контрнаступление. Нас обнаружили и отправили в тыловой госпиталь. Если бы приход наших задержался еще немного, мы, безусловно, замерзли бы в этой бескрайней степи.

После выздоровления я вернулся в свой отряд, он в то время находился в тылу на отдыхе. Однажды бойцы, собравшись вместе, вспоминали прошедшие бои. Все сошлись на том, что презрение к смерти — гарантия победы и что именно благодаря этому мы завоевали почетное название «китайские герои». Такие беседы воодушевляли бойцов.

Случай в Курганской степи подорвал мое здоровье, и я не мог больше участвовать в трудной боевой жизни отряда.

Меня направили в Омск на работу в органы ВЧК. Я думал, что буду выслеживать и вылавливать бандитов и шпионов, а мне поручили сопровождать эшелоны с каменным углем на линии Омск — Ново-Николаевск (ныне Новосибирск).

Однажды я случайно встретил на улице в Омске товарища Гао Хай-фына — командира батальона одной китайской части Красной Армии и рассказал ему о себе. Гао пообещал попросить Управление ВЧК перевести меня к нему писарем. Его батальон целиком состоял из рабочих, грамотных не было, а я умел читать и писать. Здоровье мое к тому времени несколько улучшилось, и я справился бы с этой работой. Тогда существовало такое положение, что учреждение не должно задерживать человека, которого запрашивает воинская часть, и меня откомандировали в батальон Гао Хай-фына.

Вскоре командование Красной Армии отдало приказ сосредоточить в Иркутске все китайские подразделения, находившиеся в Сибири, привести их в порядок и сфор-

мировать из них 3-й интернациональный полк под командованием Сунь Фу-жэня. Сформированный полк сразу же начал преследование белогвардейских войск, отступавших на восток, освободил Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ), где и был расквартирован.

Когда наша часть двигалась на Верхнеудинск, у меня неожиданно обострилась старая болезнь, и я попал в Беляшинский военный госпиталь. Болезнь протекала тяжело, температура доходила до 40°. Я думал, что не избегу смерти, однако через некоторое время начал поправляться. После госпиталя я подал рапорт о демобилизации из армии по состоянию здоровья и вскоре получил согласие командования.

Мне выдали на полгода бесплатный проездной билет, по которому я мог съездить в любой уголок Советской России. Я по-прежнему получал денежное и провиантское довольствие. Оставив Сибирь, я отправился в Москву, затем на Украину, в общем, поездил много.

Шел 1920 год. Затянувшаяся война поставила молодую Советскую республику в крайне тяжелое положение. Народ бедствовал. Например, на Украине, житнице страны, основным продуктом питания была свекла.

Но несмотря на все эти трудности, новое утверждалось в сознании народа. Люди ощущали, как после революции совершенно изменились отношения между национальностями. Помню, в царской России мне приходилось наблюдать множество фактов угнетения нерусских национальностей, например, татарам и евреям запрещалось говорить на своем родном языке; нарушители установленного царскими властями порядка имели дело с полицией, подвергались оскорблениям и даже избиениям. В городах им запрещалось жить в больших домах. Даже богатые евреи и татары селились в маленьких деревянных домиках или землянках. И только после победы революции исчезла всякая дискриминация в отношении нерусских национальностей.

Что касается нас, китайцев, то в прошлом дворяне и помещики именовали нас не иначе, как «темными людьми». После революции отношение к нам совершенно изменилось. Многие китайцы, проживающие в СССР, женились на русских девушках, что до революции было неслыханно. Я растрогался до слез, когда увидал на выпущенных Советским правительством денежных

знаках несколько китайских иероглифов, обозначающих лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Такие, как я, китайцы, служившие в Красной Армии, повсюду пользовались огромным уважением.

Во время поездок по стране я слышал много рассказов о китайских красноармейцах. Особенно мне запомнился один — о том, как под Пермью рука об руку сражались с врагом китайский боец по фамилии Нин и шестнадцатилетний русский красноармеец. Этот красноармеец отличался большой храбростью. Как-то во время боя он, невзирая на смертельную опасность, выскочил из окопа и открыл стрельбу по белогвардейцам. Китайский боец Нин, имеющий бо́льший боевой опыт, увидев, в каком опасном положении оказался его товарищ, тотчас же выскочил из окопа и прикрыл красноармейца собой. Русский юноша остался невредим, а китайский боец был тяжело ранен в правый глаз осколком вражеского снаряда. Этот случай в те годы был широко известен русским и китайцам.

Многие из китайских добровольцев боролись против иностранных интервентов и белогвардейцев на Украине. В свое время мне пришлось побывать в украинской деревне Олисяны, в которой, по рассказам жителей, неоднократно останавливались китайские красноармейцы. Все жители деревни, кроме кулаков, ненавидевших китайские красные отряды, с восхищением отзывались о храбрости и дисциплинированности китайских бойцов.

Мне рассказывали также об участии китайцев в боях за освобождение Одессы. В город вошли части Красной Армии, но не успели они закрепиться, как превосходящие силы белых ночью внезапно начали наступление на Одессу. Части Красной Армии, в составе которых было много китайских бойцов, понеся тяжелые потери, временно оставили город. Китайские красноармейцы, попавшие в плен, были зверски убиты. Их товарищи поклялись отомстить врагу за мученическую гибель своих братьев.

Вскоре, несмотря на ожесточенный огонь противника, Красная Армия начала решительное контрнаступление на Одессу. В результате упорных боев город был взят, более 70—80 процентов оборонявших его белогвардейцев — уничтожено. В боях за взятие Одессы китайские

бойцы проявили высокий героизм и отвагу, заслужив уважение и любовь украинского народа.

В 1921 году я приехал в Читу и шесть месяцев прожил у своего названного брата, потом в Иркутске в течение года учился в вечерней школе. В конце 1924 года я приехал в Москву, где неожиданно заболел. Врачи посоветовали мне поехать в район с теплым климатом и некоторое время не работать. Поэтому я отправился в Харьков, где после короткого отдыха вступил в созданный китайцами кооператив, занимающийся чисткой и окраской одежды, и находился там на административной работе. По вечерам я изучал русский язык, а также учился водить и ремонтировать автомашины. Затем я перешел в налоговое управление при Народном Комиссариате финансов и работал там налоговым инспектором вплоть до 1933 года, когда вернулся на родину.

За этот короткий период я своими глазами видел, как советские люди в очень трудных условиях настойчиво строили новую, социалистическую жизнь, при этом они работали не покладая рук, с большим энтузиазмом. В стране ощущался острый недостаток сырья и материалов, и многие юноши и девушки по собственной инициативе начали собирать повсюду утиль, который можно было использовать для переработки. С мешками они обходили дворы и квартиры, собирая у жителей самые различные негодные к употреблению вещи, затем сдавали собранный утиль и снова отправлялись по дворам и квартирам. Такая забота этих юношей и девушек о будущем своей страны трогала до глубины души.

К тому времени, когда я возвращался к себе на родину, в Харькове и других местах появилось очень много новых заводов и фабрик. Существовавшее ранее весьма напряженное положение с продуктами питания и предметами первой необходимости значительно изменилось к лучшему, за большинством необходимых вещей уже не стало очередей; с каждым днем оживленнее становилось на рынках, значительно повысился жизненный уровень народа.

В Китае я стал коммунистом и работал в шанхайской подпольной организации. После освобождения Шанхая от гоминьдановцев меня направили на работу в управление общественной безопасности, откуда я недавно ушел на пенсию по старости.

В 1950 году в Шанхай приезжала группа советских товарищей, и меня прикрепили к ней переводчиком. Один из них, Саша Аксенов, однажды спросил меня:

— Товарищ Яо, где вы научились говорить по-русски?

— В Советском Союзе, — ответил я.

— Вы были в Советском Союзе?! А чем вы там занимались?

Я коротко рассказал историю своей жизни. Саша Аксенов был очень взволнован, он схватил меня за руки, крепко сжал их и возбужденно проговорил:

— О, так вы старый боец Красной Армии! Я тоже служил в Советской Армии и горячо приветствую вас, дорогой товарищ!

Он поинтересовался, сколько мне лет, и, получив ответ, сказал, что я гожусь ему в отцы. И он стал звать меня отцом. Всякий раз, когда он называл меня так, я испытывал глубокое волнение.

Во время гражданской войны в СССР я внес, конечно, очень небольшой вклад в дело победы революции. Но главное здесь заключается в том, что еще несколько десятков лет назад китайский и советский народы совместно проливали кровь за освобождение пролетариата всего мира.

Литературная запись Вэн Хэн-шэна

6 Зак. 1198

Сюй Мо-линь

На фронтах гражданской войны

Покидаю родину

Я рано остался без отца и матери и рос на попечении бабушки и близких друзей покойных родителей. Потом, когда нужно было уже самому заботиться о себе, подался я из родной провинции Шаньдун на Северо-Восток. Был и подмастерьем, и грузчиком, пока, наконец, не попал в Харбин, где устроился в лавку к русскому купцу. В феврале 1917 года на улицах Харбина появились объявления о найме китайцев на работу в Россию. В том месяце я заработал всего несколько юаней[1]. А что на них сделаешь? Проешь — раздетым останешься, одежонку купишь — питаться не на что. В общем, выход один — завербоваться. Так я, как и многие другие бедняки-соотечественники, расстался с любимой родиной.

Трудовая жизнь

Поезд доставил нас к русско-польской границе. Мы попали в 4-й тыловой саперный батальон и пробыли в нем до октября 1917 года — рыли окопы и выполняли всякие подсобные работы. Затем объявили перемирие (я в то время еще не понимал почему), и мы направились в Киев за расчетом. Вот тогда только я понял, что нас обманули: за все проработанные месяцы мы получили

[1] Юань — денежная единица.

лишь по нескольку рублей. Начали протестовать, но ничего не добились. Тогда каждый стал строить свои планы: кто решил копить деньги для возвращения в Китай, кто надеялся найти работу в России, а мы с приятелем подались к русско-румынской границе, и нам удалось устроиться на железную дорогу.

Время было смутное: в России свершилась Октябрьская революция, власть на местах была где старая, а где новая. Проработали мы на железной дороге больше двух месяцев, а жалованья не получили. Решили пойти за зарплатой в Кишинев, в управление дороги. В январе 1918 года добрались до Кишинева и явились к начальнику управления, еще царскому чиновнику. А этот мерзавец наотрез отказался выплатить нам деньги. Не стерпели мы и говорим переводчику: «Скажи ему, если не выдаст получку — тут же прикончим». Услышав это, начальник залебезил: «Что вы, братцы? Зачем сердиться? Сейчас что-нибудь придумаю», — и юркнул в канцелярию. Кто ж знал, что эта лиса в жандармерию позвонит. Мы чинно стоим, ждем, и вдруг появляются жандармы, хватают нас и — в тюрьму. Продержали трое суток без воды и пищи, а на четвертые загнали в теплушки и повезли из Кишинева.

...Двери теплушек распахнулись, и жандармы вытолкнули нас наружу. Улучив удобный момент, мы бросились бежать — откуда только силы взялись...

Вступаю в Красную Армию

Вырвавшись из лап жандармов, мы пришли в Тирасполь. От голода, страха и усталости еле на ногах держались. А держаться надо было хоть для того, чтобы милостыню просить.

Пришли мы (нас было несколько человек — все китайцы) к какому-то хуторку, примерно в километре от северо-западной окраины Тирасполя, и видим: развевается какой-то странный флаг — красный, а у флага стоит боец-китаец. А для людей, хлебнувших горя на чужбине, встретить своего земляка — такое счастье, что словами не выразишь. Подошли мы к бойцу, поздоровались, потолковали по душам. Выяснилось, что это большевистский отряд и в нем много китайцев. Спрашиваем: «А нам можно в ваш отряд?». Боец тут же вы-

звал командира, тоже китайца. Рассказали мы ему, как попали в хутор, заявили, что хотим в отряд. Командир тоже был рад встрече. Услышав, что мы трое суток не ели, он тут же приказал накормить нас. Так мы стали бойцами Тираспольского отряда Красной Армии.

Отрядом командовал товарищ Якир [1], помощником его был китаец Сунь Фу-юань. Я немного говорил по-русски, и меня назначили командиром отделения. Произошло все это 3 января 1918 года. Я никогда не забуду этого дня.

Вскоре наш отряд выступил из Тирасполя на Екатеринослав. Недалеко от станции Раздельная нас атаковали австрийские части. Тираспольский отряд состоял главным образом из новичков, которые в первом бою, естественно, растерялись. Отряд рассыпался и снова собрался только на одной из следующих станций. В этом бою было убито и ранено более 40 китайских бойцов.

Впоследствии нам не раз приходилось встречаться с белогвардейцами, и мало-помалу мы накопили некоторый боевой опыт. Вскоре меня назначили командиром взвода.

В ловушке

Однажды летом 1918 года, подходя к одной деревне, мы еще издали увидели вывешенные красные флаги. Бойцы спокойно вступили в населенный пункт, жители собрались на митинг в честь нашего прихода. Судя по всему, население поддерживало большевиков. Однако случилось непредвиденное. Не успел отряд отойти от деревни, как с фронта и с флангов его начал окружать противник. Повернули обратно, а деревня на этот раз встретила нас огнем. Мы попали в ловушку. Хотя отряд не успел приготовиться к обороне, мы не растерялись. Бой был ожесточенным... Ценой больших потерь мы вырвались из окружения. Многие товарищи пали смертью храбрых, многие попали в плен. Как правило, пленных подвергали изощренным пыткам и издевательствам, после чего расстреливали или рубили шашками.

В том бою я отстал от своих. Пробрался в Киев, еще занятый белыми, и устроился грузчиком на угольный склад. Примерно месяц спустя белогвардейцы схва-

---

[1] См. сборник статей Командарма 1 ранга И. Э. Якира «Воспоминания о гражданской войне», Воениздат, 1957. — *Прим. ред.*

тили всех китайских рабочих и отправили в тюрьму. Нас называли «смутьянами» и грозили расстрелом. Однако через несколько дней почему-то выпустили. Недолго думая, я отправился в Москву.

Снова в строю. Первое ранение

В Москве я встретил товарища из Тираспольского отряда и вскоре вновь вступил в ряды Красной Армии, теперь уже в 1-й Московский рабочий полк.

Через две недели наш полк двинулся на станцию Унеча, которую удерживали немцы. Мы обошли противника с тыла и внезапно атаковали с двух сторон. В этом бою немцы понесли тяжелые потери, одних пленных мы отправили несколько составов. Я был ранен в живот и попал в госпиталь в Смоленск.

Стычка с бандитами

Выйдя из госпиталя, я бросился догонять своих и прибыл в Киев. Город уже был освобожден от белых, и 1-й Московский рабочий полк ушел дальше. Киевской губернской милиции требовались люди, и я поступил в милицию. Командиром нашего отряда был Чжу Дянь-чэнь. Меня сначала назначили командиром 2-го отделения, а потом заместителем командира отряда. Я долго отказывался от этой работы (по правде говоря, боялся, что не справлюсь), но вопрос уже был решен.

В январе — феврале 1919 года на Киев часто совершала налеты одна из банд «зеленых». Людей в банде было, правда, немного, да и вооружение неважное, но как-то в полночь «зеленым» удалось проникнуть в самый город. К утру чуть ли не треть Киева оказалась в их руках.

В эту ночь наш отряд отдыхал, и вдруг наш старшина Миша вбегает в общежитие с криком: «Тревога! В ружье!». Мы моментально построились и направились на Подол (район Киева) ко 2-му отделению милиции. Надо сказать, что наш Миша, бывалый моряк, был охотник до шуток. А «зеленых» он вообще ни во что не ставил. Шагаем молча и вдруг видим: впереди — баррикада, из-за нее огонь по нашему отряду открыли, а мы все еще не знаем, что произошло. Приказал я бойцам рассыпаться в цепь, а сам накинулся на Мишу:

— Чего еще ты придумал? Это что, тоже твои шуточки? Скажи, наконец, в чем дело?— А Миша хладнокровно передернул плечами, прищурился и говорит спокойно:

— Сказать? Ты что, сам не видишь? «Зеленые»!

Завязался бой. Внимательно изучив обстановку, мы решили разведать силы противника и обойти его.

Пробравшись на другой конец улицы, мы с Мишей обнаружили там всего шесть — семь бандитов, видимо, еще не обстрелянных новобранцев: уж очень спокойно они себя чувствовали. Мы вернулись обратно и, взяв с собой несколько человек, вновь незаметно прокрались на то же место. По заранее условленному сигналу наш отряд ударил по «зеленым» одновременно с двух сторон и сразу нагнал на них страху да такого, что те сначала смешались в одну кучу, а затем бросились бежать без оглядки кто куда. Не все, конечно, удрали, некоторых мы взяли в плен.

После ликвидации этой банды ЧК перевела китайских бойцов из милиции в караульный отряд.

Незабываемая встреча

В апреле 1919 года караульные отряды Киева были сведены в 4-й Советский полк. 3-й батальон полка, в который входили 7, 8 и 9-я роты, был сформирован из китайцев. Командиром батальона был товарищ Ван Линь, меня назначили батальонным писарем.

...В мае того же года в жизни наших бойцов произошло незабываемое событие.

Как-то в штаб полка пришли двое незнакомцев. В этот момент в канцелярии штаба сидели два молодых бойца и печатали на машинках.

— Здравствуйте! — поздоровались вошедшие.

— Здравствуйте! — ответили бойцы.

— А где ваш командир полка? — спросил один из пришедших.

— Только что вышел. Присядьте, подождите, — пригласили их бойцы, не отрываясь от работы.

Гости чинно уселись на табуретки и немного подождали. Потом один говорит:

— Неизвестно, сколько тут ждать придется. Пойдемте лучше поищем его.

Другой согласился и спрашивает бойцов:

— А где находится китайский батальон?

— Внизу, за первым углом.

Гости поблагодарили и вышли, осторожно прикрыв за собой дверь.

3-й батальон отдыхал, когда в казарму вошли двое: один — в черном костюме и черных ботинках, другой — невысокого роста в френче защитного цвета, в желтых солдатских ботинках, взгляд у него ласковый, добродушный, но с хитрецой, сразу видно — большого ума человек. Вошли они и спрашивают:

— Кто тут по-русски говорить может?

Позвал я переводчика Юй Цзинь-шаня. Тогда тот, что в черном костюме, указывает на другого и говорит:

— Это председатель Совнаркома, товарищ Ленин...

Мы своим ушам и глазам не верим: неужели этот добродушный человек — сам товарищ Ленин? Ну, конечно, обступили его.

А товарищ Ленин приветливо и просто поздоровался со всеми по очереди. Потом пощупал наши соломенные тюфяки и спрашивает:

— Как, не жестко?

— Что вы, товарищ Ленин, — говорим, — мягко.

— Хлеба хватает? Мясо дают?

Мы отвечали на все его вопросы. Но Владимир Ильич все как будто не верит:

— Значит, все у вас в порядке?

— Да, да, все!

Товарищ Ленин, видимо, довольный нашими ответами, сказал по-китайски: «Хао! Хао!».

К этому времени командир батальона товарищ Ван Линь узнал о прибытии Ленина. Ван Линь прибежал в батальон, подошел к товарищу Ленину и отдал рапорт. Товарищ Ленин крепко пожал ему руку. Потом улыбнулся и спросил нас:

— А ведь, наверно, нелегко воевать-то, а? Не страшно в бою?

Тут все дружно закричали:

— Нет!

Ленин похлопал по плечу стоявшего рядом с ним бойца и говорит:

— Настоящие молодцы!

Вернувшийся командир полка, узнав, что его ждет товарищ Ленин, начал оправдываться:

— Простите, товарищ Ленин, по делам уходил.

— Ничего, ничего, — говорит товарищ Ленин и спрашивает: — А какой батальон на втором этаже?

— Немецкие бойцы.

Потом товарищ Ленин попросил проводить его к немецким бойцам. Долго мы прощались с вождем, каждому хотелось пожать ему руку!..

Встреча с Лениным длилась всего семь — восемь минут, но оставила у нас неизгладимое впечатление и стала важнейшим, незабываемым событием в нашей жизни.

Два ранения

Приблизительно в июне 1919 года наш полк прибыл в Умань. Вскоре на Украине зашевелились петлюровцы, и нас перебросили на станцию Корсунь. Одновременно сюда же был переброшен и 16-й Смоленский полк.

Вначале нашему и 16-му полкам пришлось отойти севернее станции, остававшейся в руках белых. Но вечером того же дня мы ее отбили. Во время боя, когда противник стал отступать, я и боец Бай Дэ-шань, пробегая мимо одного из станционных зданий, услышали голоса. Это был враг. Еще не зная о том, что их основные силы разбиты, белые беззаботно выпивали.

— Выходи! — крикнул я в окно во весь голос.

Белогвардейцы стали выскакивать на улицу, и я не успел увернуться: шашка одного из них скользнула по моей голове. Превозмогая боль, я поднял винтовку и несколькими выстрелами уложил трех белых. Остальные бежали.

Я попал в госпиталь, в Киев, а оттуда — в Москву.

После выздоровления я поехал обратно в Киев и в Гомеле встретил китайских бойцов из нашего полка. Оказалось, что в бою за Корсунь наш полк понес большие потери и от китайского батальона осталось всего тридцать бойцов. Фактически 4-й полк перестал существовать, и моих товарищей направили в 1-й интернациональный полк. При переформировании в Чернигове командование решило дать красноармейцам-китайцам, уже более года участвующим в непрерывных боях, трехмесячный отдых. Отдыхать их направили в Гомель. Но до отдыха ли было в такое напряженное время! Не

прошло и недели, как нас, китайских бойцов, снова перебросили в Киев, где включили в 3-й интернациональный полк 1-й бригады 58-й стрелковой дивизии 12-й армии.

Полк занял позиции вблизи одного городка, расположенного недалеко от Киева. Нашей задачей было захватить городок и этим обеспечить путь на Киев, занятый противником. Меня оставили в тылу полка для охраны комендантского имущества, организации доставки бойцам горячей пищи, выноса раненых и т. п.

Бой за городок был очень напряженным; несколько раз пришлось мне доставлять пищу на передний край, а на обратном пути выносить раненых. Во время одной из таких вылазок я остановился под деревом поговорить с товарищами, и только успел свернуть цигарку, как вдруг прямо над нашими головами разорвался снаряд, за ним — еще два... Бросился я на землю, да поздно: осколок угодил мне прямо в голову. Пощупал — все лицо в крови, а голову словно камнем придавило...

Но на этот раз в госпитале лечиться не пришлось: была прервана связь с дивизией.

Путь на Киев

Для того чтобы занять этот городок и открыть путь на Киев, надо было найти человека, который бы долго жил в нем. Искали такого человека повсюду, наконец нашли. Беседовал с ним командир полка.

— Слышал, земляк, что ты долго жил там.

— Жил несколько лет.

— Значит, дороги к нему хорошо знаешь? Не скажешь, есть к нему какие-нибудь тропки, чтобы противника с тыла обойти?

Тот все рассказал подробно. Потом командир полка говорит:

— Ну ладно. Ты, видно, сам уже сообразил, кто мы. Мы — большевики, за трудовой народ воюем. Покажешь нам дорогу?

Тот согласился.

Начали передвижение. С величайшей осторожностью шли проселочными дорогами, тропками и подошли к городку так близко, что даже наткнулись на неприятельские дозоры. Их ликвидировали, конечно, обошли городок и начали атаку. Белые упорно сопротивлялись.

Все же их здорово потрепали. После боя полк расположился на ночлег в домах жителей. А перед рассветом командир полка вдруг объявил тревогу и приказал готовиться к бою; оказалось, что не все подразделения противника бежали из городка и бойцы ночевали в нем вместе с белыми. Противник тоже обнаружил нас. Обе стороны, не разобравшись в чем дело, начали отходить: белогвардейцы на восток, мы на запад.

На третий день, после ужина, мы послали разведку, она обнаружила, что противник потихоньку ушел из городка. Тогда мы вошли в него, и жители наперебой спешили сообщить нам, что белогвардейцы ушли в тот же день, когда утром столкнулись с нами: они, видимо, решили, что к нам невесть откуда подошли подкрепления.

Итак, мы заняли этот городок, а затем двинулись прямо на Киев. Деникинцы бежали, и новый, 1920-й, год мы встречали уже в Киеве.

Мстим за братьев по классу

Когда речь заходит о китайцах-красноармейцах, меня частенько спрашивают, как они сражались в рядах Красной Армии, почему бойцы-китайцы были так же отважны, как и русские бойцы-коммунисты, и враги боялись их не меньше, чем русских? На эти вопросы в двух словах не ответить.

Нужно сказать, что во время Октябрьской революции и гражданской войны многие китайские рабочие, жившие тогда в России, охотно вступали в Красную Армию. Видя в русских рабочих братьев по классу, считая их дело своим, красноармейцы-китайцы в боях проявляли храбрость и отвагу, поэтому враги ненавидели их и боялись не меньше, чем русских красноармейцев.

Когда части Красной Армии заняли Пермь, красноармейцы увидели страшную картину: повсюду стояли привязанные к столбам трупы наших бойцов, замученных белобандитами. На суровом сибирском морозе палачи обливали людей водой до тех пор, пока их жертвы не превратились в глыбы льда. Среди замученных было много китайцев.

Молча стояли мы перед погибшими товарищами, даже самые крепкие не могли сдержать слез. Китайские бойцы поклялись отомстить за своих братьев.

— Друзья! — еле сдерживая слезы, обратился к нам командир роты. — Смотрите, что сделали палачи с нашими товарищами. Братья! Мы отомстим за вас!.. И отомстим жестоко!

— Трудовые люди — одна семья! Да здравствует единство трудящихся! Месть за погибших братьев по классу! Лучше смерть от собственной пули, чем плен! Разгромим гадов! — поклялись китайские бойцы, горевшие ненавистью к врагу.

Демобилизация

В мае 1920 года Киев заняли польские войска. Наша, 12-я армия, и Первая Конная во взаимодействии с другими частями Красной Армии вышибли поляков из Киева и, не давая им ни минуты передышки, гнали почти до самой Варшавы. Падение Варшавы было делом одного — двух дней. Правительство буржуазно-помещичьей Польши было вынуждено запросить мира. Сражение за Киев в 1920 году закончилось нашей победой.

Гражданская война закончилась. Но долго боролся еще советский народ с голодом и разрухой, оставшимися как наследие войны.

В феврале 1922 года я тяжело заболел и снова попал в Киев, во 2-й военный госпиталь. Вскоре после этого я демобилизовался.

Дорогие воспоминания

В 1932 году вся Советская страна отмечала 15-ю годовщину Великой Октябрьской революции. Я тогда работал делопроизводителем в одной из строительных контор Ростова. В день 15-й годовщины «Комитет бывших партизан» вручил мне ордер на квартиру и «Удостоверение красного партизана». Между собой китайцы называли эти удостоверения «красными билетами». Они давали нам большие льготы на всей территории Советского Союза, в частности хлеба мы получали больше, чем по карточке.

В том же году в Киеве состоялась встреча участников Октябрьской революции и гражданской войны, на которой присутствовали представители от всех частей

Красной Армии. Командиров-китайцев пригласили занять самые почетные места — в президиуме. Всем бойцам, присутствовавшим на вечере, были вручены памятные медали, а тем, кто не мог приехать, их переслали по почте. Впоследствии друзья передали такую же медаль и мне. От волнения у меня выступили слезы. Эта медаль напомнила мне, с какими трудностями завоевали трудящиеся новую жизнь. Я любовно повесил медаль на грудь и сфотографировался. Этот снимок храню до сих пор.

Чжан Цзы-сюань

Плечом к плечу

Шел 1916 год. В то время я жил в Шэньяне. Однажды, когда я бродил по городу в поисках какой-нибудь работы, на одной из улиц мне повстречалась группа людей, стоявшая возле афишной тумбы. На тумбе были расклеены объявления. Я был неграмотный и, не зная иероглифов, не мог прочитать, что там написано. Возле тумбы стоял человек, держа в руках рупор из жести. Он что-то выкрикивал громким голосом. Я остановился и прислушался. Оказалось, что акционерная компания «Ичэн» производит набор рабочих в Россию; желающим выехать предлагалось заключить контракт сроком на один год. По истечении года гарантировалось возвращение на родину, а ежемесячный заработок каждого, кто пожелает завербоваться, составит 30 цяньте (так в то время китайские рабочие называли царский рубль).

Внимательно выслушав оратора, я стал размышлять: 30 рублей в переводе на китайские деньги составят 40 с лишним юаней; к тому же через год мне гарантируется возвращение на родину; такой подходящий случай, и почему бы не воспользоваться им? Я обратил внимание, что несколько человек тут же заявили о своем согласии поехать на заработки. Это подбодрило меня, и я записался. Мне выдали бирку, с которой я пришел на ука-

занный сборный пункт; там нас посадили в товарные вагоны-теплушки и повезли в Россию.

Мы ехали более месяца. Кормили нас черным хлебом и русскими щами. Первое время мы никак не могли привыкнуть к новой для нас пище. К счастью, нам выдали по 10 рублей, и мы на каждой станции покупали что-нибудь поесть. Чем дальше мы ехали, тем все более менялся климат, становилось холодно. Все в вагоне старались держаться ближе к печке.

Наконец поезд прибыл на небольшую станцию Калинковичи, где мы выгрузились. Длительное путешествие закончилось. Нам предстояло рубить деревья неподалеку от станции, окруженной безграничным лесным массивом.

Мы пробыли в этом огромном лесу около года. Каждый физически сильный рабочий мог заработать в месяц около 40 рублей, но мы не имели возможности высылать заработанные деньги на родину своим семьям и полностью тратили их на себя.

Наступила осень 1917 года. Я прожил в России уже год. Срок контракта истек, но о возвращении на родину ничего не было известно. И вот однажды от переводчика, вернувшегося из лесозаготовительной конторы, рабочие узнали, что русские служащие и чиновники-подрядчики разбежались; контора уже больше не существует. Таким образом, все мы лишились заработка и средств к существованию. Люди пали духом. Что делать? Возвращаться домой — денег нет, к тому же железные дороги не работают. Не полетишь же домой на крыльях. В течение нескольких дней все мы бурно обсуждали создавшееся положение, но никто не знал, что же в конце концов предпринять. Однажды из города к нам приехал один человек, он долго беседовал с нами. Говорил он с помощью переводчика, нам не все было ясно, но основное мы поняли. Русский товарищ сказал, что рабочие всего мира фактически представляют собой одну семью. Они хотят, чтобы трудящиеся массы, в том числе и китайские рабочие, жили счастливо. Он говорил также о том, что мы, две тысячи китайских рабочих, в настоящее время уже не находимся под властью хозяев-подрядчиков и по своему желанию могли бы возвратиться на родину. Однако, сказал он, в данное время сделать это не представляется возможным: железные

дороги не работают. И русский товарищ призвал нас вместе с русскими рабочими принять участие в революции, другими словами, вступить в ряды Красной Армии.

По правде говоря, в то время мы не совсем ясно понимали, в чем смысл революции, но искренность, с которой говорил русский, покорила нас. Мы поверили ему, и все вступили в Красную Армию.

Район лесозаготовок остался позади. Вскоре мы прибыли в окрестности города Гомеля, где начали изучать военное дело. Кроме того, каждый день мы выделяли несколько групп на рытье окопов, ремонт железнодорожных путей и на другие работы. Каждый китаец ежемесячно получал по семь рублей. Сумма, конечно, небольшая. Но если учесть, что мы находились на полном обеспечении всеми видами довольствия, этого было вполне достаточно, и новобранцы ни в чем не нуждались.

Военная подготовка продолжалась несколько месяцев. В течение этого времени формировались воинские отряды. Я оказался в числе 1200 человек, из которых был сформирован Отдельный китайский батальон, действовавший в составе 2-й Революционной армии. Остальные 800 человек вошли в состав другого соединения.

Осенью 1918 года наш воинский отряд был переброшен к западным границам молодой Советской республики, где принял участие в боях против войск буржуазно-помещичьей Польши. Я плохо помню место моего боевого крещения и ход самого боя. В моей памяти сохранилось только воспоминание о том, что сражение длилось двое или трое суток, огонь противника был очень сильным, мы никак не могли добиться успеха и вынуждены были выйти из боя, чтобы перегруппировать свои силы.

Второй раз я участвовал в более крупном сражении, которое разыгралось в окрестностях города Жлобина за овладение военными складами, находившимися в руках польских войск. До начала боя в отряде было проведено собрание, на котором командир разъяснил нам важное значение предстоящей операции и призвал всех приложить максимум усилий, чтобы добиться успеха. Тогда на собрании с особой силой проявился боевой дух китайских бойцов. Мы дали обещание ни в коем слу-

чае не отступать и обратились к своим советским братьям с предложением соревноваться за то, чтобы никто из нас во время боя не сделал ни шагу назад. Русские братья приняли наше предложение.

В этом сражении с обеих сторон участвовало свыше десяти тысяч человек. Военные склады противника находились за холмом. Местность для нас была очень невыгодной. Кроме того, враг имел превосходство в огневых средствах. Однако мы, твердо уверенные в своей победе, решительно шли в бой. Когда наступление китайских подразделений, действовавших с фронта, достигло наивысшего напряжения, кавалерийский отряд русских братьев стремительным ударом во фланг прорвался к высоте. Развевающееся в руках кавалеристов красное знамя призывало нас ринуться в атаку. Увидев его, мы почувствовали прилив энергии, решительно устремились вперед и быстро захватили военные склады.

Мне лично не пришлось видеть эти склады, но, по рассказам товарищей, там хранилось огромное количество боеприпасов и военного имущества. Зато я своими глазами наблюдал, как разбитый противник, спасаясь бегством и в беспорядке отступая, бросил в окрестностях военных складов большое количество автомобилей, повозок и даже несколько небольших танков. Командир назначил меня и нескольких других товарищей охранять захваченные трофеи, пока их не отправили в тыл.

После того как бой закончился, командование объявило нам благодарность за проявленные в этом сражении доблесть и отвагу и предоставило двухнедельный отдых. Кроме того, каждый боец китайского отряда получил по 300 рублей. Наши товарищи, понимавшие по-русски, говорили, что приказ о выдаче нам этой денежной награды был составлен по указанию товарища Ленина, который считал, что китайские бойцы проявили в революционной борьбе в России высокую доблесть и отвагу и поэтому они должны быть особо отмечены.

После этого наш отряд перебросили на Украину для несения службы по охране общественного порядка и борьбы с контрреволюционными бандами. В то время на Украине было очень неспокойно. Постоянно действовали крупные отряды белобандитов и мелкие контрреволюционные банды, которые нарушали движение железно-

дорожного и водного транспорта и совершали другие диверсионные акты. Поэтому нам пришлось работать в исключительно напряженной обстановке. Мы почти не имели времени для отдыха. Иногда нас посылали охранять заводы и учреждения. Мы несли патрульную службу, ходили в ночные дозоры, часто сопровождали поезда и пароходы с государственным имуществом и охраняли безопасность пассажиров.

Выполняя служебные задания, мы бывали в Киеве, Харькове и в других городах и населенных пунктах. Китайские бойцы не понимали украинского языка, и это сильно затрудняло их общение с местным населением. К выполнению своих обязанностей китайские бойцы всегда относились исключительно честно и добросовестно и поэтому завоевали большое доверие к себе со стороны командования. Также и украинцы с похвалой отзывались о наших бойцах, говоря, что китайцы «за деньги не продаются».

Мне много раз приходилось сопровождать пароходы. Каждый раз на выполнение задания выделялось примерно от 30 до 50 бойцов. Приняв судно, мы отплывали и до самого места назначения не приставали к берегу ни в одном населенном пункте; по обоим берегам обычно тянулся густой лес. Нередко из лесу вдруг появлялись бандиты верхом на лошадях и огнем из винтовок пытались заставить судно пристать к берегу. Мы, конечно, не позволяли им разбойничать: вытаскивали на палубу пулеметы и открывали ураганный огонь. Бандиты, неся потери, каждый раз отступали. Впоследствии, как только бандиты обнаруживали в бинокль, что судно сопровождают китайцы, они старались уклониться от встречи с нами.

Китайские бойцы были высокодисциплинированными и среди украинского населения пользовались большим авторитетом. Местные жители тепло отзывались о бойцах китайского отряда и при виде их, словно сговорившись, поднимали вверх большой палец. В походах мы никогда не испытывали недостатка в продовольствии, так как население всегда относилось к нам с необычайным гостеприимством. Жители деревень выносили все, что у них было, хотя порой и сами испытывали нехватку продуктов питания. Они приглашали бойцов к себе домой

и, накормив досыта, обязательно давали им что-нибудь в дорогу.

Осенью 1920 года наш отряд снова был отправлен на польский фронт. На этот раз перед нами поставили задачу отбить захваченную противником железнодорожную станцию Калинковичи. Это была та станция, где мы работали в 1916 году. В ходе боя наш китайский отряд, действовавший плечом к плечу с одной из воинских частей Красной Армии, был остановлен противником в лесу. Артиллерия противника своим огнем отрезала нашу связь с тылом. В течение двух недель мы не имели продовольствия, и бойцы были вынуждены, чтобы не умереть с голоду и как-то продержаться, выкапывать картошку на опушке леса и пить из канав стоячую воду; к нашему счастью, в это время беспрерывно шли дожди. Почва в лесу превратилась в сплошное месиво. Не было места, чтобы присесть и отдохнуть. В этой тяжелой обстановке со всей силой проявилась классовая дружба китайских и советских бойцов. Каждый боец был готов отдать товарищам свою одежду и пищу. Мы сохраняли спокойствие и выдержку, ожидая помощи своих друзей — бойцов Красной Армии, чтобы потом снова пойти в наступление на врага.

Однажды в лесу меня поставили часовым. Неожиданно вблизи разорвался артиллерийский снаряд. Не успев упасть на землю, я был ранен в левую ногу. Я потерял сознание и очнулся в пристанционном лазарете. Вскоре меня направили в военный госпиталь в Москву, где я находился на излечении свыше двух месяцев. Потом я получил инвалидность третьей группы и не мог вернуться в строй. Командование предложило мне демобилизоваться. Демобилизовавшись, я остался в Москве, где работал до 1938 года. Когда вспыхнула антияпонская война, я вернулся на родину.

Литературная запись Вэн Хэн-шэна

Чэнь Ли-дэ

Как я защищал Украину

Родом я из уезда Хуансянь провинции Шаньдун. Дед и отец мои были слесарями. Отец умер рано, когда мне исполнилось четырнадцать лет. В семье осталось четверо: дед, уже старый и слабый, мать, беспомощная темная женщина, и мы — двое маленьких братьев. Жить было не на что, и мать послала меня в город Лункоу, где жил дядя, муж ее сестры. Вскоре после этого в нашу деревню приехал на побывку один из моих дальних родственников. Он расхвалил землякам вольготную жизнь в Харбине, где работал, и моя мать попросила его взять меня с собой на заработки.

Где только и кем только не работал я в Харбине! Был и мальчиком на побегушках в лавчонке, и боем в домах иностранцев, и сезонным рабочим на папиросной фабрике акционерной компании «И. Я. Чурин», которой распоряжались русские. Впоследствии я перешел на швейную фабрику этой же акционерной компании и стал красильщиком. На фабрике было много портных — русских подданных. Вскоре я стал замечать, что они после смены часто собираются вместе где-нибудь в укромном уголке и что-то горячо обсуждают. Я сгорал от любопытства и однажды спросил своего родственника, для чего они собираются. Родственник, немного понимавший по-русски, ответил, что они за революцию, и, как мог, объяснил, что такое революция.

Люди эти мне очень нравились. Я стал оставаться на их собрания. Это было мое первое общение с русскими революционерами.

Вскоре меня уволили. Как раз в это время прошел слух, что Россия крайне нуждается в рабочей силе. Ехать туда и стать кули было все же каким-то выходом из положения. Мы, безработные, стали группами направляться на станцию Маньчжурия, чтобы оттуда уехать в Россию.

Паспортов у нас не было, и один местный житель, хорошо знающий те края, помог нам ночью перейти государственную границу. В то время многие таким образом уходили в Россию.

Через некоторое время мы добрались до железнодорожной станции Машаньвань, где нас взял к себе подрядчик-китаец Хуан Цзинь-доу. Стояла осень — время лесозаготовок, и подрядчик послал нас на рубку деревьев. Помню, на нашем участке не было никакого жилья, и мы первым делом построили себе барак, потом смастерили нары из веток и на ночь устраивались на них, подстелив под себя всю свою одежонку. Дров было много, только не ленись топить печь, и холод не очень нас донимал, но не хватало продовольствия. Мы питались только лепешками, селедкой и черемшой [1], да и то недосыта. Словом, настрадались мы тогда немало.

Весной наша партия вернулась на станцию. Там, насколько помню, пришлось разгружать уголь и гравий. Разумеется, было не легче, чем на лесозаготовках.

Зимой до Машаньвани докатилось известие об Октябрьской революции, но в нашу жизнь это известие о великом событии не внесло ничего нового: ведь мы находились вдали от революционных центров.

С весны 1918 года продовольственные затруднения стали еще серьезнее. На одного человека выдавали только по два с половиной фунта ржаной муки в неделю, а жиров и соли не было совсем. Мы ходили по окрестным деревням и покупали картошку, а жарили ее на стеарине, по совету будочника-китайца. Такую картошку все же можно было есть.

---

[1] Черемша — дикий лесной чеснок.

К концу года купить картошку стало невозможно, да и зарплату мы не получали уже несколько месяцев. Однажды прошел слух, что поблизости идет набор в Красную Армию. Многие рабочие, в том числе и я, решили вступить в нее.

На пункте набора к нам вышел командир-китаец по фамилии Ван. Он первым делом спросил, знаем ли мы о товарище Ленине. Оказалось, что все впервые слышат это имя. Затем товарищ Ван обратился к нам с небольшой речью. Он сказал, что мы встаем на правильный путь, ибо Красная Армия — это армия, зазащищающая бедноту не только России, но и всего мира. Многого я не понял тогда, но подумал: «Я тоже из бедных, и как раз кстати, что это — армия бедноты».

Наша часть называлась 108-м полком железнодорожных войск по борьбе с бандитизмом. Она расквартировалась на станции Машаньвань. Мы несли службу по охране станции и железнодорожной линии и одновременно обучались военному делу. Специального обмундирования бойцы не имели, были одеты, кто в чем пришел. Мы отличались от других только лоскутками красной материи, приколотыми к нашим шапкам.

Через несколько месяцев командованию части было приказано немедленно выступить. Каждому бойцу выдали по винтовке и по два подсумка патронов.

Поезд шел долго — месяцы. Приедем на какую-нибудь станцию и стоим несколько дней, отъедем немножко — снова остановка.

На месте назначения, на участке железной дороги между Минском и Барановичами, часть получила задачу оборонять большой железнодорожный мост всего в нескольких десятках километров от позиций польских войск. Помню, небольшие группы противника дважды подходили к мосту, но оба раза мы их быстро отгоняли.

Через некоторое время в связи с ухудшением обстановки на фронте наша часть отошла в Екатеринослав. Сначала ей поручили охрану заводов и советских учреждений, а потом перебросили в Киев, где преобразовали в Особый железнодорожный батальон по борьбе с бан-

дитизмом. На нас была возложена охрана и поддержание порядка на всех железнодорожных линиях и ветках Украины.

В то время на Украине было неспокойно. Всюду орудовали вооруженные банды по 70—80 человек, а иногда и по 300—500. Так что работы было много и очень напряженной. Едва вернемся с одного задания, как получаем очередной приказ и немедленно уходим на другое. Иногда приходилось сопровождать железнодорожные составы до Харькова или Одессы. В самом Киеве нас назначали в ночной патруль или на посты. Выполнив задание, бойцы забирались в свободные дома и ложились спать, не раздеваясь, прямо на грязном полу. Домов таких на Украине тогда было много, но они были совершенно пусты.

Но основная трудность заключалась в недостатке продовольствия. Люди постоянно недоедали.

В годы первой мировой войны и гражданской войны на Украине в разное время бесчинствовали немцы, австрийцы, поляки и огромные площади не засевались в течение пяти — шести лет. На железнодорожных станциях можно было часто видеть трупы умерших от голода. Помню, что еще когда мы обороняли железнодорожный мост в районе Барановичей, наша часть однажды в течение целого месяца не могла получить продовольствия.

На Украине каждый боец получал в день фунт «сечки для лошадей». Это была ячменная мука, перемолотая с шелухой и мякиной, почему и прозвали ее «сечкой для лошадей». Хлеб, испеченный из такой муки, был горьким, кислым и совершенно непитательным.

Вот в какой трудной обстановке велась борьба с остатками белых армий и бандами. Иногда приходилось подниматься по тревоге три — четыре раза в неделю. На задание обычно выходили по ночам. Если банды орудовали у железной дороги, мы выезжали на бронепоезде. Большей частью противник скрывался в лесах, находить и уничтожать его было нелегко.

Мы опирались на поддержку местных жителей, которые с готовностью участвовали в поисках бандитов.

Бои с противником обычно длились часа два — три, и нам, как правило, удавалось не только уничтожить часть банды, но и захватить пленных.

Часть, в которой мы служили, имела хорошее по тому времени вооружение: станковые пулеметы (водяного охлаждения), полевые орудия малого калибра и даже пушки крупных калибров, устанавливаемые на бронепоездах.

Враг не раз испытал на себе храбрость и боеспособность бойцов-китайцев и чаще всего отступал при первом же их появлении.

В Советской России мы, китайцы, чувствовали себя свободными и равноправными. К нам относились с любовью и уважением. А у себя на родине мы постоянно подвергались унижению и оскорблениям. Встретишь, бывало, на улице Харбина иностранца (чаще всего русского аристократа) и спешишь заранее уступить ему дорогу, иначе он может ударить. Тебя могли передразнить, плюнуть в лицо. Оскорбленный китаец приходил в гнев, но все сносил молча.

Для русских же товарищей по оружию в Советской России мы были настоящими братьями.

Дружеские отношения у нас установились и с населением. В какую бы деревню ни приходили китайские бойцы — их всюду сердечно приветствовали поднятием большого пальца руки: «Молодцы, мол, вы, во!» Нас зазывали в дома, кормили, стирали обмундирование.

В 1922 году я серьезно заболел, и мне пришлось демобилизоваться.

При демобилизации командование выдало мне бесплатный проездной билет. Я приехал в Читу.

В Чите, а потом во Владивостоке я проработал свыше десяти лет. В 1936 году, когда многие китайские эмигранты возвращались на родину, я приехал в Шанхай. Родина встретила меня неприветливо. Я не нашел работы и с трудом зарабатывал на жизнь починкой обуви. Мне пришлось отдать в сиротский приют своего сына, который приехал со мной.

После освобождения страны я стал работать в шанхайском отделении Общества китайско-советской дружбы.

После многих лет разлуки я встретился со старой матерью, а в прошлом году из СССР в Шанхай вместе с семьей приезжал навестить меня мой сын.

События, которые я пережил в своей жизни, убеждают меня в том, что не напрасно я в России перенес невзгоды и страдания тогда, на заре Советской власти.

Литературная запись Вэн Хэн-шэна

Чжоу Жуй

Китайский батальон Красной Армии

1

В декабре 1916 года наша группа в составе нескольких сот китайских рабочих прибыла в Россию на деревообделочный завод в Куправе, что в 250 километрах южнее Петрограда. В то время царское правительство вело войну с Германией. В различных уголках России непрерывно возникали забастовки рабочих и восстания крестьян. Вскоре после приезда китайских рабочих хозяин завода бежал в Москву, а китайский подрядчик уехал на родину. Работа на заводе прекратилась, и нам перестали платить деньги.

Доведенные до крайности, рабочие 5 октября 1917 года выбрали 14 делегатов для подачи петиции. В числе делегатов был и я. Наша делегация предъявила местным властям следующие требования: выдать заработную плату, возобновить работу на заводе или доставить китайских рабочих на родину. Чиновник, к которому мы обратились, ответил: «Заработную плату сейчас выдать не можем. Для возобновления работы на заводе понадобится еще два месяца, а если хотите вернуться на родину, — пожалуйста, но дорожные расходы берите на себя». Мы не согласились с этим, и нас выгнали за ворота.

Узнав об этом, рабочие запротестовали. Видя, что рабочие полны решимости бороться, чиновники пошли

на некоторые уступки: пообещали выплатить в первую очередь половину столовых денег и возобновить работу через два месяца.

За эти два месяца в России произошли без преувеличения «потрясшие небо и опрокинувшие землю» события — свершилась Октябрьская социалистическая революция и вместо свергнутого Временного правительства была образована Советская власть, представляющая интересы трудящихся. Мы, китайские рабочие, вместе со всем советским народом увидели солнце.

2

Как-то рано утром в апреле 1918 года в барак, где проживали китайские рабочие, пришли три гостя. Это были Болдырев, Курманшев и Чубарович. Они пояснили, что являются представителями Красной Армии и пришли к нам ознакомиться с обстановкой.

Рабочие встретили гостей как самых близких и дорогих людей.

Болдырев, сердечно улыбаясь, сказал:

— Китайские друзья! Вы здесь терпели всяческие муки и лишения. Мы также терпели их. Наша Коммунистическая партия и Советская власть представляют интересы бедных и страдающих простых людей. Сейчас мы сами должны стать хозяевами и строить счастливое и прекрасное социалистическое общество. Однако империалисты и царские реакционные офицеры, помещики, кулаки и капиталисты не хотят мириться с тем, что мы взяли власть в свои руки. Они вошли в сговор, организовали реакционную армию и пытаются задушить нашу Советскую власть и возродить капиталистическую систему. Товарищи! Империалисты и белогвардейцы — наши общие враги. Счастливая жизнь придет к нам только тогда, когда мы уничтожим белогвардейцев и прогоним иностранных интервентов. Все бедняки под небом — одна семья. Независимо от того, китайцы мы или русские, перед нами сейчас только один путь — идти в Красную Армию и уничтожать общих врагов. Как вы смотрите на это?

Когда он закончил свою речь, раздались горячие аплодисменты.

Наш староста Лю Гун-лян, сильно волнуясь, встал и сказал:

— Товарищи! Товарищ Болдырев говорит совершенно правильно: мы, китайцы и русские, — одна семья. Только уничтожив белогвардейцев и иностранных интервентов, мы сможем иметь работу, сможем жить счастливой жизнью. Пойдемте в Красную Армию!

— В Красную Армию!

— Желающие немедленно записывайтесь!

Барак сразу же забурлил. Прошло немного времени, и все 307 китайских рабочих записались в ряды Красной Армии. Болдырев был очень доволен. Он выступил вновь и сказал, что отныне мы — бойцы китайского батальона 461-го полка, командиром батальона является он, Болдырев, а заместителем назначается Лю Гун-лян.

Нашей радости не было предела.

3

Однажды вечером в середине мая 1919 года китайский батальон переместился в Чудово, чтобы охранять станцию и задержать вражеские части, наступавшие с запада. На следующий день утром Болдырев получил сведения о том, что 2-й и 3-й батальоны 23-го полка белогвардейцев, разделившись на две группы, наступают из района Луги в направлении Чудово. Он вызвал меня и приказал нашему отделению произвести разведку.

Пройдя от станции три километра на юго-запад, мы обнаружили противника, двигавшегося в нашем направлении. Насчитав у него более двухсот штыков, разведчики вернулись и доложили об этом. Выслушав нас, командир батальона приказал 1-й и 2-й ротам залечь в оврагах по обеим сторонам дороги, чтобы нанести врагу встречный удар, а 3-й роте охранять станцию и ждать дальнейших распоряжений.

Вскоре вражеский авангард прошел место засады и вышел на железную дорогу, а основные силы противника втянулись в узкий овраг. Раздался сигнальный выстрел командира батальона. С криком «бей» мы открыли по белым ураганный огонь из пулеметов и винтовок, а также забросали их ручными гранатами. В результате короткого боя белогвардейцы потеряли более ста человек убитыми и ранеными. Не имея возможности удержаться, противник сосредоточил огонь в юго-западном направлении. Наш пулемётчик погиб, и бе-

лые, прорвавшись через эту брешь, в панике бежали на юг.

Вскоре на позиции Красной Армии начали наступление крупные силы белых, подошедшие с северо-западного направления. В самый разгар боя вернулись те вражеские подразделения, что бежали от нас в южном направлении. Мы оказались в окружении.

Несколько часов длился упорный бой. Мы отбили семь атак. К вечеру противник был вынужден отойти на исходные позиции.

Около десяти часов вечера я с двенадцатью товарищами вновь отправился на разведку. Мы обнаружили место расположения штаба противника, охраняемого двумя часовыми. Издали было видно, как мерцают огоньки в помещениях. Я подумал: «Вот удобный случай захватить часовых. От них наверняка узнаешь, в каком помещении находится командир вражеского батальона».

Разделив разведчиков на две группы, я приказал им продвигаться ползком по траве, а сам с шестью бойцами подполз к вражескому часовому примерно на пять метров. Выждав удобный момент, когда часовой повернулся в другую сторону, мы бросились на него. Часовой был разоружен без крика и шума. Отведя его в сторону, я тихо спросил:

— Где находится командир батальона?

Часовой ответил:

— Вот в том помещении, в третьей комнате справа.

В этот момент привели и второго солдата. Короткий допрос показал, что часовые дают одинаковые показания. Мы приступили к дальнейшим действиям.

Взяв с собой четырех разведчиков и обоих пленных, я смело направился в помещение, где находился командир белогвардейского батальона. Войдя в комнату, мы увидели, что этот белобандит спит. Забрав револьвер вражеского командира, мы заткнули ему рот тряпкой и связали руки за спиной. Направив на него винтовку, я сказал:

— Если хочешь остаться живым, немедленно отдай приказ, чтобы весь батальон сложил оружие и сдался!

Испугавшись, он закивал головой.

Мы вывели белобандита на улицу. Он вызвал дежурного командира роты и приказал собрать оружие и боеприпасы всего батальона. Смертельно бледный коман-

дир роты от страха начал заикаться. Он не знал, сколько красноармейцев окружило дом, и ему оставалось только подчиниться. Вскоре все оружие 1-й и 2-й рот было собрано. Когда мы пришли в расположение 3-й роты, подоспел наш взвод разведчиков, который вместе с нами занялся пленными и трофеями. В этой операции мы захватили 5 орудий малого калибра, 149 винтовок и револьверов и много боеприпасов.

В час ночи подошли остальные два батальона 461-го полка. Тут обнаружилось, что белобандиты, находившиеся в западной части деревни, воспользовались моментом и бежали. Командир полка приказал догнать их. К утру следующего дня враг был полностью уничтожен.

После боя командир полка объявил благодарность китайскому батальону и отметил наше отделение как образцовое. Я был назначен помощником командира взвода.

4

Уничтожив в районе Чудово вражеские подразделения Юденича, наш 461-й полк пополнился и отдохнул, а затем его перебросили в Донбасс, где он принял участие в уничтожении частей Деникина. В период с мая по 26 октября 1919 года китайский батальон выполнил 17 боевых заданий. Во время боев все наши товарищи проявляли твердость духа, храбрость и упорство в борьбе с трудностями. Батальон стал организованным и дисциплинированным подразделением и пользовался глубокой любовью и уважением советских людей.

27 октября китайский батальон разместился в селе Ильево. Крестьяне радостно приветствовали нас и принесли нам оставленные для себя пшеницу, картофель, капусту. Они говорили нам:

— Товарищи! Вы преодолели много трудностей. Вы проливаете кровь и жертвуете собой за счастье советского народа, беспощадно бьете врагов и защищаете Советскую власть, помогаете нам! В эти трудные дни вы переносите страдания и голод вместе с советским народом. Народы наших стран — одна семья!

Мы, растроганные такими словами, отвечали крестьянам:

— Товарищи! Нечего и говорить — все мы вышли из бедняков! Мы тоже понимаем, что, только разгромив бе-

логвардейцев и иностранных интервентов, сможем, как говорят, разогнуть спину.

29 октября во второй половине дня из соседней деревни пришла старая женщина. Вот что она рассказала нам:

— Сегодня до обеда откуда-то явилась группа белобандитов — кто верхом, кто пешком. Они остановились в нашей деревне. Эта банда сразу же начала грабить зерно, хватать людей. Живший прежде в нашей деревне помещик пришел ко мне с каким-то военным, они принесли с собой две бутылки водки и потребовали, чтобы две мои дочки приняли участие в выпивке. Я пыталась увести дочерей, но эти негодяи вытолкали меня за дверь...

Командир батальона Болдырев приказал мне отправиться с бойцами в соседнюю деревню выяснить положение, а 1-й и 2-й ротам следовать за нами в готовности к уничтожению белобандитов.

В сумерки мы подошли к деревне. Около избы старухи никого не было, но изнутри доносился глухой плач. Мы сразу же окружили избу.

Я с семью бойцами быстро вошел в избу и увидел, что эти два подлеца собираются изнасиловать дочерей старой крестьянки. Я крикнул:

— Ни с места!

Бандиты бросили девушек и пытались схватить со стола револьверы, но один из разведчиков опередил их. Мы связали обоих. В результате короткого допроса и беглого просмотра документов, находящихся в портфеле, который мы захватили у пленных, выяснилось, что схваченный нами — помещик, командир полка в армии Деникина.

Тут подошли 1-я и 2-я роты. Мы двинулись вперед, чтобы уничтожить остатки белобандитов. Была уже глубокая ночь, когда мы подошли к месту расположения врага. Мы заставили командира полка собрать свою банду и приказать ей сложить оружие...

5

В 1920 году наш 461-й полк, кавалерийский полк и некоторые другие части с Южного фронта были переброшены на польский фронт. Помню один из трудных боев. Это было в начале августа. Наши основные под-

крепления вовремя не подошли, не хватало провианта и боеприпасов. Длительные переходы и бои вконец измотали бойцов.

В первых числах сентября наш полк отступил в пункт, расположенный на советско-польской границе. Здесь протекает широкая река с быстрым течением и крутыми берегами, место — труднопроходимое. Этот участок границы между Советской республикой и буржуазно-помещичьей Польшей представляет собой важный стратегический пункт. 461-й полк получил приказ охранять мост, другие наши части заняли оборону по левому берегу реки.

Завывал ветер, волновалась река. В сердцах бойцов горел неугасимый огонь отваги: 461-й полк решил стоять насмерть на позиции у моста, но не пропустить врага.

Во время боев у моста полк понес немалые потери. Только в китайском батальоне погибло свыше 120 человек, а во всем полку осталось немногим больше 400 бойцов.

Враг шел на любые жертвы, чтобы захватить мост. Перед каждой атакой его артиллерия обстреливала наши позиции, затем несколькими лавинами шла конница, а потом в бой бросалась пехота. За сутки противник атаковал до двадцати раз. На третий день вечером земля перед мостом была устлана трупами вражеских солдат, и противник, предпринимая очередную атаку, решил использовать их в качестве прикрытия для наступления. В это время в нашем полку ощущался острый недостаток боеприпасов. Большинство бойцов три дня не имели горячей пищи. И вот враг начал восемнадцатую за этот день атаку!

Конница противника прорвалась через мост. Мы встретили ее пулеметным огнем. Враг отступил, тогда пошла пехота. Это был самый напряженный момент, так как у нас всего оставалось лишь немногим больше 200 патронов. Мы вступили в рукопашный бой...

После этого боя наш штаб принял решение: взорвать мост, чтобы укрепить свои позиции. Выполнение этого задания было поручено китайскому батальону.

Глубокой ночью 18 китайских бойцов, взвалив на плечи пачки взрывчатки, поползли по мосту в сторону противника, но вскоре были обнаружены. Шесть товарищей были убиты, некоторые тяжело ранены.

Нас охватило большое волнение: если мост не будет взорван до следующей, девятнадцатой, атаки противника, то как отразить ее? Болдырев отдал приказ усилить огонь, чтобы отвлечь внимание противника от моста. Тем временем китайские бойцы продолжали движение вперед.

Когда они приблизились к краю моста, враг вновь перенес огонь на них. Но взрывчатка уже была заложена. Преодолевая боль от полученных ран, двенадцать героев отползли метров на двадцать и запалили шнур.

Раздался взрыв — мост взлетел на воздух.

Китайские бойцы выполнили задание: они преградили дорогу врагу.

Литературная запись Синь Ю

Го Юй-чэн

На Дальнем Востоке

В Никольск-Уссурийском

Наша семья всегда жила в бедности, и уже лет с восьми — девяти мне пришлось работать на шахте. Шахта эта находилась в Ляояне и принадлежала одному японцу. Не вынеся притеснений хозяина, я вместе с несколькими земляками отправился на советскую сторону, в Никольск-Уссурийский. Помнится, это было в 1919 году, когда мне едва исполнилось десять лет.

Прибыли мы туда как раз в то время, когда империалисты вели вооруженную интервенцию против Советской республики. Как только наш поезд остановился, я перепугался: на станции вдоль составов — видимо-невидимо всяких войск; тут и английские интервенты со своими флагами, на которых изображен крест; и американцы со звездным флагом; и японцы с маленькими бородками, а на флагах у них — солнце; много было и пленных чехов, и русских белогвардейцев. Все они с винтовками, на которых поблескивали штыки, стояли у входов и выходов станции, проверяли, нет ли у пассажиров, то есть у нас, оружия, боеприпасов или листовок. Обнаружат что-нибудь хоть чуть-чуть подозрительное, сразу приговор — «красный», и, ни о чем больше не спрашивая, — к стенке.

Эта «проверка» была сплошным издевательством. Все узелки, что у нас с собой были, они развязали, одежду и белье кидали прямо под ноги, сундучки наши чуть ли не наизнанку выворачивали. Но самым унизительным был, конечно, личный обыск. Я уж не говорю, что японцы шарили в карманах, во всех складках одежды — это еще куда ни шло, но они раздевали людей, дескать, оружие и листовки ищут. Одна молодая русская женщина отказалась раздеваться, так они ее в кровь избили и все-таки утащили обыскивать.

В то время Никольск-Уссурийский состоял из двух частей — большого города и малого города. На пути от станции к городу — мост, который круглосуточно охранялся японцами. Так этот мост для нас был, как говорится, «мостом на гнилых сваях», и ходить мы по нему решались, только если другого выхода не было. А японцы, что мост охраняли, всех прохожих обыскивали. Над стариками и старухами издевались, ребятишек обижали, молодым женщинам вообще проходу не давали, парням кричали «бакаяру» (сволочь). А если кто из молодежи покажется им подозрительным или, не вытерпев, ответит парой фраз, — тут же стреляли в него, а труп бросали с моста в речку. Так и унесет его водой. Большой должок оставили интервенты на этом мосту.

Разгул интервентов во Владивостоке

В Никольск-Уссурийском я провел несколько месяцев, стараясь быть незаметным. Потом там стало слишком опасно, и я отправился во Владивосток. Было это летом 1919 года.

Если бы знать, что и во Владивостоке такое же творится! День и ночь лилась кровь русских и китайцев. Владивосток — город большой, интервентов собралось там больше, чем где-либо, поэтому и пролилось крови наших братьев не меньше, чем воды в Уссури.

Я, как только приехал во Владивосток, сразу понял (хоть и маленький был), что здесь тоже террор господствует. Пристани, основные магистрали, мосты, вокзал, арсенал, большие здания — все заняли интервенты. Повсюду шагали вооруженные патрули, везде висели флаги иностранных держав; там и сям орудовали какие-то шайки, то и дело слышалась пальба.

Все время на Владивосток совершали налеты партизанские отряды, в которых были русские и китайцы. В отместку интервенты расправлялись с рабочими-китайцами. Наибольшей жестокостью отличались японцы. Они разъезжали по городу на грузовиках. Стоит, бывало, в грузовике с десяток широкоскулых япошек, одетых во все белое, с марлевыми повязками на рту, с большими железными крючьями в руках, увидят китайца-рабочего в рваной или грязной одежде, хватают его крючьями, втаскивают в кузов и заявляют, что, поскольку он заразный, его сейчас увезут и закопают живым. И верно — так целыми грузовиками и увозили за город, а там действительно закапывали. А некоторых обливали нефтью и сжигали. Однажды я сам видел такой грузовик, в кузове которого китайцы-рабочие лежали друг на друге, словно поленья. Грузовик проехал, из него неслись душераздирающие крики, а на дорогу капала кровь.

На какое-то время Владивосток словно замер, никто не решался выходить на улицу без крайней надобности. Тогда эти дьяволы пустились на другое. Видя, что ловить китайцев на улицах больше не удается, они каждое утро, как только занимался рассвет, приезжали на грузовиках прямо к общежитию китайских рабочих. Взламывали двери, пускали в ход крючья и снова тащили китайцев к грузовикам.

Во Владивостоке интервенты расправлялись не только с китайцами. Они убили много и корейских рабочих. Расправы с корейцами тоже были жестокими.

Корейцы жили главным образом в пригороде Владивостока. Японцы приезжали на грузовиках, окружали дома корейцев, хватали людей, связывали их одной проволокой, продевая ее в ключицу прямо сквозь живое тело, и расстреливали из пулеметов.

Чтобы защитить молодую Советскую республику, свои семьи и себя, многие китайские и корейские рабочие уходили в партизанские отряды или же боролись самостоятельно.

Мне в то время было лет одиннадцать — двенадцать, и в партизаны я, конечно, не годился. По ночам я часто просыпался от выстрелов, днем то здесь, то там видел толпы взволнованных людей и не совсем понимал, что все это означало. Прислушиваюсь — оказывается, снова дали знать о своем существовании наши русско-китайские пар-

тизанские отряды. Ох, и радовались же люди от таких известий! На вокзале чехословаки сдались нашим партизанам. Наши убили японских часовых на пристани. А английские и американские вояки — те просто на колени упали и пощады запросили, когда наши партизаны окружили их.

Оборона Третьей Речки

Во Владивостоке я работал учеником в обувной лавке. Прожил я там год, и все эти триста шестьдесят пять дней дрожал от страха за свою жизнь, знал, что железные крюки японских дьяволов могут вцепиться и в меня. Потом, когда русско-китайские партизанские отряды стали все чаще тревожить интервентов в нашем городе, а у тех в свою очередь возросла жестокость по отношению к китайским рабочим, жить во Владивостоке стало просто невозможно, и я вслед за своим хозяином перебрался на Третью Речку. Это было весной 1921 года, когда мне было двенадцать лет.

На Третьей Речке японцев оставалось еще немало. Английские и американские интервенты, а также чехословацкий корпус к тому времени уже ушли с Дальнего Востока. Неподалеку от Третьей Речки начинался большой лес, откуда партизаны совершали налеты. Японцы, уже достаточно к этому времени наученные, все время отсиживались в гарнизоне на Третьей Речке, не рискуя бесчинствовать так открыто, как в Никольск-Уссурийском и Владивостоке.

В доме своего хозяина на Третьей Речке я прожил недолго и ушел к китайским рабочим. И только через несколько дней я обнаружил, что живу-то, оказывается, чуть ли не в самой штаб-квартире партизан. Дело в том, что на Третьей Речке существовал союз китайских торговцев, а у них было и вооружение, и боеприпасы. Японцы боялись только партизан и китайцев-рабочих, а в дела торговцев не вмешивались, считая, что те «сильно хорошие люди». Партизаны узнали об этом и однажды вечером окружили помещение союза, предварительно нарушив связь. Командир партизанского отряда заявил старшине союза, что отныне союз должен помогать партизанам. Китайские торговцы и сами-то давно уже ненавидели японцев, а тут, видя, что среди партизан тоже есть китайцы, не раздумывая, согласились. Охрана

союза в основном состояла из бывших кули или бедняков, которые всегда симпатизировали партизанам, и поэтому долго убеждать их не пришлось — они сразу же подчинились распоряжениям партизан. Впоследствии многие из них ушли к партизанам.

Как только партизаны обосновались в помещении союза, большой дом рядом, а также улица перед зданием союза оказались под их контролем. Днем и ночью стояли партизанские посты, и, как только приближались японцы, в здании союза немедленно узнавали об этом. Если японцы собирались что-либо предпринять и приходили в здание союза позвонить по телефону, партизаны, разумеется, перехватывали их разговор. Не раз заместитель командира партизанского отряда под видом японца присутствовал даже на их совещаниях. Японцы и шагу не могли ступить без того, чтобы партизаны об этом немедленно не узнали.

В целях безопасности наших советских товарищей-партизан мы поместили их в самой потайной комнатке союза. Там они всегда проводили совещания с командиром отряда, намечали планы действий, руководили борьбой против японцев на Третьей Речке. Давали поручения и мне. Я часто передавал распоряжения командира отряда партизанским связным в лесу. Проходя мимо японских часовых, кланялся им как можно ниже, а сам думал: «Не пыжтесь особенно! Скоро улепетывать придется!»

В то время силы у партизан были еще небольшие, поэтому на Третьей Речке партизаны занимались лишь сбором информации о положении японцев, копили силы и руководили налетами других партизанских отрядов, действовавших в тайге, на японские гарнизоны, а сами в открытые схватки не вступали. Зато когда осенью 1922 года части Красной Армии начали штурм Третьей Речки, тут уж и наш отряд показал себя как следует. Вместе с регулярными частями Красной Армии мы вышибли японцев с Дальнего Востока.

Комсомольцы из Лесозаводска

В 1927 году я приехал в Лесозаводск. Этот не очень большой городок расположен недалеко от реки Уссури. Там работало много китайцев: лесорубы, кузнецы, офи-

цианты, портные, сапожники. В Лесозаводске я вступил в комсомол.

Это было время, когда партия большевиков начала борьбу за социалистическую индустриализацию страны, повсюду строились заводы и везде требовались технические кадры. Как нуждалась тогда Советская страна в специалистах! Только где же сразу найдешь столько? Разве можно было построить в Сибири заводы, восстановить во всей стране разрушенную промышленность и создать новые индустриальные центры без огромной армии строителей? Надо было растить свою интеллигенцию из рядов рабочего класса. И комсомольцы нашего городка под руководством большевиков горячо взялись за учебу.

Чтобы помочь им овладеть специальностями, горком комсомола создал краткосрочные курсы, куда набирались молодые рабочие, не сумевшие окончить школу или оставшиеся без работы. На курсах можно было встретить рабочих разных специальностей: портных, грузчиков, матросов, лесорубов, торговых работников, в основном это были парни лет восемнадцати. Только из нашего района пришли учиться более полутора тысяч человек, а уж со всего города и не знаю сколько!

На курсах были промышленные, технические, политические группы, группы культуры и искусства и многие другие. В каждой группе был специальный читчик, который читал газеты, после чего начиналось обсуждение. Кроме того, раз в неделю для нас устраивались доклады о современном положении, лекции по вопросам ленинизма, доклады о строительстве в СССР. Лекторами и докладчиками были руководители городских учреждений. А в воскресенье все делали вместе: пели, плясали, участвовали в субботниках, гуляли за городом. Словом, весело было. Дружно жили!

Но самое оживленное время наступало по вечерам, на занятиях. Поскольку наши курсы были вечерними, то, понятно, и занятия проводились по вечерам. Как только начинало темнеть, улицы и переулки заполнялись молодежью: с книжками под мышкой китайцы и русские — все вместе спешат на занятия. Народу было очень много, и поэтому аудитории для нас найти было трудно; приходилось использовать кабинеты горкома партии и разных учреждений. Каждый вечер мебель в этих

кабинетах сдвигалась в один угол, на стену вешалась доска — кабинеты превращались в аудитории. Мест для всех не хватало, поэтому уже с первым звонком у дверей начиналась давка. Попробуй опоздать хоть на полминуты — придется сидеть у самых дверей!

И вот люди, которые в старом обществе были лишены возможности учиться, которые испытывали только гнет и нужду, теперь стали разбираться в событиях государственной важности, их кругозор расширился, они научились управлять машинами и станками, стали слесарями, токарями, сварщиками, из темных и неграмотных превратились в культурных рабочих, из лачуг пошли на заводы, вырвались из-под гнета капиталистов и стали строителями-энтузиастами своей молодой Родины!

Студенческая дружба

В 1929 году меня направили на учебу в Дальневосточный политехнический институт. Я занимался на Восточном факультете.

Директором института был русский, а из двух его заместителей один был китайцем, другой — корейцем. Нам преподавали математику, физику, химию, обществоведение, русский язык, а также специальные технические дисциплины. Лекции по физике, химии, промышленной технике читали русские товарищи. Ввиду того что в наших группах было много китайцев, которые плохо понимали по-русски, при каждом русском преподавателе был переводчик. Политзанятия, математику и русский язык вели китайцы. Нашим преподавателем на политзанятиях был товарищ Линь Бо-цзюй [1], а русским языком с нами занимался товарищ У Юй-чжан [2].

Учился я в институте как раз в то время, когда в Советском Союзе особенно остро стоял вопрос о продовольствии: в том году западные районы России и Белоруссия пострадали от засухи, а в Сибири и в житнице Советского Союза — на Украине был недород. Положение было тяжелым. В день на человека полагалось полфунта черного хлеба. Черный хлеб ели и наши

---

[1] Линь Бо-цзюй — ныне член Политбюро ЦК КПК.— *Прим. ред.*

[2] У Юй-чжан — ныне член ЦК КПК, председатель Комитета по реформе китайской письменности.— *Прим. ред.*

советские товарищи по институту. Администрация института проявила по отношению к нам, китайским студентам, особую заботу: она добилась, чтобы нам давали пшеничную муку, из которой мы могли бы печь себе пампушки.

Кроме того, советские товарищи каждый месяц выдавали нам свинину, зная, что мы очень любим ее. Но мы подумали: «А ведь так мы оторвемся от масс!» — и послали к администрации делегацию для переговоров, чтобы нам разрешили питаться вместе с советскими товарищами. После неоднократных требований с нашей стороны администрация, наконец, согласилась выдавать нам черный хлеб. Но все же паек у нас остался побольше.

Жили мы в одном из лучших зданий Владивостока, светлом и чистом. Сначала администрация института, учитывая наши обычаи, поселила всех китайских студентов вместе. Но потом мы поняли, что при таком размещении мы русский язык как следует не выучим, а это значит — труднее будет достичь взаимопонимания. После того как мы обсудили этот вопрос с администрацией, она согласилась расселить нас вместе с советскими товарищами — в каждой комнате поровну. Советские товарищи помогали нам в изучении русского языка, а мы помогали им понять положение в Китае. Через полтора года мы уже обходились на лекциях без помощи переводчика. Много друзей среди русских приобрели мы за время учебы!

Во многом помогли нам товарищи Линь Бо-цзюй и У Юй-чжан. Хотя мы и были вдали от родины, все же могли систематически изучать вопросы китайской революции, новейшую историю Китая, вопросы крестьянского движения. Мы лучше понимали историю нашей родины и ее будущее. Товарищ У Юй-чжан рассказывал нам о проблемах реформы китайской письменности, говорил, почему нужно заменить иероглифическую письменность, рассказывал о латинизации письма. Иногда советские товарищи читали нам доклады по вопросам ленинизма, о партийном строительстве, о диктатуре пролетариата. Это нам очень помогало в работе.

Весьма насыщенным было наше время и после занятий. По вечерам у нас было кино, иногда мы вместе — русские, китайцы и корейцы — ставили пьесы. Правда,

бывало, что русские и корейские товарищи кое-что в них не понимали, так как мы в своих постановках использовали что кто знал: и отрывки из классических пьес, и хэнаньские песни, и шаньдунские скороговорки. Один из советских товарищей даже как-то спросил меня: «Почему это они говорят так быстро? Неужели нельзя помедленнее?»

Самым интересным из нашей внеучебной деятельности было, пожалуй, участие в субботниках. Мы ходили на станцию разгружать вагоны с прибывшей из Сибири картошкой, которая от жестоких холодов смерзалась в огромные глыбы. Мороженую картошку нам, китайцам, не давали. Администрация института заключала контракты с местными крестьянами, и те сохраняли для нас хорошие овощи. Иногда мы ходили и на пристань помогать в разгрузке барж. Узнав, что мы китайские студенты, советские товарищи с барж старались выбирать нам для переноски грузы полегче, а тяжелые не давали. Если же нам очень уж не терпелось нести что-нибудь потяжелее, то они грузили эту вещь не иначе как на несколько человек, а иногда и сами тащили вместе с нами. После разгрузки нас угощали конфетами, совали нам в карман лепешки. На прощанье горячо жали руки и говорили по-китайски: «Сесе!» [1], а мы им по-русски: «До свидания!»

В 1932 году многие из моих товарищей после окончания института вернулись на родину, а я остался в Советском Союзе и принимал участие в ликвидации кулачества, в конфискации имущества капиталистов, служил в органах государственной безопасности.

Вернулся я в Китай в 1953 году.

Литературная запись Хуан И

---

[1] Сесе — по-китайски «спасибо».

Ван Хун-юань

Из тьмы к свету

Сам я из уезда Вэньдэн провинции Шаньдун. В нашей бедной крестьянской семье, кроме меня, было еще шесть человек детей. Я был самым младшим. Из нашего уезда многие тогда отправлялись во Владивосток торговать или на работу и домой приезжали раз в несколько лет. Иные, хорошо одетые, производили на односельчан сильное впечатление. Поэтому те, кому дома было уже невмоготу, стремились туда в надежде найти заработок. Семнадцати лет (это было в 1907 году) я вместе с одним из старших братьев тоже отправился во Владивосток. Вскоре брат вернулся в Китай, а я остался на чужбине.

Во Владивостоке с помощью одного знакомого мне удалось устроиться слугой в семью русского адмирала, потом я был поваром у одного торговца-поляка. Году, кажется в 1910-м, приехал в Хабаровск, где работал приемщиком белья в прачечной. Через два года вернулся во Владивосток — служил коридорным в гостинице. Так и мотался с места на место; голодать, правда, не голодал, но мытарств претерпел достаточно.

В России в те времена китайцы не имели никаких прав. Их презирали и жестоко эксплуатировали. В поездах китаец не мог сесть вместе с русскими, в каждом составе был специальный вагон для китайцев, причем третьего класса, а билет стоил столько же, сколько в вагоны первого класса, где ездила только аристократия

да капиталисты. Случалось, что вагон для китайцев был битком набит, а вагоны для русских — полупустые. Еще пример. В гостинице, где я работал, часто останавливался какой-то русский генерал, и мне приходилось ему прислуживать. Трудно было угодить тому генералу. Попросил я управляющего, чтобы он перевел меня на другой этаж, а генералу сказал, что я домой уехал. А через несколько дней я с генералом в гардеробе столкнулся. Позвал он меня к себе в номер да как кулаком по лицу стукнет. Я чуть выбитый зуб не проглотил.

В 1916 году во Владивостоке начался набор рабочих на железнодорожное строительство. Я решил завербоваться: не мог больше терпеть издевательства, прислуживая другим. Нашу партию направили в Новгородскую губернию. Работы было достаточно, но обращались с нами по-прежнему плохо. При подписании контракта обещали давать муку второго сорта, а кормили отбросами. Деньги постоянно задерживали, выплачивали неполностью. Рабочие то и дело бастовали, однажды чуть было не разнесли контору, а к концу года стали разбегаться. Вижу я — оставаться не имеет смысла, сговорился с несколькими товарищами, и подались мы в Петроград.

Еще во Владивостоке, в гостинице, пришлось мне как-то прислуживать одному русскому инженеру. Работал я споро; инженеру это нравилось, и он частенько говорил, что возьмет меня с собой — показать, какой замечательный город Петроград. Вот и предложил я податься в Петроград.

Добрались мы до Петрограда и решили остановиться в гостинице. В четырех были — везде отказ получили. А потом один полицейский сказал нам, что все гостиницы в районе Николаевского вокзала — это отели для аристократов, а не для такой голытьбы, как мы. С помощью этого полицейского я кое-как устроился в ночлежке в рабочем районе. Платил гривенник в день.

Найти работу оказалось нетрудно, да только не по силам. На одном заводе, например, десятник велел нам перевозить тачки с пиломатериалами по узким подмосткам над прудом. Впереди тебя люди идут — подмостки качаются. Если новичок, за другими не успеваешь, а сзади подгоняют. Подчас рабочий вместе с тачкой в пруд падал, а глубина метров пять — шесть. Еще работа

подвернулась — целый день по грудь в воде стоять нужно. Мы больше двух дней не выдержали, пришлось другую подыскивать.

Наконец мы нашли более или менее подходящее место — на деревообделочном заводике, принадлежавшем какому-то немцу. Двери и рамы делали. Я в России прожил уже без малого десять лет, по-русски немного говорил, и управляющий назначил меня вроде как бы связным между китайцами и администрацией и заодно поручил подбирать на завод китайских рабочих.

Мировая война была в самом разгаре, в городе становилось неспокойно. Как-то в феврале 1917 года часов так около восьми вечера на улицах вдруг началась стрельба. Она не прекращалась всю ночь, иногда слышалась и артиллерийская канонада. Окончательно все стихло только на следующее утро. Вышел я из дому и вижу: всюду трупы. Потом узнал, что царя свергли — образовалось Временное правительство. Однако мы, китайцы, не придали этому особого значения, ибо на нашем заводе все шло по-прежнему.

Конец войне не наступал, жизнь ухудшалась. Наконец наступил октябрь, а с ним — революция.

Неподалеку от нашего завода находился военный склад. Рабочие города разгромили его и вооружились. Достали винтовки и многие с нашего завода. На этот раз стрельба прекратилась быстро. Временное правительство пало.

Вскоре после революционного восстания мне посчастливилось услышать выступление Ленина. Митинг состоялся прямо на улице, народу было — яблоку упасть негде. Жаль — сейчас я уже не помню точно, что говорил тогда товарищ Ленин, но никогда не забуду, как его выступление воодушевило народ.

В следующем, 1918, году положение в стране было особенно тяжелым, экономическая блокада и контрреволюционные мятежи нанесли неисчислимый урон молодой Советской республике. Не было сырья, и наш завод, как и многие другие, прекратил работу. Но особенно остро ощущалась нехватка продовольствия. В то время рабочие, занятые физическим трудом, получали в день четверть фунта хлеба, а служащие — всего восьмушку. Небольшой кусочек хлеба, умещающийся на ладони, не давал умереть от истощения, но и не избавлял от посто-

янного чувства голода. Положение китайцев было немного лучше: существовавший тогда профсоюз китайских рабочих заботился о нас — рабочий и каждый член его семьи дополнительно получали в день еще четверть фунта хлеба. Этого, конечно, тоже было мало.

Многие китайцы-рабочие, в том числе и мои знакомые, вступали тогда в Красную Армию. Они говорили, что ей нужны люди. Я в то время слабо разбирался в происходящих событиях, но видел, как к нам изменилось отношение. Китайцы стали пользоваться уважением, они получили возможность трудиться по восемь часов в день. И я в феврале 1918 года решил вступить в Красную Армию.

Пункт вербовки добровольцев находился на Николаевском вокзале. Там я записался в Красную Армию и попал во вновь сформированный 33-й отряд железнодорожной охраны, который оставили при Николаевском вокзале.

Сначала в отряде я был единственным китайцем, потом ко мне присоединились еще двое. Жили и занимались мы вместе с нашими советскими братьями и чувствовали себя членами большой дружной семьи. Вспоминая, каким унижениям подвергали меня до революции, я начал осознавать, что новое, советское общество — это великая семья всех наций.

Приблизительно после шестимесячной подготовки наш отряд получил приказ отправиться в Форносово, что недалеко от линии фронта, с задачей нести гарнизонную службу во втором эшелоне. Это было время самых горячих боев за Петроград: белогвардейцы не прекращали своих попыток овладеть городом. Через линию охранения все время проходили части Красной Армии, направляющиеся на фронт. Иногда поблизости от нас на отдых или переформирование располагались части, отведенные с фронта, и красноармейцы рассказывали о положении на фронте.

Однажды неподалеку от нас расположился на отдых китайский отряд, и я встретился со своим племянником Ван Шэн-фу, который был бойцом этого отряда. Ван Шэн-фу сказал, что в их батальоне было 800 человек, а после ожесточенного боя под Пермью осталось немногим более 200. Он рассказывал, какую лютую ненависть питают враги к красноармейцам-китайцам за их отвагу и упорство в боях, как жестоко расправляются они с пленными: отрезают носы, выкалывают глаза, подвеши-

вают вниз головой. Поэтому китайские бойцы предпочитали смерть плену; расстреляв патроны, они портили оружие и вступали в рукопашную схватку.

Потом наш отряд перебросили на станцию Чудово; там находился на отдыхе китайский отряд, участвовавший в боях за освобождение Минска и захвативший при этом вражеский артдивизион. Мы должны были охранять пленных.

К концу лета 1919 года врага отбросили от Петрограда на расстояние свыше двухсот километров, и угроза городу миновала.

В ноябре 1919 года меня из 33-го отряда железнодорожной охраны перевели в Екатеринбург в китайский отряд под командованием Чжан Чжэнь-хуа, с которым мы когда-то вместе работали на деревообделочном заводе. Чжан Чжэнь-хуа не знал русского языка и, услышав, что я служу на Западном фронте, добился моего назначения к себе в отряд в качестве переводчика.

В отряде Чжан Чжэнь-хуа я задержался недолго и в марте 1920 года был переведен в Омск в батальон под командованием Гао Хай-фына (заместителем командира батальона был Ван Цзо-бинь). Батальон этот только что сформировался, бойцы еще не прошли необходимой подготовки и не имели никакого боевого опыта. В июне этого же года меня в служебном порядке перевели в город Читу на работу в ЧК.

Положение в Чите было тревожное: город кишел спекулянтами, аферистами и другим сбродом; с ними мы повели решительную борьбу. Целыми днями бродил я среди мелких торговцев, выслеживая преступников.

В ноябре 1921 года, уволившись из органов ЧК, я приехал в Москву. Работал в артели треста прачечных. За хорошую работу и перевыполнение задания я не раз получал благодарности.

С тех пор как я уехал из Китая, прошло много лет. Родители мои и несколько братьев умерли, в живых остался только один брат. Мы скучали друг о друге, и я решил вернуться на родину. В мае 1937 года я покинул Москву и через Владивосток и Шанхай приехал в родную провинцию.

Литературная запись Вэн Хэн-шэна

У Лю-цяо

Преследуя белогвардейцев

В 1919 году восемнадцатилетним юношей я приехал в Россию и стал работать на фабрике военного обмундирования, созданной местным партизанским отрядом в городе Бабушкине.

Это было время, когда весь пограничный район Советского Дальнего Востока пылал в огне империалистической интервенции и белогвардейских мятежей. Положение было исключительно тяжелым. Сотни зданий стояли разрушенными, железные дороги и шоссе не действовали, улицы и переулки в городах завалены грудами битого кирпича и черепицы. Молодежь ушла на фронт, дома остались только старики да дети. Продовольствия не хватало, народ голодал. Китайские рабочие получали в день четверть фунта черного хлеба и немного мяса. Надо сказать, что в то трудное время о нас очень заботились.

Языка мы не знали, переводчики помогли нам разобраться в революции, объяснили, что угнетенный люд и все трудящиеся должны разгромить банды буржуев и белобандитов для своего же освобождения. Как рабочий я решил отдать свои силы делу рабочего класса.

На фабрике висел плакат: «Все для фронта!». Эти слова стали нашим лозунгом. Несмотря на постоянное недоедание, у всех рабочих было бодрое настроение и по-

стоянное стремление трудиться не покладая рук. Сначала я не делал в день и одного полушубка, потом стало получаться два, а то и два с половиной. А брюк или гимнастерок шил ежедневно двадцать штук. Мы знали — нужно всемерно помогать Красной Армии биться с врагом.

Еще в 1918 году японцы помогли белогвардейским помещичье-кулацким бандам вторгнуться в Монголию. К 1921 году положение в Монголии очень осложнилось. Белогвардейские отряды и банды барона Унгерна хотели использовать страну как плацдарм для нападения на Советский Союз. Они рассчитывали выслужиться перед своими хозяевами — японскими империалистами. А молодая монгольская Революционная армия была слишком малочисленна, чтобы самостоятельно изгнать империалистов и белогвардейцев.

Белогвардейские банды вместе с отрядами монгольских реакционеров непрерывно совершали налеты на Бабушкин, тыловые пути снабжения были перерезаны. Враги, притаившиеся в самом городе, то и дело организовывали вооруженные выступления, причиняя этим неисчислимые беды мирному населению. Не хватало хлеба и мяса, не было одежды, обуви и других самых необходимых товаров. Но советские люди не падали духом.

Когда партия призвала все население пограничных районов к борьбе с интервентами и белогвардейцами, я ушел к партизанам и стал бойцом 4-го отделения 2-й роты 1-го полка. Почти все бойцы нашего отделения в прошлом были рабочими фабрики военного обмундирования. Удинскими партизанами руководил товарищ Моластов. Мы снабжали провиантом части Красной Армии, доставляли разные припасы на фронт, взрывали железные дороги, перехватывали вражеские составы с оружием — словом, постоянно тревожили противника и расстраивали его боевые планы. Огонь партизанской войны полыхал тогда на всем Дальнем Востоке.

В марте 1921 года монгольские революционеры во главе с вождями монгольской Народной революции Сухэ-Батором и Чойбалсаном создали в Кяхте Временное Народное правительство, которое обратилось к правительству РСФСР с просьбой о военной помощи в борьбе с оккупантами. Советское правительство, не-

смотря на трудное положение Республики, приняло решение помочь монгольскому народу вырваться из-под гнета оккупантов.

Наш партизанский отряд вышел из города Бабушкина и двинулся к Кяхте. Уничтожая дорогой отдельные белогвардейские банды, он расчищал тем самым путь для наступления основных сил Красной Армии.

От Бабушкина до Кяхты — около 300 километров. Климат суровый, морозы достигают 40 градусов, а порой и 50. Снег идет иногда целыми сутками и лежит на полях чуть ли не круглый год, дороги покрыты сплошной ледяной коркой.

В походе мой боевой друг товарищ Армаров, то и дело поглядывая на меня, посмеивался:

— Хорош! Ты, товарищ У Лю-цяо, сейчас прямо как дед-мороз!

Я смотрел на него и других товарищей: на шапках снег, бороды, брови и ресницы заиндевели. Да, погодка!

С наступлением ночи спать ложились прямо в снег. Кругом — ни деревца. Мы с Армаровым спали, прижавшись друг к другу и крепко обнявшись. Так было теплее.

Однажды отряд быстро поднялся для перехода на новое место, а я не могу встать — весь закоченел, ни рукой, ни ногой не двину. Еле-еле меня Армаров из сугроба вытащил.

Наш командир товарищ Моластов очень заботился о бойцах. В самые морозные ночи он заставлял нас бегать, и когда мы как следует согревались, разрешал ложиться спать. И никто не уклонялся от бега, все знали — можно замерзнуть совсем. Днем блестящий снег ослеплял нас, и все мы страдали «куриной слепотой». Стоило открыть глаза, как они начинали слезиться. Кожа сходила с отмороженных щек, носов и рук, а лечить было нечем.

Хлеба у нас с собой не было; в день на 15—20 человек выдавался один баран или на 50 человек — телушка. Топлива на этой снежной равнине не найдешь, поэтому костры разводили из кизяка. Зажжем, бывало, такой «кизячный костер», сядем вокруг него на корточках и ждем, когда мясо изжарится. Мясо, конечно, не прожаривалось, ели его полусырым и мечтали о щепотке соли.

А питья хватало: горсть снега в рот — и утолил жажду. Вот в каких условиях преследовали мы противника.

После трех месяцев боев мелкие белогвардейские банды были в основном ликвидированы, а путь для Красной Армии открыт. Когда мы почти добрались до монгольской границы, неожиданно объявили собрание всего отряда: с нами хотел говорить какой-то командир, прибывший из Сибири. Обрадовались мы, конечно, несказанно и про усталость забыли. Собрались, ждем.

Вдруг на гнедом коне подъезжает к нам военный среднего роста, в серой шинели и фуражке, перетянутый портупеей, легко соскакивает с коня и направляется к трибуне. Это был главнокомандующий. Выглядел он очень молодо, говорил просто, доходчиво, уверенно.

Главнокомандующий коротко сказал о значении нашего похода в Монголию, призвал нас решительнее преследовать белогвардейцев, удирающих в Монголию, и уничтожать их, обеспечивая тем самым безопасность первой страны социализма. Он сказал также о необходимости строго соблюдать дисциплину и уважать обычаи монголов. Его зажигательная речь нашла отклик в сердце каждого бойца.

В начале июня унгерновцы и белогвардейцы начали наступление от Урги (ныне Улан-Батор) на Кяхту, пытаясь выйти к железнодорожным туннелям на Байкале и перерезать связь между частями Красной Армии и монгольской Революционной армией, чтобы в дальнейшем уничтожить войска Сухэ-Батора. 10 июня части монгольской Революционной армии завязали бой с унгерновцами в районе Троицкосавска. В лесах около Усть-Кяхты в соприкосновение с противником вошел и наш отряд. В ходе жестокого боя, продолжавшегося трое суток, мы вместе с частями монгольской Революционной армии разбили белогвардейцев, уничтожив более двух батальонов и захватив много орудий, пулеметов и боеприпасов. Немало врагов попало к нам в плен. Жалкие остатки белобандитов в беспорядке бежали в Ургу, бросая вооружение и снаряжение.

2 июля мы вступили в Кяхту, а затем вместе с частями Сухэ-Батора и Чойбалсана по трем направлениям повели наступление на Ургу.

В этой операции одна колонна наступала на Сиванфу с запада, а другая колонна обходила противника с юга,

уничтожая мелкие отряды восточнее Кяхты. Казалось, из Кяхты протянулись две огромные руки и зажали врага в стальное кольцо, из которого не было выхода.

Развивая успех, мы не давали противнику ни секунды передышки. Враги сдавались в плен целыми группами или разбегались кто куда. Мы дошли до Урги всего за два дня. В бою под Ургой я обезоружил двух белогвардейцев. Еще через два дня в Ургу вошли главные силы Красной Армии и монгольской Революционной армии. Белогвардейские банды барона Унгерна были разгромлены. Отныне монгольский народ получил возможность навсегда покончить с нищетой, унижением и отсталостью.

У меня были обморожены ноги, я передвигался с трудом. В 1928 году Монгольское Народное правительство помогло мне вернуться на родину для лечения.

Меня вырастили и воспитали Коммунистическая партия Советского Союза и Монгольская Народно-революционная партия. Я стал борцом за новую счастливую жизнь.

В Китае я лечился больше года, а затем принял участие в национально-освободительной борьбе своего великого народа.

Литературная запись Лю Сян-лина

Сюй Чжэнь-цзю

Хабаровские дни

Участие в Октябрьской революции

В 1907 году, когда мне было всего 17 лет, я не выдержал притеснений помещика и тайком от родственников ушел из дому. Сначала я направился в Харбин, где устроился поденщиком у одного помещика, а затем перебрался в Суйюань, находящийся недалеко от Хабаровска. Там-то я и встретил одного русского, который под предлогом приглашения китайцев в качестве переводчиков вербовал китайскую молодежь на работу в Россию. Я слышал, что заработки в России были выше, чем в Китае, а поэтому вместе с несколькими другими китайцами поехал туда.

Не имея никакой специальности, я сначала работал подручным по установке столбов на новой телеграфной линии. Затем научился забираться на столбы и монтировать провода, а в дальнейшем стал электриком. Проработав там пять лет, я перешел на железную дорогу Хабаровск — Владивосток также электриком.

С 1915 года в наших местах под руководством большевистской партии ширилось революционное движение русских рабочих. Поскольку я сравнительно много общался с моими русскими братьями, то понемногу начал понимать, какое значение имеют забастовки в борьбе против царского самодержавия. Поэтому летом 1916 года,

узнав о намерении рабочих нашей железной дороги провести забастовку, я заявил русским товарищам о своем желании принять в ней участие. Я спросил их:

— А китайцы могут участвовать в забастовке?

Один русский товарищ ответил мне тогда:

— Это хорошо, что ты хочешь идти с нами, но забастовка ведь дело очень опасное. Сорвется — и нам грозит тюрьма или вообще головы не сносить. — И тут же добавил: — А ты смерти не боишься?

— Не боюсь. Погибну, ну что ж поделаешь!

Так я принял участие в первой забастовке, которая проводилась осенью того же года под лозунгом повышения заработной платы. В той забастовке мы добились победы, и каждый из нас получил прибавку на покупку комплекта теплой одежды. Весной 1917 года мы провели вторую забастовку, и хотя нам снова немного прибавили, несколько товарищей, руководивших забастовкой, было арестовано.

Когда произошла Октябрьская революция, один русский сказал мне:

— У нас революция, придется сражаться. Не боишься?

Я ответил на этот вопрос, как и раньше:

— Не боюсь!

Итак, я вместе со своими русскими братьями, взяв в одну руку винтовку, а в другую — свои рабочие инструменты, ушел в местный партизанский отряд, который охранял железную дорогу и помогал Красной Армии наносить удары по белым. Вспыхивал бой — мы брались за винтовки и шли сражаться, кончался бой — брались за инструменты и восстанавливали прерванную телеграфную связь.

В то время регулярные части Красной Армии были малочисленны, партизанские отряды — разбросаны, вооружение — плохое (большей частью однозарядные берданки). Силы же белых были довольно велики. Кроме всего этого, в районах вдоль железной дороги тысячи антисоветски настроенных людей тайно поддерживали белых. Так что обстановка тогда сложилась очень трудная. Особенно тяжело было зимой: глубокий снег, горы, леса; трудности в работе, изнашивалась и рвалась одежда, а чинить нечем; продовольствия в районе действий нашего

отряда тоже не было. Разживемся картошкой — это уже хорошо. А о том, чтобы хорошенько выспаться, вообще не могло быть и речи.

Хорошо, что в то время я был еще молодым и сильным, всюду поспевал. Согревало меня чувство того, что я участвую в революции. Поэтому и преодолевали мы все трудности и не знали страха в бою. Кончались патроны — дрались штыками и все время думали об одном — сохранить для партизан связь.

Весной 1919 года, когда вскрылись реки, под влиянием революции взбунтовался гарнизон белых в Хабаровске, а генерал — начальник гарнизона — бежал в Суйюань. Части Красной Армии, находившиеся в районе Хабаровске, были малочисленны, вооружены старым оружием, а поэтому не могли вовремя овладеть Хабаровском. Этим воспользовались японские войска, стоявшие недалеко от Хабаровска. Они оккупировали город и воспрепятствовали вступлению в него Красной Армии.

Тогда основной задачей Красной Армии стало уничтожение японских войск. В этот момент наш партизанский отряд вошел в состав регулярных частей Красной Армии, и я был направлен в саперный отряд. В саперном отряде, кроме меня, было еще два китайца — Ли и Цзян. Прошло много лет с того времени, и я сейчас не могу вспомнить, как их звали. Командиром нашей дивизии был русский по фамилии Попов.

Методы борьбы против японских войск в то время были почти такими же, как и во время нашей антияпонской войны: мы наносили частые и многочисленные удары по японцам или же нарушали их коммуникации. Если дело было зимой, то мы на лыжах, замаскировавшись белыми простынями, устраивали засады с обеих сторон шоссе или железной дороги и захватывали продовольствие, вооружение и боеприпасы.

Поэтому, хотя в то время у японцев было много хорошо вооруженных частей, мы все же причиняли им серьезные потери. Для японцев фронт был повсюду, и они были вынуждены рассредоточивать свои силы. В конце концов мы освободили Хабаровск. В бою за освобождение Хабаровска я был ранен в ноги, но, к счастью, кости не были задеты, и, пролежав в течение месяца у местных жителей, я вернулся в часть.

Я прослужил в Красной Армии три года и демобилизовался из ее рядов только в 1920 году, когда революция победила по всей стране.

Сначала я поступил на хабаровскую телеграфную станцию, откуда через три года был переведен на электростанцию, где и проработал до 1929 года. Затем я уехал на электростанцию золотого прииска у Николаевска-на-Амуре, находящегося более чем за тысячу километров от Хабаровска.

Я становлюсь стахановцем

В первый момент, когда я приехал на прииск, трудностей было очень много, ибо этот район был освобожден недавно, страна только взялась за осуществление первого пятилетного плана, предприятия еще восстанавливались. Особенно трудно было с оборудованием. В ходе войны много оборудования было сожжено, разбито и вывезено японцами. Бывало, только примешься за работу, уже чего-нибудь не хватает, а взять неоткуда. В то время простой шуруп и тот считался ценностью. Тогда я подумал: сейчас электростанция — уже собственность рабочего класса, а я, хоть и иностранец, все же работаю на электростанции, а поэтому должен отвечать за ее сохранность. Поэтому в свободное от работы время я выходил во двор электростанции и копался в кучах мусора. Постепенно я собрал и передал на электростанцию больше ста килограммов различных деталей. За это я получил первую награду — суконный отрез на пальто и кожаную шапку.

Когда я пришел на прииск, там нужно было тщательно отремонтировать паровой котел. Поэтому я был временно направлен на кладку кирпича. Мы должны были работать по восемь часов в день, и я знал: пока мы не закончим своей работы, котел не будет действовать. Чтобы пустить котел раньше срока, я и несколько других товарищей работали день и ночь и выполнили задание досрочно. После этого при реконструкции котла я придумал способ, благодаря которому сокращался расход дров (в нашем районе дрова были основным топливом).

Раньше при топке котла дрова скапливались главным образом в передней части топки, а в самой середине их не было, а поэтому часто забивалось отверстие топки

и центральные части нагревались слабо. Кроме того, слишком широко открывали дымоход, из-за чего много топлива уносилось в воздух в виде сажи. Таким образом, и пара не получалось, и тратилось напрасно много дров.

Приступив к работе у топки, я сразу вспомнил, как в Китае топят домашние печи: дрова закладывают в середину топки, а дымоход открывают совсем мало, чтобы не дать теплу попусту уйти в воздух. Я попробовал сделать так же — котел быстро нагревался, а дров уходило меньше.

Потом, когда я был переведен в цех для присмотра за оборудованием, у меня опять все шло хорошо. Через год я снова работал электриком.

Впоследствии я стал стахановцем.

Я прожил в СССР длительное время, участвовал в революции, в гражданской войне, а поэтому советские товарищи не считали меня иностранцем и относились ко мне, как к родному брату. В разговорах со мной советские люди живо интересовались вопросами китайской революции.

Я вернулся в Китай в 1938 году, когда началась антияпонская война. Вспоминая тридцать лет, прожитые в СССР, я считаю их самыми яркими и памятными в своей жизни. И сейчас, хотя прошло уже много времени, я часто думаю о Хабаровске и Советском Дальнем Востоке, где когда-то воевал и работал.

Литературная запись Юй Сюаня

Юй Дун-цзян

Дружба, скрепленная кровью

1

В 1918 году я занимался мелкой торговлей в Благовещенске. Когда наступил февраль, части Красной Армии вышибли из города белогвардейцев, и власть перешла в руки Советов. К этому времени и относится начало моей скромной деятельности на пользу революции — я стал сотрудником городской ЧК и принимал участие в ликвидации прятавшихся белогвардейцев и контрреволюционных элементов. Председатель ЧК Виноградов часто беседовал со мной о революции и на различные несложные научные темы. Товарищи по работе дали мне прозвище Бедняк Юй.

Когда японские интервенты и белогвардейские банды заняли Благовещенск и другие города Дальнего Востока, я ушел в таежные леса на восточном берегу реки Зеи. В тайгу тогда уходило много народу, группами в десять — двадцать человек. А когда собрались все вместе, насчитали несколько сот человек, из которых сформировали до десятка партизанских отрядов. Одним из таких отрядов был отряд «Старика» под командованием товарища Брай-Антонова. В этот отряд вступил и я.

Антонов был приветлив в обращении, смел и решителен в делах, четок в действиях. Бойцы отряда очень уважали его. Наш отряд постепенно разросся и насчитывал свыше шестисот человек, большей частью это

были китайцы. Подразделения были неодинаковые: одни состояли из ста с лишним человек, в других едва набиралось девяносто. В бою бойцы всегда поддерживали друг друга. Отряд «Старика» действовал главным образом в крупных населенных пунктах Амурской области. Мы не только заманивали японских захватчиков в небольшие отдаленные пункты, где уничтожали их, но даже осмеливались нападать на города и железнодорожные станции, занятые довольно крупными японскими гарнизонами.

2

Я командовал взводом. Из всех более или менее крупных операций, в которых участвовал взвод, в моей памяти сохранились две.

Первая — под деревней Кирсановка. Наш взвод, состоявший из пятидесяти с лишним бойцов, залег в придорожной канаве, заросшей высокой, в рост человека, травой. Это было узкое дефиле на дороге в Кирсановку. Одного из местных жителей направили мы в японский гарнизон с «донесением», будто партизаны «грабят» Кирсановку. Японцы, поддавшись на эту удочку, послали в Кирсановку сотню всадников. Признаться, партизаны, увидев японцев в таком количестве, слегка струсили. Я принял решение: «Врагов больше, чем нас, но наша позиция лучше. Затаиться и ударить по японцам, когда перед нами будет как раз центр их отряда». Так и сделали. Взвод притаился. А когда середина японского отряда поравнялась с нами, из травы один за другим раздались залпы. Потеряв сразу же более двадцати человек, японцы бросились врассыпную.

И другая — под станцией Серышево. Весной 1920 года из Серышева в отряд «Старика» прибыл человек, который сообщил, что в городе только 300 японцев. Товарищ Антонов созвал на совещание всех командиров взводов и командиров соседних партизанских отрядов. Город решили атаковать, причем командиры подразделений заявили о своем желании участвовать в штурме. Я вызвался первым, моему примеру последовал Дулецкий. В соответствии с окончательным решением атаковать Серышево должны были следующие силы: от отряда «Старика» — 170 человек, командиры — Белугин и я; от отряда Дулецкого — 150 человек.

Во главе своих бойцов я направился в Серышево. Когда показалась станция, обнаружилось, что японцы двинулись нам навстречу. Оглядел я быстро местность, сложил руки рупором и крикнул изо всех сил: «Отряд, в цепь! К насыпи бегом!» Но японцы уже обнаружили нас, грохнуло орудие, позади разорвался снаряд, взметнув столб дыма, и тотчас засвистели пули. Партизаны бросились к железнодорожной насыпи и, рассредоточившись по ее северному скату, открыли ответный огонь. Японцы залегли на южном скате, и нас теперь разделяло только железнодорожное полотно. Стрелять можно было только из винтовок, а не из пушек или пулеметов. Зато у нас были гранаты-лимонки, бойцы перед броском ударяли их о приклад, трясли хорошенько и изо всех сил кидали. Разрывались лимонки как раз под носом у японцев. Японцы же кидали в нашу сторону гранаты с ручками, полет которых трудно было рассчитать, и поэтому их гранаты разрывались далеко позади нас.

Чтобы не дать противнику пересечь полотно, я приказал лежащим рядом партизанам попарно вести наблюдение — одному смотреть в одну сторону, другому — в другую. Правда, видеть происходящее они могли всего лишь на расстоянии нескольких десятков метров, но этого было достаточно, так как лежали мы довольно плотно. Зато не приходилось крутить головой с риском получить шальную пулю. Чуть где покажется голова японца — туда сразу же летели наши пули, и уже немало японцев, что посмелее, поплатились своими головами. Противник, конечно, тоже не дремал и отвечал нам яростным огнем. Как раз в этот день пострадал партизан Цянь И-чэн: высунулся неосторожно больше, чем следовало, и тотчас японская пуля ранила его.

Так обе стороны и держали оборону: ни наступать, ни отступать не могли. Перед заходом солнца к нам прибыло подкрепление, а с сопок ударили пулеметы, прикрывая наш отход. Мы уже прошли несколько километров, а все еще слышали беспорядочную пальбу японцев на насыпи.

3

После разгрома японских интервентов отряд «Старика» вернулся в Благовещенск. Я стал служить в советских погранвойсках в должности командира взвода.

Вскоре демобилизовался, вернулся на родину и занялся сельским хозяйством в деревне Шэнлицунь, волости Ганьчацзы, уезда Цикэ, провинции Хэйлунцзян.

В последующие годы, когда японцы захватили Северо-Восток, мы, китайцы, словно в аду очутились, настолько тяжелой стала наша жизнь. Сколько раз я вспоминал о Советской России, о своих боевых друзьях по Красной Армии.

9 августа 1945 года Советская Армия начала наступление против японцев в Северо-Восточном Китае, а 10 августа один из передовых отрядов советских войск в количестве пятидесяти человек, направляясь из Цикэ в Суньу, прошел через нашу деревню. И, хотя он не задержался у нас, я успел заметить, что Советская Армия совсем не похожа на ту Красную Армию, что была больше двадцати лет назад. Через два дня приехали на грузовиках больше трехсот советских солдат. Я вместе с односельчанами встречал их у обочины дороги. С какой радостью размахивал я красным флажком, когда вновь увидел мою родную Красную Армию, как громко кричал по-русски: «Ура!» Красноармейцы дружески отвечали на наши приветствия.

Когда советские солдаты остановились на ночевку в нашей деревне, их офицер спросил:

— Кто-нибудь в деревне говорит по-русски?

— Я говорю, только плохо.

— А где вы выучились? — спрашивает он. — В Советском Союзе были?

Рассказал я ему коротко о том, как жил в Советской России, как воевал, а он крепко пожал мне руку и говорит:

— Дорогой товарищ, ветеран Красной Армии! Мы очень рады, что встретились здесь с тобой.

Ну, поговорили мы с ним немного, а потом он вытащил карту и давай спрашивать, как добраться до Сыбулоуцзы, где располагался японский гарнизон, как добраться до реки Суньхэ, пройдут ли машины, где можно наткнуться на противника?.. Я рассказал ему все, что знал.

На следующее утро перед выступлением солдаты подарили мне канистру с бензином. Я не брал, так они просто оставили ее в моем доме. Потом этот бензин я разделил между всеми односельчанами.

На фронт непрерывно двигались советские танки, артиллерия. На реке Суньхэ, в Сыбулоуцзы и других местах развернулись упорные бои, и японские гарнизоны через несколько дней были разбиты. Немало советских солдат погибло в этих боях; я слышал, что в бою за Сыбулоуцзы их пало несколько сот. Все это напоминало мне о китайцах, отдавших свою жизнь за победу Октябрьской революции, о дружбе советского и китайского народов — дружбе, скрепленной кровью, вечной и нерушимой.

Сейчас мне семьдесят пять лет, но я еще бодр, сам засеваю свои три му земли, у меня есть пара свиней. Вступил в сельскохозяйственный производственный кооператив. Односельчане выбрали меня председателем сельского народного комитета. Так что Бедняк Юй теперь уже далеко не бедняк.

Тянь Цзы-фан

Объединенный партизанский отряд

Наш партизанский отряд был создан в апреле 1918 года, когда японские империалисты вторглись в районы Советского Дальнего Востока. В отряд вступили многие рабочие с золотых приисков, разбросанных в верховьях реки Зеи. Эти рабочие и составили основное ядро отряда. Командиром отряда был товарищ Петр Иванович. Впоследствии он погиб в одном из боев, и его заменил товарищ Люсиков. Вначале в отряде насчитывалось немногим больше двухсот человек, но уже через три месяца, в июле 1918 года, он имел до шестисот с лишним бойцов и на 75 процентов состоял из китайцев. Всех нас, и китайцев и русских, объединяло общее желание — разгромить японских оккупантов и белогвардейцев и зажить мирной счастливой жизнью.

Мы действовали в Забайкальской (ныне Читинской) и Амурской областях, в районе Бочкарево (ныне Куйбышевка-Восточная) — Чита и вели бои с белогвардейскими бандами, а также с японскими войсками, оккупировавшими эти места; не раз завязывались жаркие схватки под Магдагачи, Кокуем, Ломовской и под Зилово.

Вспоминается, как в те трудные дни мы круглый год жили в горах и лесах — и в летний зной, и в буран, и в дождь, и в трескучий мороз. Нечего было есть — питались кониной и травой; замерзали — разжигали костры и грелись возле них. И как бы нам трудно ни прихо-

дилось, мы упорно продолжали борьбу до тех пор, пока не выгнали японских оккупантов с Дальнего Востока.

Я остановлюсь на нескольких боевых эпизодах из жизни нашего отряда, сражавшегося с японскими захватчиками и белогвардейцами.

Налет на вражеский эшелон

В один из октябрьских дней 1918 года, когда запасы продовольствия в отряде иссякли, мы отправились в небольшую деревушку, расположенную километрах в пятнадцати к югу от железнодорожной станции Магдагачи, чтобы занять у крестьян немного хлеба.

Добрались мы до деревушки уже к полудню. Староста деревни и крестьяне приняли партизан очень радушно и сами дали нам хлеба. Кто нес муку, кто зерно, а кто и испеченный хлеб. Детишки хватали китайских бойцов за руки и просили спеть китайскую песню.

Погрузив хлеб и поблагодарив крестьян, мы собрались в обратный путь, как вдруг из-за околицы показалась группа стариков-охотников, человек десять, с ружьями за спиной. Рядом с ними бежали собаки. Узнав, что мы пришли за хлебом, старики заговорили:

— Вот вам есть нечего. Чего же не совершите налет на вражеский эшелон с продовольствием?

— А как узнать, какой эшелон с продовольствием? — в свою очередь спрашиваем мы.

— Да вот тот, что пройдет завтра в девять утра, он и есть.

Завтра в девять? Но как управиться с такой махиной? Однако мысль эта нам очень понравилась.

А старики продолжали, словно подбадривая нас:

— На сопке, что севернее станции Тыгда, мы заготовили этак с десяток бревен. Хотели было завалить ими путь, чтобы задержать эшелон. Да потом посмотрели — людишек у нас маловато, вот и бросили эту затею. А вас вон сколько, вам это по плечу.

Выслушали партизаны стариков, и все в один голос одобрили их план, а потом повели их к своему командиру Люсикову.

Поговорил Люсиков с охотниками и подумал: «Вечно побираться у крестьян — тоже не дело». Так было решено напасть на поезд вместе с местными охотниками.

Люсиков договорился, что партизанский отряд встретится с крестьянами на следующий день ровно в 7.00 в сопках в полутора километрах восточнее железнодорожной станции Тыгда.

В ту же ночь партизанский отряд стал лагерем на сопке, поросшей лесом, километрах в пятнадцати от станции Тыгда. Ночью Люсиков лично провел разведку в окрестностях станции и приказал за ночь срубить несколько больших деревьев, распилить их на семь — восемь частей и сложить на склоне сопки вблизи железнодорожного полотна.

На следующий день, едва только занялся рассвет, отряд выступил и в седьмом часу пришел к условленному месту встречи. Вскоре верхом на лошадях подъехали охотники с ружьями за спиной. Лошадей спрятали в овраге: их было решено использовать для перевозки захваченных грузов.

Люсиков решил устроить две засады — в километре севернее и южнее станции. Тридцать человек он выделил на перетаскивание бревен, а снайперам Ли Фа и Ли Цунь-хэ приказал вести огонь по телеграфным проводам, чтобы нарушить связь противника. Перетаскиванием бревен занялись главным образом крестьяне, им помогали бойцы — помоложе и покрепче. Остальные четыреста с лишним бойцов залегли в цепь восточнее станции в леске, примыкавшем к железнодорожному полотну.

После того как все обязанности были распределены, Люсиков строго-настрого приказал бойцам как следует замаскироваться. Условились, что сигналом к началу действий послужит первый выстрел Ли Фа.

До чего же медленно тянулось время! Казалось, часы совсем остановились. Наконец стрелки показали девять. Мы затаили дыхание. И вот вдали за лесом показался белый дымок, по рельсам загрохотал длинный состав. Паровоз дал два гудка. Ли Фа вскинул винтовку и, прицелившись, выстрелил. Телеграфный провод, идущий на станцию, оборвался. Вслед за первым выстрелом раздались еще два — это Ли Цунь-хэ перебил провода, идущие на север. Едва прозвучал выстрел Ли Фа, все вокруг забурлило, как в котле с кипящей водой: партизаны со всех ног бросились к бревнам, стрелки сосредоточили весь огонь по паровозу. В течение некоторого

времени слышалась ружейная стрельба. С криками «ура» крестьяне подтаскивали бревна. Им вторили стрелки-партизаны. С криком «ша»[1] бросились в атаку и бойцы-китайцы.

Поезд на большой скорости мчался вперед и, не останавливаясь, пронесся мимо станции Тыгда. Проскочив станцию, машинист, очевидно, заметил на рельсах завал из бревен. Он резко затормозил и дал задний ход, пытаясь вернуться обратно. Партизаны усилили ружейный огонь по паровозу. Через некоторое время над ним взметнулся черный клуб дыма, а из окон паровозной будки появились языки пламени, видно, взорвался котел, и поезд встал. Из вагонов не отстреливались. Несколько партизан пошли на разведку. Оказалось, эшелон сопровождало человек двадцать, некоторые уже были убиты или ранены. Уцелевшие вражеские солдаты спрятались за мешками с продовольствием. Около двух десятков японцев и белогвардейцев, расквартированных на станции, едва заслышав стрельбу, разбежались.

Очистив эшелон от перепуганных японцев и белогвардейцев, партизаны по приказу командира отряда взломали двери вагонов и принялись за разгрузку. Вскоре подоспели коноводы с лошадьми. Мы приторачивали мешки на спины лошадям. Нагрузив таким образом всех коней, а их было более двухсот, мы скрепя сердце прекратили разгрузку.

Длинной вереницей растянулся конный отряд с продовольствием. Партизаны уходили в сопки, поросшие тайгой. А позади, на железнодорожном полотне, в клубах дыма пылал состав.

Герой Ли Цунь-хэ

Все в отряде — и русские, и китайцы — знали Ли Цунь-хэ, который на расстоянии более ста шагов мог погасить выстрелом горящую лампу. Но особенно прославился Ли Цунь-хэ своим замечательным подвигом.

Зимой 1918 года в созданном несколько месяцев назад отряде насчитывалось всего лишь около десятка старых винтовок. В ту пору отряд расположился лагерем в тайге, в 15 километрах севернее железнодорожной

[1] «Ша» — боевой возглас, в переводе на русский язык означающий «бей». — *Прим. перев.*

станции и города Ушумун. На северной окраине города находился пост; на нем каждую ночь стояли два японских солдата, вооруженных винтовками нового образца. В огромных ушанках, неуклюжих ватных тулупах и огромных рукавицах они походили на статуи Будды. Высмотрев как следует расположение японского поста, Ли Цунь-хэ подумал: «Отчего бы не снять эти два чучела как-нибудь темной ночью? И японских дьяволов проучу, и две винтовки для отряда добуду». Тщательно все продумав, Ли Цунь-хэ отправился прямо к командиру отряда. Тот одобрил его план. «Отлично, Ли Цунь-хэ! — сказал Люсиков, похлопав его по плечу. — Будем считать, что это дело поручается тебе!»

Следующая ночь выдалась особенно темной — ни зги не видно. Завывал ветер, крепчал мороз. Напялив на себя вывернутый наизнанку черный бараний тулуп и темную меховую ушанку, сменив сапоги на пимы с мягкой кожаной подошвой, Ли Цунь-хэ направился к городу.

На ощупь пробираясь в потемках, Ли Цунь-хэ то и дело останавливался, напряженно прислушиваясь. И только убедившись, что кругом тихо, он снова шел вперед. Метрах в пятидесяти до поста он лег на землю и пополз. Все ближе и ближе статуи Будд, но вдруг Ли Цунь-хэ нечаянно задел ногой за камень. Японцы насторожились. Но не успели часовые и щелкнуть затворами, как на них, словно тигр, налетел Ли Цунь-хэ и сбил обоих с ног. Все произошло так быстро, что японцы — эти два чурбака — так и не поняли, кто напал на них, черт или человек. Подмяв одного под себя, Ли Цунь-хэ надавал ему таких тумаков, что тот потерял сознание. Другой солдат попытался было встать на ноги. Но Ли Цунь-хэ ударил его прикладом прямо в висок. У японца из глаз посыпались искры, и он без сознания растянулся на земле. Поспешно сорвав с японцев винтовки, Ли Цунь-хэ, орудуя штыком, отправил души часовых на тот свет досматривать сладкие сны. Прихватив с собой все, что можно было унести, смельчак возвратился в отряд.

На следующий день командир собрал всех партизан и рассказал им о подвиге Ли Цунь-хэ. Тут же перед строем герою-партизану была объявлена благодарность.

— Товарищи, — сказал в заключение командир.— Мы все должны брать пример с Ли Цунь-хэ и быть такими же смелыми и отважными, как он, тогда и винтовок в отряде будет — хоть отбавляй.

С той поры все бойцы отряда стали с большим уважением относиться к Ли Цунь-хэ и, встречаясь с ним, поднимали вверх большой палец, говоря: «Хао!» (хорошо).

Марш по тайге

В июле 1919 года стояла сильнейшая жара. Нам не хватало хорошего оружия, поэтому было решено выступить из района Могоча на соединение с крупным партизанским отрядом под командованием Лю Лян-кэ, который, по имевшимся у нас сведениям, действовал где-то под Сретенском. В этом отряде, в который входили советские и китайские подразделения, насчитывалось более десяти тысяч бойцов. Они были хорошо вооружены: у них имелись карабины, гранаты, пулеметы системы Максима и даже орудия небольшого калибра.

Наш путь из района Могоча к Сретенску пролегал через глухую тайгу. В сопках, поросших лесом, не было никаких дорог. Идешь, идешь — не то, чтобы деревушка попалась, — человека не встретишь. Продовольствия взяли с собой немного, а зверь попадался редко. Вот и экономили — ели только раз в сутки и, подтянув потуже ремни, шли дальше.

Летом в тайге покоя нет от комаров и в особенности от гнуса. Мы отправлялись в путь с рассветом, а примерно к десяти часам утра приходилось делать привал. Разводили костры, и дым спасал от оводов: этих ужасных насекомых в утренние часы появлялось особенно много. Крупы лошадей мгновенно покрывались целыми роями оводов, и бедные животные, искусанные до крови, все время жалобно ржали. Часам к четырем дня оводов становилось меньше, и мы могли, наконец, продолжать свой марш. Но опять недолго: к семи часам вечера из-под гнилых прошлогодних листьев роями взлетали мириады комаров. Насекомые лезли в нос, в горло и глаза. Мы снова останавливались и разжигали костры.

Через четыре дня запасы продовольствия совсем иссякли. Никто не решался резать коней. Однако това-

рищ Люсиков, видя, что некоторые партизаны-китайцы еле передвигают ноги от голода, приказал зарезать одного коня. Едва сварились первые куски, советские товарищи раздали их ослабевшим от голода китайцам.

Одного за другим резать коней партизаны тоже не могли. И вот Люсиков приказал сделать суточный привал. Все партизаны, за исключением часовых, оставленных для охраны имущества и лошадей, разбившись на группы, каждую из которых возглавлял советский товарищ, отправились в тайгу на охоту.

К вечеру охотники вернулись в лагерь. Самые молодые и крепкие ребята сияли от счастья: они притащили четырех маралов. Каждое животное весило более трехсот килограммов. Все бойцы несказанно обрадовались такой богатой добыче. Мы были обеспечены мясом на несколько дней. Люсиков приказал двигаться дальше.

В летнее время в тайге часто бывают ливни, и мы несколько раз попадали под них. Мы промокали до нитки. Чтобы спрятаться от дождя, который хлестал как из ведра, мы на скорую руку строили шалаши из веток, покрывали их сверху кусками брезента, корой деревьев или травой. Все промокало, и не было ни клочка сухой земли. Чтобы бойцы имели возможность поспать, мы клали на землю поленья, заваливали их тонкими ветками, а сверху — сеном. Людей было много, а шалаши маленькие, так что некоторые спали почти снаружи, под дождем. Советские бойцы всегда уступали нам, китайцам, местечко получше, в самих шалашах.

Миновали дожди, но других трудностей впереди было еще много. Нам предстояло преодолеть крутые подъемы и отвесные скалы. Если идти напрямик становилось невозможно, шли в обход. Когда бурные горные реки преграждали нам путь, мы искали брод. Однажды отряд вышел на берег глубокой и широкой реки. Брода найти не удалось. Пришлось рубить деревья и вязать плоты для людей и имущества. Коней переправили вплавь.

Прошло несколько дней, а до Сретенска все еще было далеко. По-прежнему не попадались населенные пункты. Маралов съели, и снова пришлось резать коней. Некоторые партизаны-китайцы не могли есть конину. Тогда командир отряда послал несколько групп в сопки за дикими кореньями; а потом приказал поварам изжарить их с солью для китайских товарищей.

Вдоль железной дороги от Могочи до Сретенска мы добрались бы пешком дней за шесть — семь. Но это было рискованно: могли напороться на японцев и белогвардейцев. Поэтому мы предпочли большие дороги безлюдной тайге. И нам потребовалось целых двадцать дней, чтобы добраться до Сретенска. Хорошо еще, что в отряде оказался компас, а то со всеми обходами, поворотами и крюками в глухой тайге не мудрено было и заблудиться.

Дойдя до Сретенска, мы узнали, что отряд Лю Лян-кэ давно ушел оттуда. Бросились на поиски в район Кокуя и Куэнги, где и встретились с партизанским отрядом под командованием Юй Нэн-ханя, насчитывавшим четыре тысячи бойцов, в основном китайцев. Юй Нэн-хань сообщил, что отряд Лю Лян-кэ действует где-то в районе Иркутска, очень далеко от Куэнги. Наши бойцы страшно устали от длительного перехода, и встреча с японцами на пути в Иркутск не сулила ничего хорошего. Поэтому наш командир товарищ Люсиков принял решение: остаться в Куэнге и громить врага совместно с отрядом Юй Нэн-ханя.

Литературная запись Хэ Гуна

Лю Фу

На защите завоеваний Красного Октября

Мое настоящее имя не Лю Фу, а Лю Юй-цин. Родом я из деревни Лючжуанцунь, волости Фэншао, уезда Лэтин, провинции Хэбэй. У меня было два брата, а вся семья состояла из 14 человек. Земли мы имели всего лишь немногим более десяти му, поэтому постоянно арендовали у помещика по десяти с лишним му, и он из года в год нещадно эксплуатировал нас. Много бедствий приносили крестьянам наводнения, довольно частые в наших краях. Так что жизнь была очень и очень трудной.

В 1907 году по деревне пошли слухи, что многие люди, уехавшие на Северо-Восток, хорошо зарабатывают там. И тогда я подумал: «Поеду-ка, попытаю счастья! Ведь если придется умереть с голоду, так не все ли равно где?»

Но как достать денег на дорогу? Помогла жена: она заняла у своих родственников несколько юаней, и я собрался в дорогу. Минуты прощания были очень тяжелыми. Все от мала до велика горько плакали. Жена, рыдая, наказывала мне: «Береги себя там! Быстрее возвращайся домой! Не забывай семью, помни о нас с сыном! Будь честным, не забывай нас...» Сынишка, которому только что исполнилось два годика, тоже за-

плакал и стал проситься ко мне на руки. Сердце мое разрывалось на части! Но я пересилил себя и решительно зашагал от дома. Долго еще слышался плач мальчика, и чем дальше я уходил от дома, тем невыносимее становилось слышать его. Я едва не повернул назад, но желание добиться своего победило — я не вернулся.

Вскоре я прибыл в Харбин. С помощью двоюродного брата мне удалось устроиться поваром в сапожную мастерскую. Там я проработал год. Заработка едва хватало на питание, я не мог ничего купить себе из одежды. В мастерской часто поговаривали, что можно хорошо заработать на золотых приисках. И вот через год я отправился в провинцию Хэйлунцзян, на золотой прииск Синлун, расположенный в долине реки Кумаэрхэ, где начал работать старателем. За день удавалось намывать по одному цяню[1] и восемь фэней[2] золота. Это совсем неплохо, но хозяин прииска безжалостно обирал рабочих. В то время, как на рынке за пределами прииска один цянь два фэня золота стоили четыре юаня и три цзяо[3] и даже четыре с половиной юаня, хозяин прииска платил нам за это же количество золота всего по полтора юаня. А если тебе везло и ты намывал золота больше обычного, то он платил и того меньше: всего лишь по одному юаню два — три цзяо. А продать золото кому-нибудь другому нельзя. В распоряжении хозяина имелся вооруженный отряд, который охранял три дороги, ведущие от прииска. Охранники обыскивали каждого, кто выходил из долины, и если находили золото, то забирали его, а владельца избивали до полусмерти и прогоняли.

Но этого мало. Долина была настоящей вотчиной хозяина. Ему принадлежали все лавки, расположенные в ней, и цены на муку, ткани, лопаты для промывки золота и прочие товары первой необходимости были в несколько раз выше, чем на стороне. Например, лопата стоила всего пять цзяо, а на прииске за нее брали полтора юаня; за мешок белой муки четвертого сорта мы платили по 6 юаней, тогда как он стоил всего полтора

---

[1] 1 цянь равен 3,7 грамма.
[2] 1 фэнь равен 0,37 грамма.
[3] Цзяо — 1/10 юаня.

юаня. Даже деньги, которые рабочие выручали за золото, хозяин печатал сам; они назывались «приисковыми знаками». За пределами прииска эти деньги не стоили ни гроша. В общем, хозяин-капиталист придумывал множество всяких способов грабить рабочих, он опутывал их такой сетью, что вырваться из дьявольских лап этого кровопийцы было просто невозможно.

Я в первый год не только ничего не заработал, но и остался должен хозяину. В последующие годы не успею я выплатить старые долги, как влезаю в новые. И чем больше намывал золота, тем сильнее влезал в долги. Так прошло больше семи лет. В последние два года, чтобы расплатиться с долгами, я ел всего лишь раз в день. Но, несмотря на это, так и не погасил своего долга, за мной осталось пять лян (250 граммов) золота. Тогда я понял, что мне не расплатиться с хозяином до самой смерти, и решил: «К черту такую работу!».

Весной 1915 года я убежал с золотого прииска, переправился через реку и пришел в Ляньи, надеясь, что русские капиталисты помилосерднее. Только спустя некоторое время я понял, что у капиталистов всего мира души одинаково черные. Целый год я проработал на приисках Улугань, Невер и Салиюцзы, но ничего не заработал.

Теперь мои мечты о хорошем заработке окончательно рухнули, и я решил: «Поеду домой! Если умирать, так дома!»

Я ушел с прииска Салиюцзы и отправился в Благовещенск. Там в это время русский подрядчик Алинков вербовал китайских рабочих. Он обещал, что завербованные будут работать в Иркутске и ежемесячно получать по 45 рублей, кроме того, каждому сразу же после сдачи паспорта подрядчику начнут ежедневно выдавать по 30 копеек на питание.

Эта новость сильно взволновала меня. Я раздобыл три юаня, купил старый паспорт и завербовался. Паспорт был на имя Лю Фу, вот почему я из Лю Юйцина превратился в Лю Фу. Это произошло в июне 1916 года.

Когда завербованных набралось более ста человек, их погрузили на пароход и повезли вверх по Амуру. В Сретенске мы сошли с парохода и поездом поехали дальше на запад. В Иркутске мы простояли на стан-

ции двое суток; выгружаться не разрешали. Тогда несколько человек пошли к Алинкову узнать, в чем дело. Подрядчик ответил: «В Иркутске китайские рабочие не нужны. Мы поедем во внутренние районы России». Многие отказались ехать дальше. Тогда Алинков сказал: «Будем вам платить не по 45 рублей в месяц, а по 3 рубля 15 копеек в день; причем зарплата пойдет с того дня, как тронется поезд. Кроме того, ежедневно по 45 копеек на питание. Как можно упустить такой заработок! Поехали! Ведь у себя дома не заработаете и 10 копеек в день! Россия сейчас ведет войну, погибло очень много людей. И только поэтому мы платим вам так много».

Слова подрядчика совсем успокоили нас. 3 рубля 15 копеек в день! Где же столько заработаешь? Надо соглашаться. Так и поехали мы дальше на запад; лишь несколько человек остались в Иркутске. В те времена поезда ходили очень медленно. Только через месяц и четыре дня прибыли мы в местечко Энгозеро Олонецкой губернии (ныне Карельская АССР).

Стоял август месяц, но было очень холодно, и снег толщиной более метра уже успел покрыть землю. Кругом пустынно, людей мало. Мы разгребли снег, раскинули на земле палатки, соорудили в них нары из стволов и веток нарубленных деревьев и приступили к строительству Мурманской железной дороги. Вырубали лес на трассе, копали землю, переносили щебень для насыпи. Царское правительство намеревалось по этой дороге завозить боеприпасы из-за границы, необходимые для продолжения империалистической войны. Поэтому работы по строительству дороги велись круглосуточно, в три смены. Стояли сильные морозы. Когда работаешь — потеешь, присядешь отдохнуть — капли пота сразу замерзают. К носу и ушам нельзя притронуться — можно повредить. Многие рабочие отморозили руки и ноги.

Всего на строительстве было занято около десяти тысяч рабочих. Их каторжным трудом за шесть месяцев был построен участок Мурманской железной дороги от Энгозеро до Воньга.

Страшно вспомнить, какие муки пришлось претерпеть китайским рабочим: тяжелая, беспросветная жизнь,

изнурительный труд, холод да к тому же еще и невыносимые издевательства со стороны русских капиталистов. Китайского рабочего в любое время ни за что мог обругать и избить русский десятник, более того, даже пленный солдат мог ударить его. В октябре 1916 года мы объявили забастовку в знак протеста против избиений рабочих десятником и пленными солдатами. Забастовка продолжалась два дня. Мы возобновили работу лишь после того, как администрация дала обещание, во-первых, запретить десятникам и пленным избивать китайских рабочих, во-вторых, наказывать тех, кто будет избивать людей.

Хозяева постоянно задерживали выплату зарплаты, это особенно возмущало рабочих. Помню, до ноября или даже до декабря (а к этому времени мы проработали уже несколько месяцев) нам не выплачивали ни копейки. Вместо денег администрация выдала каждому рабочему расчетную книжку, куда записывался заработок. Питались мы одним черным хлебом. Не только никакого приварка не было, даже соли и табаку не выдавали. Вот в каких условиях мы работали!

В молодости я был очень живым, общительным человеком, ладил с людьми, всегда выступал на стороне обиженных, отстаивал справедливость. Рабочие группировались вокруг меня. Было в нашей партии еще два бойких парня — Ван Бао-чжу с Северо-Востока и Ли Эр-гэ из Таншаня. Мы посоветовались между собой и сказали товарищам: «Раз нам не выдают зарплату, не будем работать, забастуем!». Все горячо откликнулись на эти слова. Рабочие поручили нам троим вести переговоры с управляющим. Мы потребовали выплаты рабочим всей задолженности с того момента, когда мы сели на пароход. Управляющий начал увиливать: «Вам сейчас все равно не на что деньги расходовать! Подождите, когда кончится шестимесячный срок договора, тогда все сразу и получите!». Но мы настаивали и вывели его из терпения: «Вы больше месяца сюда ехали, а деньги на питание получали! Ведь вы же не работали, а только жрали! Где это видано, чтобы, не работая, деньги получать! Ничего сейчас не получите!».

После этого нам не стали выдавать продовольствие. Дорогу еще не построили, поезда не ходили, бросить работу и идти в другое место означало замерзнуть или

умереть с голоду в пути. Поэтому на шестой день забастовки мы вынуждены были возобновить работу.

Время шло. Настал февраль 1917 года. По нашей дороге уже до Петрограда ходили поезда. Шестимесячный срок договора давно кончился, а денег рабочие еще не получили. Снова пришлось объявить забастовку и идти к управляющему. Он сказал: «Мы можем дать вам полный расчет, но здесь нет наличных денег, нужно ехать в Петроград, в главную контору, да и делать есть что. Поработайте еще некоторое время, за все сразу получите». Некоторые согласились, но я, Ли Ин-лун — уроженец уезда Цансянь, провинции Хэбэй, шаньдунец Гун Цин-хао, цзилинец Тун Вэнь-кэ и другие, всего более 40 человек, твердо решили там больше не оставаться и потребовали вагон, чтобы выехать в Петроград.

В Петроград мы прибыли как раз в дни Февральской революции. Нам сразу бросились в глаза разбитые окна и витрины, всюду толпился возбужденный народ, по улицам маршировали вооруженные рабочие и работницы, которые пели революционные песни и выкрикивали лозунги. После нескольких дней поисков мы, наконец, нашли главную контору и без всякой задержки полностью получили причитающиеся нам деньги. Очевидно, сказалось влияние совершившейся революции. Затем мы отправились в Рыбинск, где в течение трех месяцев работали по ремонту железнодорожных путей.

В июне 1917 года я с группой в двадцать с лишним человек приехал в Москву. Больше десяти дней прожили мы на станции Николаевка, а работы так и не нашли. И когда мы совсем отчаялись, встретили вдруг китайца Чжоу Лао-тая, который воспитывался в русской семье. Он посоветовал поехать на станцию Шарья, там мне удалось устроиться третьим помощником машиниста паровоза. Обязанности мои были несложны — подавать в топку уголь и смазывать паровоз. Позже я изучил специальность стрелочника.

Машиниста паровоза звали Михаилом, а его помощника — Иваном. Сейчас мне кажется, что оба они были большевиками. Особенно я подружился с Иваном. Когда пришло известие об Октябрьской революции, радости Михаила и Ивана не было предела. Я помогал им водружать красный флаг на паровоз и расклеивать пла-

каты. Они водили меня на собрания и митинги, я голосовал за установление Советской власти и громко кричал: «Долой Временное правительство Керенского!» Благодаря Михаилу и Ивану я начал понимать, что трудящиеся только тогда обретут счастье, когда возьмут власть в свои руки.

Царизм оставил тяжелое наследие — голод и разруху. Во всем ощущался острый недостаток.

Весной 1918 года четырнадцать империалистических государств начали вооруженную интервенцию против Советской России. В мае того же года корпус чехословацких военнопленных, отправляемый через Сибирь и Владивосток во Францию, поднял мятеж против Советской власти. Войска белого адмирала Колчака совместно с частями чехословацкого корпуса захватили район средней Волги, Урал, Сибирь, Дальний Восток и угрожали Москве. Многие мои знакомые железнодорожники вступили в Красную Армию, чтобы встать на защиту Советской власти.

В эти дни Михаил и Иван часто говорили мне: «Мы сможем зажить по-настоящему лишь в том случае, если пойдем в армию и уничтожим всех белогвардейцев!». Я полностью согласился с ними и решил последовать их совету. В июле того же года я оставил свой паровоз и приехал в Пермь. Прямо на станции я встретил китайцев, работающих на подвозке песка. Мы отправились на песчаный карьер, где работало несколько тысяч китайских рабочих. Во время обеда я стал спрашивать, как им живется. Мне отвечали: «Лучше не спрашивай! Везде, наверное, одинаково! Знаешь, идет набор добровольцев в Красную Армию, многие китайцы уже ушли, через несколько дней, пожалуй, и мы оденем военную форму!». Я поддержал их, а после обеда сам пошел на сборный пункт и записался добровольцем в Красную Армию. Набором ведал китаец из Шаньдуна по фамилии Шань Цин-хэ по прозвищу Эр-ху. Из добровольцев уже была сформирована часть, которая влилась в 3-ю армию. Меня направили в 9-е отделение 3-го взвода 3-й роты 1-го китайского отряда (батальона), входившего в состав резервного полка 29-й стрелковой дивизии. На четвертый день службы я был назначен командиром отделения. Полк целиком сформировался из китайцев — шахтеров, рабочих асбестового завода и железнодорожных ра-

бочих Урала; командовал им Го Лай-бинь, в прошлом грузчик. Наш 1-й китайский батальон состоял из четырех рот и насчитывал более 600 человек. Командиром батальона был Го Фу-чэнь. Фамилию командира 1-й роты я забыл, 2-й ротой командовал Ша Фу-линь, 3-й — Чжан Хай-чэнь, 4-й — У Гуань-и.

Батальон почти круглосуточно занимался боевой подготовкой, потому что наши бойцы в большинстве своем в прошлом никогда не держали в руках оружия.

В напряженной боевой учебе быстро пролетело два с лишним месяца. Наступил сентябрь 1918 года. К этому времени основные силы чехословацкого корпуса сосредоточились в Поволжье и на Урале с намерением захватить Свияжск и создать непосредственную угрозу Москве. 1 августа Ленин дал указание о немедленном разгроме мятежного чехословацкого корпуса. В начале сентября наш батальон выступил на фронт, чтобы совместно с отрядом Камской речной флотилии защищать Пермь. Отряд состоял из трех небольших пароходов, переоборудованных и вооруженных пушками уже во время войны. Мы погрузились на эти пароходы и прибыли в Степаново. Первое столкновение с врагом произошло у деревни Бабка. Китайские бойцы проявили себя как храбрые и умелые воины.

Мне очень хорошо запомнился этот бой. Перед рассветом мы выступили из деревни Ножовка в направлении деревни Бабка, где находился противник. 2-я и 3-я роты шли в авангарде наступающих. Примерно в 10 часов утра мы с боем заняли высоту, расположенную в полутора километрах юго-восточнее деревни Бабка, и начали окапываться, ведя в то же время перестрелку с противником. С восточной стороны проходил тракт в деревню Бабка. С высоты мы увидели командира нашего батальона товарища Го Фу-чэня, который ехал верхом на высоком красивом коне, держа в правой руке винтовку, а в левой — маленький красный флажок. Выехав на тракт, он остановил коня и громко закричал: «Храбрецы, братья! Наблюдайте за моим сигнальным флажком! Куда я укажу им, в том направлении и наступайте!» Через некоторое время он поднял флажок высоко над головой, резко взмахнул им вперед и скомандовал: «Вперед, в атаку!» Он, бесстрашный человек, но недостаточно опытный командир, совсем забыв, что людям за лошадью не

угнаться, пришпорил коня и оторвался от батальона. Он один ворвался на позицию противника и сразу же был окружен и схвачен белогвардейцами. Мы не успели подойти ему на помощь. Страшная весть о гибели Го Фучэня вызвала гнев в сердцах бойцов. Все поклялись отомстить за смерть командира. Роты лавиной устремились с высоты на позиции врага. В результате ожесточенного боя, продолжавшегося шесть часов, белогвардейцы были выбиты из деревни Бабка.

Бабка — это богатая, большая деревня, насчитывающая более двухсот дворов. При отходе белых вместе с ними убежали кулаки и некоторые середняки. В деревне осталось несколько бедняцких семей. Мы тщательно осмотрели все дома, но по своей неопытности не обратили внимания на церковь и не выставили охранения на ближайших высотах, за что потом жестоко поплатились. На следующее утро под давлением численно превосходящего противника (белогвардейцев было более 17 тысяч) мы оставили деревню Бабка. Когда наши подразделения переходили мост южнее деревни, белогвардейцы, спрятавшиеся на церковной колокольне, открыли с тыла огонь из пулеметов и пушек. Одновременно части врага, захватившие окрестные высоты, отрезали нам путь отступления. Мы понесли большие потери. Площадь вокруг церкви, берега реки, мост — все было устлано трупами китайских бойцов. Только в батальоне, где я служил, насчитывалось более 140 убитых. Командир нашей роты был ранен, а командир взвода погиб. Несмотря на поражение, китайские добровольцы показали врагам свою силу.

С трудом вырвавшись из окружения, мы расположились в районе Степаново, Ножовка. Заместитель командира отряда Камской речной флотилии помог нам обобщить опыт прошедших боев. Он отметил, что дрались мы отважно, но понесли большие потери, и объяснял это, во-первых, отсутствием у нас боевого опыта, а во-вторых, тем, что другие части Красной Армии вовремя не оказали нам поддержки. Позже стало известно, что последнее явилось следствием предательской тактики троцкистских элементов. За бой у деревни Бабка вышестоящее командование объявило китайскому батальону благодарность.

Вскоре меня назначили командиром взвода. Наш батальон в это время вел бои с белыми в районе Перми, по обоим берегам Камы. В ноябре месяце он вернулся в Пермь на отдых, где был пополнен тридцатью бойцами. Потом мы воевали в районе Бараново, Неволя, Еловка... Мы одержали много замечательных побед, но понесли серьезные потери. Погиб связной батальона — горячо любимый всеми воспитанник нашей части четырнадцатилетний Цзинь Лян-цзы, уроженец провинции Шаньдун. Командование старалось удерживать его в тылу, но он всегда тайком пробирался на передний край. В ожесточенном бою под Бараново Цзинь Лян-цзы, шаньдунец Хао Лю, тяньцзинец Хуан Лао и еще два бойца погибли от взрыва вражеского снаряда.

Деревенская беднота всегда горячо встречала нас. В ознаменование победы в Бараново в течение пяти дней проходили встречи бойцов с населением. Во время войны в деревнях жилось довольно тяжело, и все-таки каждая крестьянская семья (кроме, конечно, кулацких) старалась зазвать бойцов к себе в гости. Люди выкладывали свои скромные съестные припасы, старались поделиться последним.

В декабре над Пермью нависла смертельная опасность, на город ринулись отборные, хорошо вооруженные части чехословацкого корпуса. Наш батальон получил приказ немедленно включиться в оборону Перми. Крестьяне на своих лошадях доставили нас на станцию Кайковск, где мы погрузились в эшелон и отправились в Пермь. Батальон прибыл в Пермь в то время, когда из города уже вывозили в Вятку семьи военнослужащих и военное имущество.

На другой день на рассвете в городе началась стрельба. С помощью Троцкого и его единомышленников в штаб Красной Армии пробрались вражеские шпионы, которые вместе с военспецами — бывшими царскими офицерами — организовали мятеж. Мятежники захватили арсенал, на чердаках высоких домов установили захваченные пулеметы и начали обстрел красных частей. Штаб 3-й армии эвакуировался из Перми на запад. Враг начал преследование отступающих красных частей, они несли тяжелые потери. Тысячи бойцов погибли при переправе через Каму. Все это было следствием преступных действий троцкистов.

Штабы 3-й армии и 29-й стрелковой дивизии перебазировались в Верещагино, наш батальон с боями также отошел туда. Путь в 150 километров, от Перми до Верещагина, мы проделали почти без продовольствия. Бойцам выдали по два кусочка мерзлого хлеба, доставленного нам местными крестьянами. Штабы и управление боепитания расположились на станции. Поскольку 1-й китайский отряд в ходе последних ожесточенных боев показал себя самым стойким, командование дивизии выделило его на охрану штаба и боеприпасов, оказав тем самым китайским братьям по оружию высокое доверие. А так как китайские бойцы не умели читать по-русски да и почти не говорили, штаб дивизии отдал секретный приказ вырезать у всех печатей и штампов маленький уголок, чтобы китайские бойцы могли установить подлинность предъявляемых им документов.

В январе 1919 года после падения Перми и поражения 3-й армии создалась возможность объединения Восточного и Северного фронтов белых и последующего совместного наступления их на Москву. Тогда Центральный Комитет партии и Совет Обороны направили на Восточный фронт товарищей Сталина и Дзержинского. Прибыв в Верещагино, товарищ Сталин сразу же созвал в клубе железнодорожников совещание. Затем был организован большой митинг, на который собралось несколько десятков тысяч бойцов и местных жителей. Охрану совещания и митинга несли китайские бойцы. На совещании некоторые заявили: «У Красной Армии нет ни продовольствия, ни одежды, ни боеприпасов, а враг обладает огромной мощью! Как же в таких условиях продолжать войну?». На это товарищ Сталин ответил: «Нет продовольствия — будем резать лошадей и овец. Мясо пойдет в пищу, а шкуры на одежду. А борьбу все-таки будем продолжать до победного конца!»

В результате тщательной проверки в штабе армии, созданном Троцким, и в частях были разоблачены многие старые царские офицеры, шпионы, кулаки и другие антисоветские элементы. Товарищ Сталин приказал очистить штабы и части от контрреволюционеров.

В Верещагине наш 1-й китайский отряд был развернут в полк с присвоением наименования «Революционный полк». Командиром назначили Старикова, его заместителем — Лю Чжэнь-бяо.

В конце января наступил традиционный китайский праздник Весны. Коммунистическая партия позаботилась, чтобы мы могли соблюсти свой национальный обычай. Несмотря на продовольственные затруднения, китайцам выдали белую муку и свинину, и мы в течение трех дней готовили и ели пельмени, как это заведено у нас на родине.

После праздника Весны Революционный полк получил приказ выступить на восток для участия в контрнаступлении на Пермь. Ближайшей задачей полка было взятие Кайковска. С боями мы продвинулись до деревни Сидорово. Юго-восточнее деревни на возвышенности укрепились белогвардейцы. Между нашими позициями и возвышенностью пролегал овраг. Закрепившись в траншеях, вырытых в снегу, и непрерывно ведя перестрелку, мы стояли друг против друга более двадцати дней. Когда же противник, не выдержав нашего огня, начал отступать, мы бросились преследовать его. Нас разделяло небольшое, в километр, расстояние. Однажды я взял бинокль, посмотрел в сторону противника и попросил соседа: «Возьми-ка бинокль, понаблюдай, сколько белогвардейских зайцев удастся мне подстрелить!». Когда я сделал примерно десять выстрелов, — а я был неплохим стрелком, — товарищ ответил: «Молодец, ты уложил четырех белогвардейцев!»

Белогвардейцы отошли примерно на десять километров, а полк на столько же продвинулся вперед. Западнее Кайковска местность ровная. Противника от нас отделяла лишь небольшая роща. Когда наш полк пошел в атаку, белогвардейцы перешли в контратаку — завязался рукопашный бой.

В нашей роте воевали три замечательных товарища: шаньдунец Сун Цзинь-юн и два уроженца города Цзиньчжоу — Ми Вань-шань и Чжао Дэ-гуй. Все высокие, широкоплечие, статные и необыкновенно сильные. Сун Цзинь-юн бросал ручную гранату на 70 метров, а Чжао Дэ-гуй хорошо владел приемами классического китайского рукопашного боя. В схватках с врагом они всегда проявляли необыкновенную смелость и непревзойденное мастерство. В этой схватке три друга дрались с каким-то особенным упорством. Один только Чжао Дэ-гуй заколол штыком не меньше десятка белогвардейцев.

На полях лежал глубокий снег, передвигаться было очень трудно. В этих условиях тот, кто начнет отступать, конечно, понесет очень тяжелые потери, так как преследующие смогут вести точный прицельный огонь. Бой продолжался шесть часов, враг начал одолевать нас. Но на помощь нашей роте подошла еще одна рота полка, и враг отступил. Обе стороны понесли большие потери, снег был алым от крови. В этом бою сложил свою голову мой лучший друг Цао Го-жэнь — уроженец города Тяньцзиня.

Ввиду значительного превосходства противника в живой силе контрнаступление Революционного полка на Пермь не увенчалось успехом. Белые армии продвигались на запад, намереваясь захватить Вятку. В феврале 1919 года наш полк отступил в район Глазова и встал на оборону подступов к Вятке, чтобы воспрепятствовать продвижению белогвардейцев к Москве. Здесь мы вели кровопролитные бои до конца апреля.

За полгода жестоких боев 1-й китайский батальон сильно поредел. В нашем взводе из 48 человек уцелело лишь немногим больше половины, в других погибло еще больше. Позже Ли Цзы-хэн привел в наш полк более 50 китайских рабочих Алапаевского асбестового завода. Через некоторое время оставшиеся подразделения Революционного полка были сведены в один батальон и вошли в состав 255-го Крестьянского полка. Командиром батальона, получившего наименование 3-го, назначили Ли Цзы-хэна.

Весной 1919 года части Красной Армии под руководством выдающихся полководцев товарищей Фрунзе, Куйбышева и Чапаева начали всеобщее наступление на Колчака и одержали ряд замечательных побед. После первомайского праздника наш батальон также выступил против чехословацкого корпуса. Наступление развивалось очень успешно, противник беспорядочно отступал на восток, не оказывая никакого сопротивления. Солдаты белой армии при подходе частей Красной Армии выбрасывали над окопами белые флаги, затем выходили из окопов, становились на колени или ложились на землю и поднимали винтовки над головой. В каждом бою мы брали в плен тысячи вражеских солдат, некоторые пленные, после того как мы проводили с ними соответствующую разъяснительную работу, вступали в Красную Ар-

мию. Вскоре после начала всеобщего контрнаступления красные части освободили Верещагино, Пермь и Екатеринбург. Наступление наших войск продолжалось до Иркутска, где был захвачен Колчак и полностью разбиты остатки белой армии.

В 1920 году, когда боевые действия закончились, 255-й Крестьянский полк был введен в состав 5-й армии. Из китайских подразделений этой армии сформировали отдельный полк, ему присвоили почетное название «Интернациональный». Интернациональный полк был расквартирован в Иркутске. Весной следующего года меня, по моей личной просьбе, демобилизовали из Красной Армии. За несколько лет войны я получил три легких ранения: в спину, в руку и в ногу. Мой полушубок во многих местах был пробит пулями и осколками снарядов.

Хотя война закончилась, в различных местах все еще продолжали действовать остатки контрреволюционных, антисоветских элементов. Борьба с ними отвлекала от восстановления разоренного народного хозяйства. В этих исключительно тяжелых для страны условиях мы, бывшие бойцы Красной Армии, конечно, не могли оставаться посторонними наблюдателями. Некоторые товарищи пошли работать на заводы, другие приняли участие в восстановлении сельского хозяйства, третьи включились в работу по борьбе с бандитизмом; лишь немногие вернулись к себе на родину. Я вместе с товарищами Чжан Шунем — уроженцем Дэчжоу, Ма Цин-юанем — уроженцем Гаотана и Пэй Чжэнь-жэнем — уроженцем Гуаннина вступил в одно из подразделений Н-ского Особого отряда по борьбе с бандитизмом. Интересный разговор произошел между мной и командиром отряда, когда мы пришли представляться. Командир отряда товарищ Цвейкин, посмотрев мой документ о демобилизации, смущенно сказал:

— Так вы, товарищ, были командиром взвода! А у нас нет таких вакансий!

— А рядовым не возьмете? — спросил я.

Товарищ Цвейкин удивленно посмотрел на меня и ответил:

— Вы же были командиром взвода, как можно зачислять вас рядовым? Это же...

— Разве бывший комвзвода не может быть хорошим солдатом? — прервал я его.

Командир расхохотался, схватил мою руку, крепко сжал ее и сказал:

— Ну смотрите, потом не раскаивайтесь!

В отряде было более сорока человек. С осени 1921 до конца 1922 года мы работали сначала в Канске, а затем в районе Минусинска. Главная наша задача состояла в том, чтобы очистить эти районы от реакционных кулацких элементов и остатков семеновских и колчаковских банд. Действовал отряд только по ночам и всегда в тесном контакте с местными жителями, которые помогали нам обнаруживать бандитов. Работа шла очень успешно. За год с небольшим мы в основном очистили эти районы от контрреволюционных элементов, восстановили порядок, укрепили Советскую власть на местах. За успешные действия штаб главного отряда в Иркутске объявил нам благодарность.

В 1923 году я возвратился на железнодорожный транспорт и до 1926 года ремонтировал железную дорогу и мосты между городами Чита и Хабаровск. Затем я уехал на золотой прииск Улугань, где когда-то работал.

К этому времени в СССР уже были достигнуты значительные успехи в восстановлении народного хозяйства, и жизнь трудящихся стала много лучше. Профсоюз прииска послал меня на технические курсы, после окончания которых я стал мастером. Зарабатывал хорошо, вполне хватало на питание и одежду и, кроме того, ежемесячно оставалось 70—80 рублей. Теперь, когда жизнь наладилась, я все чаще и чаще вспоминал о родном доме и решил, что буду ежемесячно посылать домой по 20 рублей, что по курсу того времени составляло 46 китайских юаней. На эти деньги сможет хорошо жить вся моя семья. Значит, не напрасно я оторвался от родных, уехал в такую даль и перенес столько горя и страданий. Теперь мне не стыдно перед моими старыми родителями и женой, которые день и ночь ждут моего возвращения. Наконец-то я могу одеть, обуть и накормить своего сына. Размышления о семье и доме доставляли мне большую радость!

На прииске я проработал до 1931 года и все эти годы посещал общеобразовательную школу, изучая одновременно и политграмоту. В 1938 году возвратился на родину, там под руководством Компартии Китая принимал участие в борьбе против японских оккупантов и в

освободительной войне против гоминьдановских реакционеров. В 1950 году мне удалось, наконец, увидеть свой родной дом, который я оставил 44 года назад. Дома все настолько изменилось, что я ничего не узнал. Мои родители, жена и сынишка давно умерли от голода и болезней. Но мне посчастливилось все-таки увидеть моего брата Лю Юй-фу, коммуниста, заместителя председателя сельского народного комитета. Встретился я также с племянником Лю Цзюнь-цином. Он тоже член партии, работает на угольной шахте Мыньтоугоу.

Я увидел в Китае новую жизнь. Все, что принесла нам революция, можно выразить одним словом: счастье.

Литературная запись Цзяо Е

Ван Хун-сюнь

Великое крещение Октября

Встреча Ленина на Финляндском вокзале

В Петрограде, на берегу Невы, находился огромный завод «Металлист», в механическом цехе которого я работал в 1917 году. В России я прожил уже три года, но говорить по-русски так и не научился. Поэтому каждый раз, разговаривая с русскими, мне то и дело приходилось прибегать к помощи нашего переводчика Вэнь Мин-лая.

Хозяин завода жильем рабочих не обеспечивал, и у нас не было крыши над головой. Однажды мы, китайские рабочие, случайно забрели в казарму к русским солдатам. Они отнеслись к нам сочувственно, накормили и оставили ночевать у себя. Приходилось жить и в ночлежке, где брали пятак за ночь; спали там на длинных деревянных нарах, разгороженных досками. Ширина каждого места — не больше двух чи[1]. Ляжешь в такую «постель», сожмешься в комок и на другой бок уж не повернешься.

Через некоторое время мне посчастливилось: я познакомился с одним добряком-сапожником, который приютил меня в своей ветхой деревянной каморке.

С продовольствием в Петрограде было очень плохо, за хлебом приходилось ездить в деревню к крестьянам. Тогда-то я и столкнулся с этой дрянью — кулаками.

[1] Чи — мера длины, равная 32 см.

Хлеба у них полные амбары, а дать — даже крошки не выпросишь. Бедняки — дело другое. Они по-настоящему хорошо относились к нам, китайцам: всегда делились всем, что имели. Накормят, бывало, и ночевать оставят. Подметут пол в избе, положат на него мягкий матрац из соломы, а какая-нибудь русская старушка накинет еще на тебя тулуп, чтобы не замерз.

В первых числах апреля, на пасху, в двенадцатом часу ночи вышел я прогуляться и подышать теплым весенним воздухом. Незаметно дошел до Финляндского вокзала. Вижу: привокзальная площадь заполнена тысячами людей — рабочими, солдатами, матросами; у многих в руках факелы, лозунги, знамена. Аплодисменты, смех, крики «ура» — все слилось в единый гул. Меня заинтересовало, что происходит, почему люди такие радостные, возбужденные. Хотел пробраться вперед, но не сумел, спросить — русского языка не знаю.

Прошло некоторое время, и на площади постепенно установилась тишина. Мне показалось, что вдали кто-то произносит речь. Я стал внимательно прислушиваться к разговору стоявших рядом со мной русских рабочих. Радостные и улыбающиеся, они то и дело повторяли: «Ленин», «Ленин». В то время я еще не знал, кто такой Ленин, но видел, с какой любовью и уважением произносят это имя простые люди. И тогда я понял, что человек, которого так горячо встречают, — Ленин. Здесь, у Финляндского вокзала, я впервые услышал это имя — Ленин!

Вдруг впереди снова послышались возгласы: «Ура!», «Да здравствует социалистическая революция!».

Поток людей хлынул вперед, увлекая меня за собой. Но когда я оказался в центре площади, Ленина там уже не было. Смеясь и разговаривая, все стали расходиться. Глубоко взволнованный, вернулся я домой.

Сама эта ночь, та поистине волнующая атмосфера, которая царила на Финляндском вокзале, зажгли в моем сердце новые надежды.

Китайский рабочий патруль в Петрограде

После возвращения Ленина в Петроград я стал замечать большие перемены на нашем заводе. Заводовладелец уже не осмеливался ни с того ни с сего избивать и ругать рабочих, и зарплату мы стали получать вовремя.

У народа поднялось настроение, возросла активность. Русские рабочие время от времени проводили собрания и приглашали на них нас, китайцев. Я всегда с большой охотой ходил на собрания.

В мае и июне на заводе часто вспыхивали стачки. Однажды во время работы к нам в механический цех пришел какой-то человек. Он встал на скамейку и обратился к нам с речью. Рабочие окружили его и стали слушать. Сразу же после выступления незнакомец ушел. «Бросай работу! — обратились ко мне русские товарищи. — Пошли на демонстрацию против Керенского!» Я вытер руки и с колонной рабочих вышел на улицу.

Улицы уже были заполнены демонстрантами. Над головами людей плыли знамена и лозунги. К рабочим присоединялись матросы и солдаты. Громовые раскаты «ура» сотрясали весь Петроград. На площадях с наспех сколоченных трибун звучали речи ораторов. Слова агитаторов-большевиков указывали народу путь к свету, они глубоко западали в сознание рабочих и укрепляли в них уверенность в правоту великого дела большевистской партии.

А через несколько месяцев свершилась Великая Октябрьская революция.

Летом 1920 года в Петрограде была создана китайская ячейка РКП(б). Один ответственный работник — товарищ Поливанов, говоривший по-китайски, часто проводил с нами, китайскими рабочими, беседы на политические темы, обучал русскому языку. С помощью товарища Поливанова и китайской коммунистической ячейки я понял глубокий смысл свершившейся революции. Покинув родину и приехав в Россию на заработки, я в полной мере испытал на себе гнет и эксплуатацию капиталистов, вдоволь хлебнул горя от русских подрядчиков. И только после Октябрьской революции я, китайский рабочий, оказавшийся без родных, близких, не имеющий никакой опоры, испытал теплое отношение к себе, познал дружбу. Будучи еще недостаточно подготовленным для вступления в партию, я состоял только в группе сочувствующих коммунизму.

В марте 1921 года в Кронштадте вспыхнул контрреволюционный мятеж. Контрреволюционеры кричали во всю глотку: «За Советы, но без большевиков!» Революции грозила серьезная опасность. В эти дни ко мне за-

шел товарищ Поливанов. «Все наши вооруженные отряды отправились на подавление контрреволюционного кронштадтского мятежа, — сказал он. — Петрограду угрожает серьезная опасность, так как в любой момент белые и буржуазия могут поднять восстание, чтобы свергнуть нашу власть. Мы, рабочие, должны вооружиться и встать на защиту своих завоеваний».

«Какую бы работу ни поручили мне большевики, я приложу все свои силы, чтобы выполнить ее», — ответил я.

По указанию Поливанова я отправился на Невский проспект в дом № 41, где помещался первый райком партии. Сколько же собралось там народу! Огромное здание было переполнено, все ожидали распоряжений и распределения. С большим трудом мне удалось пробиться в кабинет, чтобы рассказать товарищам из райкома о задании, которое я получил от Поливанова. Меня тут же представили одному рабочему-китайцу. «Это ваш командир отряда, товарищ Чжу Вань-фу, — сказали мне. — Будете находиться в его распоряжении».

Глубокая ночь, кругом — мертвая тишина. Над Невой веет леденящий холодный ветер. Наш патруль, состоящий из двадцати с лишним китайских рабочих, вооруженных винтовками, вышел в дозор по городу. Товарищи из райкома партии дали нам четкие инструкции: бдительно нести службу, быть постоянно готовыми к подавлению белогвардейского мятежа в Петрограде, к защите колыбели революции.

Через несколько дней кронштадтский мятеж был подавлен, а наш патрульный отряд распущен.

Коммунистический университет трудящихся Востока в Москве

Летом 1921 года в Москве был создан Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). По рекомендации китайской ячейки РКП(б) я приехал в Москву учиться. Университет находился у Страстной площади (теперь площадь Пушкина). Вначале там не было студенческого общежития, и первое время я и еще один китаец спали на сцене клуба. В сентябре начались занятия и мы переехали в общежитие. Это был пятиэтажный дом под глазированной черепицей. Из больших окон откры-

вался вид на площадь и памятник Пушкина. Ректор университета Бройдо [1] часто рассказывал слушателям о нравах и обычаях разных народов, а иногда приносил национальные костюмы для того, чтобы мы разбирались во вкусах и особенностях культуры этих народов.

В университете обучалось более тысячи человек, в том числе китайцы, монголы, корейцы, индийцы и японцы. На китайском отделении насчитывалось сорок с лишним слушателей. За период с 1921 по 1924 год на учебу в Москву приезжали товарищи Жэнь Би-ши, Ван Жо-фэй, Чжао Ши-янь, Сяо Цзин-гуан, Сюй Чжи-чжэнь, Сяо Сань и другие [2].

Все мои знания тогда ограничивались несколькими самыми простыми иероглифами. Товарищи Жэнь Би-ши и Ван Жо-фэй очень помогали мне в учебе, учили читать и писать. Впоследствии парторганизацией китайского отделения КУТВа я был принят в партию.

В 1921 году в Советской России был страшный голод. Учиться стало еще труднее. Не хватало бумаги, карандашей. Каждому выдавали по большому листу бумаги, который приходилось самому разрезать и сшивать в тетрадь. Учебники печатались стеклографским способом. На всех занятиях, кроме уроков русского языка, нам помогал переводчик Ли Чжун-у.

Помнится, что в те годы общественные науки преподавал нам товарищ Цюй Цю-бо — московский корреспондент газеты «Чэньбао» [3]. Он занимал небольшую ком-

---

[1] Бройдо Г. И. — член РСДРП с 1903 года. Принимал участие в организации Коммунистического университета трудящихся Востока, ректором которого состоял до конца 1926 года. — *Прим. перев.*

[2] Жэнь Би-ши — позднее секретарь ЦК КПК, умер в 1950 году.

Ван Жо-фэй — позднее член ЦК КПК, погиб во время авиационной катастрофы в 1946 году.

Чжао Ши-янь — коммунист, в 1927 году погиб от руки гоминьдановских палачей.

Сяо Цзин-гуан — ныне член ЦК КПК, командующий военно-морским флотом КНР.

Сюй Чжи-чжэнь — ныне вице-председатель Всекитайской федерации профсоюзов.

Сяо Сань (Эми Сяо) — коммунист, известный китайский поэт, член Центрального правления Общества китайско-советской дружбы. — *Прим. ред.*

[3] Цюй Цю-бо, 1899—1935 гг. — один из видных руководителей КПК, основоположник марксистской литературной критики в Китае. — *Прим. ред.*

нату. Достанет, бывало, немного рису, придет к нам в общежитие и скажет: «Я только что раздобыл немного рису. Давайте приготовим его и поедим все вместе». Так мы и делали, а главное попутно беседовали на самые различные темы. Всем это очень нравилось.

Несмотря на трудности, настроение у слушателей было бодрое. Мы часто выходили на субботники. Едва дирекция успеет распределить работу, как более тысячи студентов уже строятся в колонну и под звуки горна и барабана направляются к месту работы. Студенты организовали культбригаду, которая выступала во время праздников и на вечерах. По старинной китайской традиции мои соотечественники развешивали в праздничные дни китайские цветные фонарики, которыми так восхищались наши друзья из других стран. Для подготовки спектаклей в помощь культбригаде присылали режиссеров из московского драматического училища. Товарищ Сяо Сань, я и некоторые другие студенты участвовали в представлениях. Иногда мы выступали в Доме старых большевиков, где престарелые ветераны революции неизменно оказывали нам самый горячий прием. Некоторые из них участвовали еще в Парижской коммуне 1871 года.

Во время учебы в Коммунистическом университете мы регулярно получали известия с родины. Многие из партийных товарищей, приезжавших из Китая, выступали перед нами с докладами. В 1923 году мы обсуждали вопрос о стачках в Китае, в 1924 году провели множество собраний, на которых горячо обсуждали вопрос о сотрудничестве компартии и гоминьдана.

Я заканчивал КУТВ. И тут произошло большое, непоправимое несчастье, которое глубокой болью отозвалось в сердцах трудящихся всего мира: 21 января 1924 года в Горках, под Москвой, умер великий вождь и учитель пролетариата — Владимир Ильич Ленин. Когда до нас дошла эта печальная весть, мы заплакали. В университете состоялся траурный митинг. На следующий день утром слушатели и преподаватели в полном составе направились строем к Колонному залу Дома Союзов. В этот день улицы были заполнены народом. Построившись в нескончаемо длинные колонны, люди молча ждали. Только после полудня мы колонной по два человека стали медленно входить в зал. Гроб с телом Ленина был установлен на высоком постаменте. Я шел очень медленно и,

вглядываясь в дорогие черты вождя, вспомнил митинг у Финляндского вокзала в 1917 году. Ведь тогда я совсем не знал его, а все последние годы я жил, учился и работал рядом с ним. Часто я думал: «Если мне снова доведется встретиться с товарищем Лениным, все поведаю ему, что у меня на душе». И вот Ленин передо мной, но уже ушел от нас навсегда... Я плакал и все оборачивался, чтобы еще и еще, в последний раз, взглянуть на товарища Ленина. Я видел, как многие смахивали платком набегавшие на глаза слезы...

Воскресенье. Город окутан инеем и морозной дымкой. Трескучий мороз. Чуть забрезжил рассвет, а наша колонна уже заняла свое место на одной из улиц, прилегающих к Красной площади. К этому времени улицы и переулки вокруг были заполнены людьми. Все замерли в скорбном молчании. В городе приспущены флаги, колышутся ленты из черного крепа. Под звуки траурного салюта трудящиеся провожают в последний путь великого вождя и учителя мирового пролетариата — Владимира Ильича Ленина...

В июне 1924 года я окончил Коммунистический университет трудящихся Востока и в течение многих лет был на партийной и профсоюзной работе, принимал участие в колхозном строительстве. Несколько месяцев назад я вернулся на родину. Сейчас мне 62 года. И то, что тридцать с лишним лет я честно служил делу коммунизма, неразрывно связано с именем Ленина и с той закалкой, которую я получил в стенах Коммунистического университета трудящихся Востока в Москве.

Литературная запись Нань Синь-чжоу

Ли Син-пэй

Китаец Ли Фу-цин — боец личной охраны Ленина

Необходимое вступление

В канун сороковой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эру в истории человечества, я с чувством огромной радости и глубочайшего уважения к старшему поколению революционеров навестил участника революционных боев в Советской России товарища Ли Фу-цина.

В 1917 году товарищ Ли Фу-цин вступил в один из партизанских отрядов, действовавших на юге России, и в течение нескольких лет воевал в Белоруссии, на Украине, на Кавказе и в Польше, был четыре раза ранен. Некоторое время товарищ Ли Фу-цин состоял в личной охране Ленина. Сейчас он работает в производственно-строительном управлении инженерных войск Синьцзянского военного округа.

Ли Фу-цину исполнилось 59 лет, у него выпали все зубы, но он очень бодр и жизнерадостен. И если кто-нибудь напомнит ему о возрасте, Ли Фу-цин тотчас возразит: «Нет, я не стар. Что делаете вы, то и мне под силу!» Вот какой он, этот упорный человек.

Наша беседа продолжалась несколько дней и вечеров подряд. Каждый эпизод жизни Ли Фу-цина глубоко волновал меня. Не раз я думал: «Вот он — живой учеб-

ник истории, учебник Октябрьской революции, китайско-советской дружбы!»

Мне хочется познакомить читателя с наиболее яркими эпизодами из действительно большой жизни Ли Фу-цина.

Отъезд с любимой родины

Родился Ли Фу-цин в 1898 году в городе Шэньяне. Отец его плотничал, мать ослепла и была совершенно беспомощной. Семья жила очень бедно. С двенадцати лет мальчику пришлось пасти свиней у богача, который вскоре прогнал его. Ли Фу-цин перешел к другому богатею и пас у него коров. Шестнадцати лет юноше удалось устроиться учеником повара в один из ресторанчиков Шэньяна. В том же году его помолвили с девушкой из семьи Ван. Семья увеличилась до восьми человек, и жить, естественно, стало еще труднее, тем более, что работал по-прежнему один отец. Иногда по нескольку дней подряд в доме не варили пищи, и голодные дети беспрерывно плакали. А тот юань, который ежемесячно получал в ресторане Ли Фу-цин, делу помочь не мог: он выглядел кружкой воды, которой никак не загасишь горящего воза с сеном. А как трудно было заработать этот единственный юань! Ли Фу-цину приходилось сносить брань и побои от хозяина; несмотря на свою молодость, он уже познал немало невзгод и имел некоторый жизненный опыт. Он не мог больше смотреть, как надрывается от непосильной работы отец. И вот, чтобы хоть чем-нибудь помочь старику, Ли Фу-цин вместе со своим двоюродным братом отправляется в Цяньцзиньчжай (ныне Фушунь), где нанимается к капиталисту грузить уголь в вагоны. Он надеется сколотить немного денег и помочь родным. Кто знал, что заработок его будет таким же низким, как в ресторане.

В апреле 1916 года среди рабочих угольных копей пронесся слух, что в Шэньяне русские набирают рабочих и что кое-кто уже завербовался и получил двести рублей подъемных. Сразу двести рублей! В представлении Ли Фу-цина это было невероятно. Он поехал домой, чтобы посоветоваться с родителями. Старики поддержали его намерение завербоваться. Но запротестовала бабушка. «Виданное ли дело продавать родное дитя за двести рублей? — ворчала она. — Ни за что не отпущу его!»

— Бабушка, — настаивал Ли Фу-цин, — ведь через два года я вернусь. Что же тут страшного? И потом не один же еду, а с двоюродными братьями.

С трудом удалось уговорить ее. Вместе с двоюродными братьями Чэнь Чжи-жуном и У Чжи-хуа отправился Ли Фу-цин в храм у Западных ворот Шэньяна, где находился вербовочный пункт. Во время медицинского осмотра все трое боялись, что их забракуют, а Ли Фу-цин, опасаясь, как бы его не сочли слишком молодым, прибавил себе год. Но, к счастью, все трое оказались годными, каждый нашел себе поручителя и получил по двести рублей. Деньги сразу же были переданы родным.

В первой группе завербованных насчитывалось более трех тысяч человек. Перед самой посадкой в поезд кто-то сказал, что каждому завербованному в Россию полагается не по двести, а по пятьсот рублей. Обратились было за разъяснением к сопровождающему, но тот отрезал: «Остальные триста рублей идут на оформление и дорожные расходы». Кули заволновались, некоторые захотели остаться. Но было поздно: получив по двести рублей, люди перестали принадлежать самим себе.

Итак, Ли Фу-цин, которому едва исполнилось восемнадцать лет, сидел в душной теплушке и должен был покинуть родную семью, землю, на которой родился и вырос, и ехать в совершенно незнакомую страну.

Русский царь — мошенник международного масштаба

Поезд с тремя тысячами кули идет на запад. И кажется, дороге нет конца. Чем дальше, тем больше остановок, тем чаще меняется паровоз. Так прошло более двадцати суток. Из-за бесчисленных поворотов у многих кули началось головокружение, люди утратили способность ориентироваться. Никто не знал, как далеко они отъехали от дома и где находятся.

Некоторые стали удивляться: «Почему так долго едем?» Обратились к переводчику, а тот говорит: «Россия велика! Чего вы всполошились? Вас ведь не заставляют идти пешком».

В теплушках царил мрак. Двери открывались, когда завербованным приносили пищу или когда они выходили по естественным надобностям. И тем не менее многие кули все еще лелеяли надежду, что в обетованном краю они разбогатеют и смогут помогать своим семьям.

Наконец поезд остановился в последний раз. Сопровождающий эшелон переводчик (а на деле — подрядчик) скомандовал: «Приехали! Выходи из вагонов!» Смотрят кули и глазам своим не верят — никакого завода нет, людей не видно, стоят несколько деревянных домиков и куда ни глянь — кругом лес без конца и края.

— А где же завод? — спрашивают у переводчика.

— В лесу! — отвечает тот.

Многим показалось странным, что завод находится в лесу. Но еще больше все удивились, когда переводчик приказал размещаться в покрытых плесенью бараках.

— В первую очередь заготовим для завода лес, построим дорогу, — говорил он, — а тогда пойдем на завод.

В пословице говорится: «Когда над тобой низкий карниз, как тут не пригнуть голову». И китайские кули с большим сомнением взялись за заготовку леса для несуществующего завода и за строительство дороги. Бараков на всех не хватало, и многим пришлось спать в палатках, а то и вовсе под открытым небом. Питались черным хлебом и картошкой.

Дней через пять с запада вдруг появились царские войска, и китайцам приказали рыть окопы. «В чем же дело?» — заволновались кули. Они чувствовали, что их обманули.

В то время как первая мировая война охватила всю Европу и Россия вела войну против Германии и Австро-Венгрии, русский царь в поисках пушечного мяса вступил в сговор с милитаристами Северо-Восточного Китая и разыграл комедию «вербовки рабочих».

И вот оказалось, что кули роют окопы на границе Российской и Австро-Венгерской империй. Обращение в царской армии с китайцами было чрезвычайно жестоким — стоило китайцу чуть-чуть замешкаться, как на него тут же сыпались удары нагайкой или прикладом. И многие решили бежать домой. Но как? Кули даже не представляли, в каком направлении находится Китай. Русского языка они не знали, в кармане — ни гроша. Так до дому не добраться. Вот уж, как говорится, ни небо не внемлет мольбам, ни земля — слезам.

Один рабочий заболел от непосильной работы и несколько дней не вставал с койки. Царский офицер счел это за саботаж и силой выгнал его на работу. В тот же

вечер больной повесился. А другой китаец по фамилии Ван, не желая больше сносить издевательства, умышленно отрубил себе пальцы на руке. Подобные происшествия, от которых буквально холодело сердце, случались чуть ли не ежедневно. В мире капитализма трудящиеся фактически лишены прав человека, и классическим примером и подтверждением этого положения служили китайские кули, оказавшиеся в России. Кто мог позаботиться и заступиться за них?

А когда до китайцев донеслась артиллерийская канонада, они забеспокоились еще сильнее. Кули по прозвищу У Эр-ху стал агитировать своих товарищей за забастовку. Все откликнулись на его призыв. Пять представителей во главе с У Эр-ху обратились к командованию с требованием отправить китайских рабочих на родину. Переговоры окончились арестом делегатов. И только через два дня, когда и китайские рабочие, и царские войска попали в плен к немцам, окружившим этот район, пять делегатов возвратились к своим товарищам.

Немецкое командование согнало кули в концлагерь, и попали они, что называется, из огня да в полымя. В лагере с китайцами обращались еще хуже, чем в царской армии. В день выдавали по одному куску черного хлеба с чайную чашку величиной. Откусишь его, а на зубах песок скрипит. С утра до поздней ночи заставляли кули строить тюрьмы, прокладывать дороги. Не скупились немцы ни на пинок ногой, ни на удар плетью или штыком. И немало народу погибло от побоев, от непосильного труда. Ежедневно из концлагеря целыми грузовиками вывозили трупы умерших. Вот то «благодеяние», которое принесла человечеству империалистическая война!

Искра

Весной 1917 года неизвестно по какой причине немецкое командование освободило всех оставшихся в живых китайцев. Вместе с русскими военнопленными они возвратились в Россию. Дальнейшей судьбой кули никто не интересовался, их ожидали голод и смерть. Война разорила Россию. Положение бывших военнопленных не беспокоило Временное правительство, занятое войной с Германией и подавлением нараставшего революционного движения внутри страны. Толпы голодных кули бродили по украинским степям.

Однажды группа китайцев, в которой был Ли Фу-цин, встретилась с одним русским по фамилии Иванов. Вот что услышали они от этого русского: «Товарищи, чтобы остаться в живых, надо организоваться и начать бить царские войска. У них в пакгаузах есть и хлеб, и одежда. Все подохнем с голоду, если и дальше будем болтаться, как слепые, без всякой цели!».

К этому времени Ли Фу-цин уже понимал немного по-русски и он почувствовал, что Иванов прав. И Ли Фу-цин, Чэнь Чжи-жун и У Чжи-хуа, посоветовавшись между собой, решили идти вместе с ним. Образовался отряд из ста семидесяти — ста восьмидесяти китайцев и около трехсот русских; командиром выбрали Иванова. Вооруженные несколькими винтовками, прихваченными с фронта, они окружили однажды полицейский участок в небольшом населенном пункте и захватили более тридцати старых винтовок. Несколько позже, совершив налет на роту царской армии, отряд добыл еще около ста винтовок. Вооружившись, отряд Иванова стал совершать налеты на гарнизоны, громить склады. Когда удавалось захватывать большие трофеи, часть раздавали крестьянам. Те в свою очередь привозили в отряд картофель и кукурузу.

Между китайцами и русскими в отряде завязалась крепкая дружба. Русские партизаны очень заботились о своих товарищах по оружию. Появится в отряде белая мука — ее прежде всего выдают китайцам; точно так же поступали и с хорошим обмундированием; а подвернется случай разместиться на ночлег в доме — его уступают китайцам. Китайцы на такое отношение к себе отвечали любовью и преданностью, они пекли хлеб для русских товарищей, помогали им чинить рваную одежду. Постепенно отряд сплотился в дружную семью.

Так возник и оформился боевой отряд. Позднее Ли Фу-цин понял, что отрядом руководят большевики. Это был один из первых красных партизанских отрядов, действовавших на территории Украины и Белоруссии. Как видно, в степях и лесах разгорелся из искры большой пожар.

В марте партизанский отряд с боями пробился к окраинам Минска. Однажды было решено ударить по одной железнодорожной станции. К вечеру, когда спустились сумерки, отряд стал пробираться по лесу.

С наступлением ночи бойцы вышли наконец из леса. В небе мерцали звезды, на полях стояла мертвая тишина. В то время в России пустовали огромные площади земли: русский царь угнал тысячи крестьян на фронт, многих война заставила покинуть родные места и бежать в чужие края.

Растаял снег, и была непролазная грязь. Пробираясь в потемках, бойцы то и дело спотыкались и падали. Один китайский товарищ пошел по посевам. Но тут же последовал приказ командира: за исключением самых крайних случаев по посевам не ходить. Вызвав к себе этого бойца, командир терпеливо разъяснил ему, что, когда в партизанском отряде кончается продовольствие, его привозят крестьяне — кормильцы партизан. «Мы должны беречь посевы», — сказал в заключение командир.

Под покровом ночи отряд незаметно продвигался вперед. К восьми часам утра он достиг небольшой рощи в трех километрах от станции. Здесь командир и поставил боевую задачу.

По данным разведки, на станции находилось двести с лишним белогвардейцев, более пятидесяти из которых расположились в пятистах метрах от станции и заняли оборону у водонапорной башни. Помимо того, стало известно, что в девять часов вечера со станции должен отправиться на фронт эшелон с боеприпасами.

Командир отряда решил выделить сто человек для нападения на эшелон, а группой в восемьдесят бойцов атаковать водонапорную башню. Остальными силами решено было наступать на станцию.

В число ста бойцов, назначенных для уничтожения эшелона с боеприпасами, попал и Ли Фу-цин. Когда до станции осталось два километра, командир группы приказал Ли Фу-цину и еще семи бойцам разобрать железнодорожный путь. Остальные, заняв удобную позицию, прикрывали действия подрывников. Захватив с собой ломы и другой инструмент, Ли Фу-цин и его товарищи поползли к железнодорожному полотну. Двое из них, в прошлом железнодорожники, были хорошо знакомы с подобной работой. Поэтому колею разобрали очень быстро и, спрятавшись за насыпью, стали ждать приближения поезда.

Ночи ранней весной холодные. Руки, сжимавшие винтовки, прямо-таки одеревенели от холода. А когда

ждешь, время тянется особенно медленно. Но поскольку бойцы верили в победу, на душе у них было радостно. Казалось, прошло бесконечно много времени, и вот наконец вдали послышался шум поезда. Он становился все громче и громче, а сердца бойцов бились все чаще и чаще. Загудел паровоз, оглушительно грохотали колеса по рельсам. Бойцы один за другим взяли на прицел быстро приближающийся к ним темный силуэт. Вот он дошел до разобранного участка пути, послышался ужасный грохот — и паровоз полетел под откос. С треском и скрежетом, сходя с рельс, наскакивали один на другой вагоны. Рвались боеприпасы. В пламени взрывов было видно, как разбегаются в панике объятые ужасом солдаты противника, мечутся и топчут людей обезумевшие кони, соскочившие с платформ.

Партизаны открыли огонь по противнику, и вряд ли кому удалось унести ноги из-под этого града пуль. Не прошло и двадцати минут, как все было кончено.

Как раз в это время со стороны станции послышалась бешеная ружейная пальба, и Ли Фу-цин с товарищами бросились на помощь к группе, наступающей в направлении водонапорной башни. Через час партизаны заняли станцию и захватили много винтовок и боеприпасов. На следующий день, разрушив водонапорную башню и здание станции, отряд снова ушел в леса.

Отважно, умело громили бойцы врагов.

Через некоторое время отряд постигло большое несчастье: во время налета на одну железнодорожную станцию погиб товарищ Иванов. В глубокой скорби простились бойцы со своим командиром, который спас их от голода и смерти.

Но отряд, руководимый большевиками, не распался, наоборот, он еще больше усилился и окреп. В деревнях свирепствовал голод, в городах—безработица. Когда партизанский отряд проходил через населенные пункты, люди целыми группами присоединялись к нему, как железо к магниту. К осени в отряде только бойцов-китайцев насчитывалось уже 500—600 и было создано самостоятельное китайское подразделение, командиром которого стал У Эр-ху. К этому времени многие китайские бойцы уже научились немного разговаривать по-русски.

Неожиданный успех

Как-то раз партизанский отряд занял неподалеку от Белгорода небольшой городок, в котором насчитывалось до тысячи дворов. Штаб остановился в городке, а три подразделения разместились в деревушках, разбросанных вокруг на расстоянии 10—15 километров одна от другой. Китайское подразделение находилось в деревне, расположенной западнее городка.

Однажды вечером из штаба партизанского отряда на взмыленном коне прискакал связной. Влетев вихрем в штаб полка (в то время партизаны-китайцы называли штаб своего подразделения штабом полка, а командира У Эр-ху — командиром полка), он вручил командиру полка У Эр-ху приказание и тут же ускакал обратно.

У Эр-ху не умел читать по-русски, а переводчик накануне был ранен в бою и находился в лазарете. Получив приказание и не зная, что там написано, У Эр-ху очень разволновался. Вызвав бойца по фамилии Чэнь, служившего в свое время в одной из русских торговых фирм в Харбине и немного знавшего русский язык, командир полка временно назначил его переводчиком. Долго старина Чэнь мусолил в руках приказание и, наконец, заикаясь, произнес: «Наверное, здесь приказано прибыть завтра в 10 часов утра за получением продовольствия».

Узнав, в чем дело, У Эр-ху приказал 1-му взводу, командиром одного из отделений которого был Ли Фуцин, отправиться на следующий день в 10 часов в штаб отряда за продовольствием. Взвод в составе пятидесяти с лишним человек выступил в городок вдоль русла высохшей речушки.

На западном берегу речушки раскинулся лесок, вдоль восточного берега тянулся невысокий, в рост человека, бугор. Сразу за ним начиналась необозримая равнина, которую пересекало шоссе, а еще дальше на восток — железная дорога.

Не прошел взвод и восьми километров, как вдруг бойцы заметили на шоссе крупный кавалерийский отряд. Он двигался от городка, где располагался штаб партизанского отряда, на юго-запад. По тому, как кавалеристы были одеты, бойцы поняли, что это враги. Командир

приказал взводу укрыться в лесу и изготовиться к бою, а Ли Фу-цина с пятью бойцами послал в разведку.

Разведчики взобрались на бугор и, маскируясь в посевах пшеницы, поползли по направлению к шоссе. Когда до него оставалось метров триста — четыреста, бойцам показалось, что на шапках кавалеристов белые полоски, но установить, что это за часть, они не могли. Вскоре они увидели бело-черный флаг, и тут уже стало совершенно ясно, что это враги. После доклада Ли Фу-цина о результатах разведки командир взвода приказал вести неослабное наблюдение за противником и в свою очередь отправил донесение командиру полка.

Примерно через час подоспел У Эр-ху с отрядом. Кавалерийская часть уже скрылась вдали, и теперь по дороге двигалась пехота. По примерным подсчетам, штыков во вражеской части насчитывалось тысяч пять — шесть.

Было ясно, что городок находится в руках врага. Удалось ли отойти штабу отряда или его окружил противник? Всех охватило сильное беспокойство. Бойцы, которых У Эр-ху послал для установления связи с двумя другими подразделениями партизанского отряда, возвратились и доложили, что подразделения отошли в неизвестном направлении. Так китайский отряд оказался в полном неведении относительно того, что произошло, и никто не знал, как быть.

Подумал немного командир полка и говорит: «Что бы там ни было, вступать в бой придется, а потом уже разберемся». Он приказал отряду укрыться в лесу и внимательно следить за противником.

Около трех часов дня колонна противника прошла, и дорога снова была свободна. Когда солнце скрылось за горизонтом, китайский отряд, развернувшись в три колонны, с севера, запада и юга начал наступление на городок.

1-й взвод, в котором находился Ли Фу-цин, двигался с северо-востока. В городе оставалось всего 500—600 солдат противника, и внезапное нападение вызвало среди них страшную панику. Не прошло и получаса, как наступавшие с севера партизаны уже захватили шесть улиц.

1-й взвод, обойдя городок с юга, ворвался в узкий переулок и устремился прямо к центру. Не доходя до пе-

рекрестка, бойцы заметили, что с высокого дома кто-то обстреливает северный конец улицы. Командир взвода приказал группе из десяти бойцов, в которую входили Ли Фу-цин и Чэнь Чжи-жун, пробиться к зданию с тыла.

Перемахнув через высокий забор, Ли Фу-цин с бойцами оказался во дворе позади высокого здания. Противник, засевший наверху, все свое внимание сосредоточил на партизанах, наступавших с фронта, и не замечал, что творится у него за спиной. Перебегая от дерева к дереву, Ли Фу-цин с бойцами быстро подобрались к зданию.

Это был двухэтажный дом, фасадом выходивший на улицу, а другой стороной — во двор. В комнатах первого этажа было темно, и казалось, что там никого нет. Наверху в окнах горел свет. Вход в здание находился под навесом, образуемым длинной открытой верандой, на которую вела лестница. На веранду выходили окна и двери второго этажа. Оставив человек пять внизу, в засаде, Ли Фу-цин и остальные бойцы стали подниматься по лестнице. Добравшись до второго этажа, они направили в окна винтовки и закричали: «Руки вверх!».

В комнатах оказалось несколько младших офицеров, которые при свете лампы торопливо собирали документы, и по всему было видно, что они собираются бежать. Внезапное появление партизан напугало врагов до смерти, и, рассыпав по полу бумажки, они боязливо подняли руки над головами.

Но из комнаты, выходившей на улицу, по-прежнему доносились винтовочные выстрелы. Чэнь Чжи-жун и еще двое бойцов пересекли длинный коридор и, завернув за угол, оказались у цели. С шумом распахнув пинком дверь, они остановились на пороге. В комнате было совсем темно, и только на фоне окна промелькнули и сразу исчезли три черные тени. Из темного угла раздался выстрел, за ним — другой. Чэнь Чжи-жуну показалось, будто кто-то укусил его за ногу, и он понял, что ранен. Прислонившись к стене, он вскинул маузер и очередью прочертил всю комнату вдоль и поперек. Послышались крики, стоны, а еще через мгновение все смолкло.

Один из партизан посветил карманным фонариком, отобранным, по-видимому, у офицеров еще в первой комнате. На полу валялся белогвардеец, по виду солдат. Он умирал. Другой, тоже солдат, лежа на полу, поднял руки над головой, показывая, что сдается, третьего не было.

Направив луч фонарика под кровать, бойцы обнаружили там третьего белогвардейца с золотыми погонами на плечах. Лицо его выражало страх и отчаяние. Партизаны вытащили его из-под кровати и поставили на ноги. Он застыл на месте — ни дать ни взять деревянный идол. Его одежда и осанка говорили, что эта важная особа, а двое остальных, по всей вероятности, его телохранители. Однако у Ли Фу-цина и его товарищей не было времени интересоваться подробностями. Обезоружив пленных, бойцы поместили их в одну комнату, Ли Фу-цин выделил двух человек для их охраны, а с остальными партизанами возвратился к командиру взвода и доложил о выполнении задания. По приказу командира взвода пленных под конвоем доставили к командиру полка.

Вскоре городок был полностью очищен от белогвардейцев. Но части противника, проходившие накануне по шоссе, услышав о том, что отрезаны от своих тылов, начали поспешный отход. У Эр-ху отдал приказ выйти им наперерез. Противник, не имея представления о численности партизанского отряда, вынужден был отступить в юго-восточном направлении.

Как выяснилось позже, приказом штаба партизанского отряда китайскому подразделению предписывалось еще накануне начать отступление. Однако временный переводчик не разобрался в тексте приказа, в результате чего и произошли описанные события. В тот день, когда китайские партизаны заняли городок, штабу, который еще не успел отойти до намеченного пункта, стало известно, что противник вдруг начал отступление. Первое время никто не мог понять в чем дело, но потом поступило сообщение, что кто-то наседает на противника с тыла. И тогда партизанский отряд перешел в контрнаступление. Под ударами с фронта и с тыла противник, охваченный паникой, бросился бежать. В штабе партизанского отряда еще не знали, какое из подразделений совершило этот славный подвиг. Все выяснилось только на рассвете следующего дня, когда китайские партизаны, освободившие городок, встретились со своим штабом и другими подразделениями отряда.

Во время этого боя было убито и ранено свыше восьмисот белобандитов, захвачено более двадцати пулеме-

тов. Офицер с золотыми погонами, взятый в плен в большом доме, оказался командующим вражескими частями.

Так прославилось подразделение китайских партизан, и с тех пор стоило только белым узнать о приближении китайских бойцов, как их охватывал ужас. Оттого-то белые так ненавидели китайцев.

Впоследствии командование партизанского отряда направило в китайское подразделение своего представителя, который объявил всем благодарность, и каждому китайскому бойцу было вручено по полотенцу.

Так недоразумение привело к неожиданному успеху.

Боец личной охраны Ленина

В начале 1918 года товарищ Ли Фу-цин удостоился высочайшей чести для пролетарского бойца — в составе отряда из двухсот человек, семьдесят из которых были китайцы, он был переведен в Петроград и назначен в личную охрану Ленина. Ли Фу-цину выпало счастье ежедневно видеть величайшего человека в мире, вождя пролетарской революции.

В то время Ли Фу-цин был командиром отделения охраны, состоявшего из четырех бойцов. Их пост находился у подъезда, где помещался кабинет Владимира Ильича. И каждый раз, входя в здание или выходя из него, Ленин проходил мимо часовых. Иногда он останавливался побеседовать с ними. Безграмотный юноша Ли Фу-цин, которому едва минуло двадцать лет, плохо понимавший по-русски, не совсем разбирался в том, что происходило вокруг него. Будучи так близко к Ленину, он не представлял себе всего величия этого человека. И Ленин для него был только очень сердечным, мягким и добрым начальником.

Однажды зимой выдался особенно холодный день. Деревья стояли сплошь покрытые снегом. Четыре бравых бойца охраны, несмотря на сильный мороз, неизменно находились на своем посту — у ступенек подъезда, ведущего в кабинет Ленина. Воротники грубых солдатских шинелей совсем заиндевели: на холодном ветру пар от дыхания бойцов застывал, превращаясь в иней. Вдруг показался Ленин. В черном пальто с серым каракулевым воротником и в черной меховой шапке, он бодрой энергичной походкой направлялся к себе.

— Смирно! — звонким голосом скомандовал Ли Фу-цин.

— Не надо, не надо! — заулыбался Ленин, кивнув бойцам. — Такой мороз, а вы — на самом ветру. Ну-ка, мигом в коридор! Там в стене — дымоход и вообще потеплее!

Бойцы ни за что не соглашались покинуть свой пост и только после повторного приказания Ленина вошли в коридор.

В другой раз Ленин разговаривал с Ли Фу-цином и его товарищами, когда вышел из своего кабинета на прогулку.

— Ну как, привыкаете? Как кормят, как живете? — расспрашивал бойцов Ленин.

— Живем хорошо и кормят неплохо, — ответил Ли Фу-цин.

— Разве можно сравнить с тем, как мы жили раньше! — добавил другой боец по имени Ван Цай.

— Да! — согласился с ним Ленин. — По сравнению с прошлым жизнь стала чуть-чуть получше, но этого еще недостаточно. Вот прогоним всех белогвардейцев и интервентов, построим цветущее государство, тогда и заживем как следует.

Поговорили еще кое о чем, вдруг Ленин говорит:

— А вы ведь неплохо разговариваете по-русски. Только вам еще много надо учиться — и дело совсем пойдет на лад!

Потом Ленин поинтересовался, как по-китайски «здравствуй», «кушать», «пить чай»... Повторяя вслед за бойцами «ни хао», «чи фань», «хэ ча», он вынул из кармана блокнот и карандаш и торопливо записал китайские слова.

С той поры всякий раз, встречаясь с китайскими бойцами, Ленин приветствовал их по-китайски: «Ни хао, ни хао!».

Наступила весна. Всем бойцам охраны выдали по паре сапог. Но Ли Фу-цину и Ван Цаю они оказались непомерно велики. Бойцы обратились к кладовщику с просьбой обменять сапоги, но тот ответил:

— Не могу. Что выдали, то и носите.

— Пошли к Владимиру Ильичу, — предложил Ли Фу-цин.

— Верно, — согласился Ван Цай. — Кто-кто, а Владимир Ильич обязательно поможет.

Полностью уверенные, что все будет именно так, а не иначе, они отправились к Ленину. Один из сотрудников сказал им, что Ленин сейчас занят и пройти к нему нельзя. Бойцы стали настаивать, чтобы их пропустили. Спросив у Владимира Ильича по телефону, можно ли пропустить к нему двух бойцов, сотрудник разрешил им пройти. Разыскав в коридоре кабинет Ленина, бойцы нажали на кнопку звонка, и тут же за дверью послышался голос Ленина:

— Входите, входите, пожалуйста!

Сняв шапки, Ли Фу-цин и Ван Цай вошли.

Справа от двери стоял письменный стол, за которым сидел Ленин и что-то писал. Увидев бойцов, он приветливо пригласил их сесть.

Продолжая стоять, Ли Фу-цин и Ван Цай пожаловались:

— Нам сапоги выдали не по размеру, их носить невозможно. Мы хотим, чтобы обменяли.

— А еще на что жалуетесь? — спросил Ленин.

— Больше ни на что, — за двоих ответил Ли Фу-цин. — Пусть только дадут подходящий размер.

— Ну что ж, это можно, — согласился Ленин и написал бойцам записку. Провожая их, он сказал, что они могут обращаться к нему по любому вопросу.

Через месяц с небольшим после приезда в Петроград Ли Фу-цин вслед за Лениным переехал в Москву, в Кремль. Здесь ему не пришлось видеть Владимира Ильича так часто, как прежде.

Мы будем драться еще упорнее и решительнее

Отряд личной охраны Ленина был переброшен на юг.

Когда отряд был готов к отправке из Кремля, Ленин обратился к бойцам с речью, он призвал их храбро сражаться, защищая Советскую республику, и наголову разгромить белогвардейцев. Тогда Ли Фу-цин в последний раз видел и слышал Владимира Ильича...

Однажды около часа дня красноармейская часть, выгрузившись из эшелонов под Луганском, начала наступление на поселок Станично-Луганское. После двух часов марша впереди показался кавалерийский разъезд

противника. Часть развернулась в боевой порядок и изготовилась к бою. Вскоре последовала атака казачьих кавалерийских частей и завязалась ожесточенная схватка. За два часа боя обе стороны понесли тяжелые потери убитыми и ранеными. К исходу дня некоторые подразделения, которыми командовали старые офицеры, перебежали на сторону противника, и казакам удалось окружить красноармейцев.

По приказу командования начался отход. В интересах сохранения подразделений, состоящих из китайцев, командование решило, что прорывать окружение будет кавалерия, за ней пойдут китайцы, а с тыла их прикроет пехота, которая и должна отсечь преследовавшего противника. Ночью подразделения вышли в район Луганска, но трети китайских товарищей так и не удалось пробиться из вражеского окружения. В их числе оказались У Эр-ху, Чэнь Чжи-жун, У Чжи-хуа и многие другие.

Через три дня прибыло подкрепление, и красные части снова перешли в наступление на казаков. Одерживая победу за победой, они с боями ворвались в Станично-Луганское.

На пути своего продвижения вперед красноармейцы у обочин дорог, в полях, рощах и лесах — повсюду наталкивались на трупы своих погибших товарищей. Бойцы были потрясены зверствами белых: на деревьях и столбах вдоль дорог висели обезображенные трупы китайских бойцов с отрезанными ушами, с выколотыми глазами, с вырванными языками, с распоротыми животами. Возле многих трупов висели надписи: «Таков удел всей Красной Армии!», «Конец большевикам!».

Чувство гнева и скорби охватило красноармейцев. Продвигаясь вперед, они похоронили более двухсот китайских товарищей. Ли Фу-цин среди убитых не нашел своих двоюродных братьев. Что он скажет их родителям, когда вернется домой? Вспомнилось ему, как он вместе с ними покидал родимый край, как тряслись в душной теплушке, как под ударами плетки заготовляли лес, рыли окопы, как вместе страдали в лагере для военнопленных, как потом одновременно стали партизанами и плечом к плечу, никогда не разлучаясь, громили врага, прямо смотря смерти в глаза... И Ли Фу-цин зарыдал.

Вскоре после того, как красноармейские части заняли станцию Станично-Луганское, несколько крестьянок сказа-

ли китайским бойцам, что в просяном поле, сразу же за станционной уборной, уже три дня лежит раненый китаец.

Ли Фу-цин с десятком бойцов немедленно отправился на поиски и действительно разыскал раненого. Но, приблизившись к нему, они содрогнулись от ужаса: он лежал в засохшей крови; левый глаз вывалился из глазницы; правое ухо было отрезано; левая нога ниже колена превратилась в огромный нарыв; в ранах кишели черви. Раненый был до того изуродован, что совсем не походил на человека. Увидев своих товарищей, он стал громко плакать и вскоре потерял сознание. При виде этого ужасного зрелища невозможно было сдержать слезы. Осторожно положив своего товарища на носилки, бойцы отнесли его в лазарет.

Те же крестьянки рассказали, как казаки схватили человек десять китайских бойцов, среди которых был и этот раненый, и допрашивали их несколько ночей подряд. И скорее всего потому, что на допросе от него ничего не добились, казаки выкололи ему шашкой левый глаз, а потом потащили в поле на расстрел. После первого выстрела боец упал замертво, но когда казаки ушли, пришел в себя. Очевидно, ухо ему оторвала пуля, когда в него стреляли, а в ногу он был ранен раньше — в бою. Впоследствии крестьянские женщины спрятали его в поле, и он не умер с голоду только потому, что они ежедневно тайком приносили ему пищу.

Крестьянки сказали также, что перед уходом казаки приказывали им передать китайцам, что, если они не уйдут от большевиков, всех их ждет такой же конец.

Услышали это китайские бойцы и еще крепче стиснули зубы. Угрозы белогвардейцев не испугали их. «Ни за что не уйдем из Красной Армии, — заявляли они. — Мы будем драться еще упорнее и решительнее, чтобы отомстить за своих товарищей!».

В нашем полку прибыло

Зимой 1918 года красноармейская часть вела бои под Курском. Однажды она захватила железнодорожную станцию, от которой в лес уходила узкоколейка. Вдоль нее и бежали белые, выбитые со станции. В тот же день к китайским бойцам пришел крестьянин и рассказал, что в лесу есть лесопильный завод, на котором работает больше сотни китайских рабочих.

На следующий день командир роты Ван по узкоколейке повел свою роту в лес с целью ликвидировать разрозненные группки белобандитов и, кроме того, повидаться с китайскими рабочими.

Километров через шестнадцать узкоколейка окончилась у лесопогрузочной площадки. Здесь на заржавленных рельсах стоял небольшой паровозик и несколько пустых платформ. Паровоз и платформы были покрыты толстым слоем снега, и с первого взгляда можно было определить, что лесопогрузочная площадка уже давно бездействует. Там и сям по обеим сторонам железнодорожного полотна возвышались несколько десятков штабелей лесоматериалов. Между ними протянулись уходящие в лес колеи для ручных вагонеток. На лесопогрузочной площадке не было ни души, здесь царило полное запустение.

Недалеко от площадки протянулась небольшая улица с десятком домов и двумя харчевнями. Едва рота вступила на эту улицу, как бойцы встретили несколько оборванных китайцев. Одни были в китайских ватных халатах, из которых торчала вата; другие — в обтрепанных тулупах без пуговиц, подпоясанные тряпкою; те, у кого надеть было нечего, кутались в бараньи шкуры, а не имевшие носков обвернули ноги тряпками. Несмотря на крайнюю бедность, некоторые из них нет-нет да и забегут в винную лавку выпить на ходу стаканчик — другой водки или даже сыграть на деньги. Увидев бойцов-китайцев, все они страшно испугались: многие схватились за головы, очевидно, думая, что видят сон, другие остолбенели, глазам своим не веря, у некоторых выступили слезы, а те, что посмелей, окружили красноармейцев и стали хватать их за руки. Не прошло и нескольких минут, как таких смельчаков набралось человек тридцать.

— Эй, вы что — из Китая? — спрашивал один.

— Неужели наш Китай тоже участвует в интервенции? — удивлялся другой.

— Вы как попали в Красную Армию? — интересовался третий.

— Вы давно из Китая? Сколько лет вы уже в России? — добивался четвертый.

Вопросы градом сыпались со всех сторон, и бойцы старались отвечать на все.

Командир роты рассказал рабочим о том, как он и его товарищи уезжали с родины, как стали партизанами, а потом вступили в Красную Армию. Рабочие слушали и чуть не плясали от радости, что встретили своих соотечественников.

— Нас тоже заманили в Россию! — говорили они.

Так всегда бывает: повстречаешь земляка на чужбине и радости твоей нет предела. И китайские рабочие стали настойчиво тащить бойцов к себе в дом.

Их дом, если так можно назвать три рубленых барака, находился вовсе не на главной улице, а примерно в километре от нее, в лесу.

Из бараков высыпали остальные рабочие, их было примерно человек сто, они наперебой тащили бойцов к себе.

Бараки настолько вросли в землю, что мало-мальски высокий человек мог стоять в них только согнувшись. Ли Фу-цина затащили в крайний барак. Здесь по обеим стенам тянулись ряды нар — каждые примерно на тридцать человек. Кое-где они были покрыты рваными матрацами, собачьими шкурами, а на некоторых вовсе ничего не было — здесь спали прямо на голой соломе или сене. Все одеяла лежали свернутыми, изодранные вконец простыни, некогда белые, стали серыми, а то и просто черными и лоснились от грязи. Посреди барака находилась сложенная из камней печь несколько необычной формы. В высоту она имела сантиметров семьдесят, в длину — два с лишним метра; с одной стороны находилась топка, с другой — дымоход. Печь была покрыта железной плитой, на которой стояли тазы, горшки, котелки и прочая кухонная утварь. В печи трещало несколько сырых поленьев — каждое больше метра длиной. Дымоход, по-видимому, долго не чистили: из топки валил дым, окутывая все помещение. Маленькие окна, оклеенные желтой бумагой, почти не пропускали света, и в бараке царил полумрак.

Ли Фу-цин вошел в барак и, пока глаза не привыкли к темноте, ничего не мог разглядеть. Чьи-то гостеприимные руки усаживали дорогого гостя на скамейку, умудряясь одновременно засовывать ему за пазуху пампушки, испеченные из черной муки, смешанной с отрубями.

— Хэ! — заметил красноармеец Ван Цай. — Не сладко вам живется.

— Да что там и говорить: не жизнь — одно мучение, — мрачно произнес рабочий лет двадцати четырех. — Будь она проклята такая жизнь. Загробили ее богачи — загнали нас в этот лес за тысячи километров от родины. Из дому — ни слуху ни духу, туда ехать невозможно, а здесь жить сил больше нет. И помирать — не помираешь, и жить — не живешь.

— Уже три месяца, как нам не выдают жалованья, — откликнулся другой рабочий. — Пузатый директор лесопилки сбежал черт знает куда три месяца назад и бросил нас на произвол судьбы. Еще несколько дней — и нам жрать будет совершенно нечего.

— Собрались было возвращаться на родину, — заговорил больной, лежавший на нарах, — но разве поедешь, когда кругом такое творится — война, беспорядки. Того и гляди попадешь в какую-нибудь переделку.

Паренек лет двадцати, сидевший у окна, покраснел и спросил:

— А кто у вас командир? Вы к себе в часть принимаете? Можно мне пойти с вами?

Своим вопросом он словно всколыхнул остальных: рабочие уже подумывали об этом.

— Чем дожидаться здесь смерти, — заявили все в один голос, — вступим лучше в Красную Армию!

— Хотите вступить в Красную Армию, мы приветствуем это, — обратился к рабочим командир роты Ван. — Дорогие братья! Вот прогоним белых, тогда хочешь работай в России, а хочешь уезжай домой. Судьба каждого будет в его собственных руках.

Слова командира роты были встречены радостными возгласами. Рабочие из всех трех бараков быстро собрали свои пожитки, увязали постели и все до единого ушли в Красную Армию. Даже больных и тех забрали с собой, чтобы поместить их в красноармейский госпиталь.

В полку всем новобранцам к их величайшей радости выдали обмундирование и оружие. «Впервые довелось мне надеть новую ватную куртку и штаны с тех пор, как приехал в Россию», — заметил один из них. «Отродясь не держал винтовки в руках», — не удержался другой. «Действительно родная армия, можно считать, что мы нашли свой дом!» — воскликнул третий.

Тяжелое ранение

Летом 1919 года белые армии генерала Деникина развернули бешеное наступление против Советской власти на Южном фронте, где Троцкий дезорганизовал всю работу, и Красная Армия терпела поражение за поражением. К октябрю белые захватили Украину, заняли Орел, угрожали Туле, рвались к Москве. Советская республика оказалась в крайне тяжелом положении. В это время Ленин выдвинул лозунг: «Все на борьбу с Деникиным!».

33-й полк 6-й кавалерийской дивизии Конного корпуса Буденного, в котором Ли Фу-цин служил помощником командира отделения разведки, вел на подступах к Воронежу ожесточенные бои с деникинскими частями. В конце октября Красная Армия освободила Воронеж, а остатки деникинских войск бежали на юг.

Части Первой Конной армии, созданной в ноябре 1919 года, разрезав деникинский фронт на две части, преследовали противника по пятам и в январе 1920 года освободили Ростов, а в конце марта сбросили деникинцев в Черное море.

На берегу Черного моря Ли Фу-цин увидел такую картину. На рейде покачивалось несколько десятков военных кораблей империалистических держав. Весь участок моря между ними и берегом был забит лодками, до отказа набитыми белогвардейцами, помещиками, капиталистами и их семьями, спасающимися бегством. Красная артиллерия открыла яростный огонь по кораблям интервентов, и в результате обстрела восемь из них пошли ко дну, остальные поторопились уйти в открытое море. А белогвардейцам, помещикам и капиталистам, которые так и не успели выгрузиться из лодок на корабли, ничего другого не оставалось, как вернуться на берег и сдаться Красной Армии.

Через два дня подоспела боевая эскадра красных. Вместе со своей частью Ли Фу-цин погрузился на один из кораблей, которые преследовали корабли империалистов до самых берегов Турции. Как раз в это время белополяки вторглись на Украину, и Ли Фу-цин вместе со своей частью оказался на Украине, где принял участие в разгроме врага. Красная Армия, одерживая одну победу за другой, вышвырнула белополяков за пределы Украины.

Как-то раз под вечер 33-й полк Первой Конной, выбив из леска белополяков и захватив несколько пулеметов, расположился на привал. С северной стороны от леса на несколько десятков километров протянулось большое болото. Внешне оно выглядело равниной, поросшей травой. Но стоило человеку ступить туда, как его сразу же засасывала трясина, болото это было совершенно непроходимым. Километрах в семи южнее леса проходила шоссейная дорога на Варшаву.

На следующий день, едва рассвело, красноармейцы обнаружили кавалерийский отряд противника, который с северо-запада двигался к юго-восточной окраине леса. Противник намеревался окружить 33-й полк, прижав его к болоту.

Командование, быстро разгадав этот замысел, приказало 4-й кавалерийской дивизии выступить наперерез противнику и, двигаясь в северном направлении, соединиться с полком, окружив таким образом вражескую кавалерийскую часть. Белополяки, увидев, в каком положении они могут очутиться, повернули коней и пытались начать отход.

Тогда эскадрон Ли Фу-цина, занявший оборону на лесной опушке, непосредственно прилегающей к шоссейной дороге, бросился наперерез противнику.

Завязалась ожесточенная схватка. Несколько раз пытались белополяки прорваться через кольцо окружения, но не могли. К полудню в воздухе появились вражеские самолеты, они носились над лесом и бомбили с пикирования. Как дождь, сыпались бомбы, с грохотом валились деревья, лес гудел от взрывов. Стало темно от пыли, листьев и веток, сорванных взрывной волной.

Пользуясь поддержкой с воздуха, противник попытался было снова пойти на прорыв, но красные части были готовы к контратаке.

Выскочив из окопа, Ли Фу-цин подбежал к своему коню и схватил его под уздцы. Попав левой ногой в стремя, он занес правую ногу, но в этот момент раздался взрыв: где-то совсем рядом разорвалась бомба.

Ли Фу-цину показалось, будто что-то встряхнуло его за ногу, словно конь копытом ударил. В тот же миг с головы у него слетела шапка. Конь рванулся вперед и вдруг повалился на бок, придавив Ли Фу-цину обе ноги.

Тот попытался было выбраться из-под коня, но безуспешно.

— Командир! Ты ранен в голову! — закричал подбежавший боец Ма Мин-тэ.

Ли Фу-цин ощупал голову и, поднеся руку к глазам, увидел, что она вся в крови. В правой части затылка торчал осколок. Только теперь Ли Фу-цин почувствовал боль.

С огромным трудом удалось Ма Мин-тэ высвободить ноги Ли Фу-цина из-под убитого коня. Ли Фу-цин попытался встать, но почувствовал боль и в правой ноге: там тоже оказался осколок. Поддерживаемый Ма Мин-тэ, Ли Фу-цин добрался до ближайшего дерева. Здесь Ма Мин-тэ сделал ему перевязку, а когда подоспели санитары с носилками, он передал им Ли Фу-цина, вскочил на коня и поскакал туда, где шел бой.

Уже лежа на носилках, Ли Фу-цин почувствовал себя очень плохо. Вскоре он потерял сознание...

«Буденный! Ворошилов!» — вдруг услышал он голоса. Потом Ли Фу-цин почувствовал на своем лбу прикосновение чьей-то заботливой руки. Открыв глаза, он увидел два смуглых знакомых лица, склонившихся над ним. «Неужели это командарм и член Реввоенсовета? — молнией пронеслось в его сознании. — Конечно, они — Буденный и Ворошилов!» Ли Фу-цин хотел было пожать им руки, но в глазах у него потемнело, и он снова потерял сознание.

Очнувшись, Ли Фу-цин почувствовал, что находится в поезде; рядом он увидел других раненых; медсестра одного за другим перевязывала их.

Пытаясь сообразить, сколько времени прошло с тех пор, как он получил ранение, Ли Фу-цин приподнялся, но голова показалась такой тяжелой, словно весила сотни килограммов.

— Куда мы едем? — забеспокоился Ли Фу-цин.

Медсестра взглянула на него и, решив, что он все еще бредит, не ответила, продолжая заниматься своим делом.

— Товарищ сестра, — не унимался Ли Фу-цин,— куда идет поезд?

— Он действительно очнулся! Право же он пришел в себя! — повторяла сестра, несказанно обрадовавшись.

— В Киев едем, — сказала она. — Но вы ни о чем не думайте, вам нужен полный покой.

— А почему в Киев? Разве белополяки наступают?

— Да нет же! Нет! Вы тяжело ранены, и вам необходимо полечиться в тыловом госпитале!

— А что, разве я еще не поправился? Товарищ, я должен оставаться на фронте!

— Нет, нет, ни в коем случае! У вас ведь осколок в голове! Во фронтовых госпиталях нет ни нужного оборудования, ни специалистов. Только в Киеве вам смогут вытащить этот осколок.

Ли Фу-цин не унимался, он уверял, что его место на фронте. В конце концов сестре пришлось строго-настрого запретить ему разговаривать. Она убедила Ли Фу-цина, что не пройдет и двух месяцев, как он вернется в строй.

А еще через два дня Ли Фу-цин лежал в киевском госпитале, где у него вытащили осколки. Прошел месяц тщательного лечения, и Ли Фу-цин начал свободно передвигаться. Раны его еще полностью не зажили, а он уже осаждал администрацию госпиталя своими упорными просьбами отпустить его на фронт и сумел настоять на своем.

...Возвратившись на фронт, Ли Фу-цин участвовал в боях в Галиции.

Однажды утром небольшой отряд, где служил Ли Фу-цин, ворвался в деревушку. Выбив из нее противника, красноармейцы расположились на отдых.

В деревне насчитывалось около двухсот дворов. В домах оставались лишь старики, женщины и дети, молодых мужчин не было. Жители деревни все как один вышли встречать Красную Армию. Они рассказывали бойцам о зверствах белополяков.

Ли Фу-цин с четырьмя товарищами вошел в один из дворов: им нужно было накормить коней. Из хаты вышла женщина лет тридцати, с виду русская, а следом за ней девочка лет семи. Увидев красноармейцев, женщина сразу же полезла на чердак конюшни за сеном.

— Заждались мы вас! С каких пор уже ждем! Замучили нас белополяки. У меня в этой конюшне стояли раньше две лошадки. Да какие лошадки! Так ведь увели их беляки, чтоб им жизни не было! Просила я не трогать моих лошадей, как я без них пахать буду? Так один бессовестный еще меня прикладом за это. — И она

показала бойцам распухшую руку: — Посмотрите, какой след от его приклада остался, — говорила женщина, и по ее лицу текли слезы. — Всех свиней из хлева утащили. Были у меня две старые курочки-несушки, которых я спрятала в погребе, так и их выкрали! Не приди вы, совсем плохо бы нам стало!

Девочка, вначале испуганно поглядывавшая на бойцов, осмелела, видя, как мать задушевно беседует с ними, и начала подгребать сено.

Бойцы накормили коней, и женщина стала настойчиво приглашать их в хату отдохнуть. Делала она это так искренне и горячо, что отказаться было невозможно.

Как только бойцы вошли в дом, хозяйка принялась хлопотать у печки, затем принесла воду и дала бойцам умыться. Девочка, устроившись на коленях у Ма Мин-тэ, играла его разрисованной табакеркой.

Между делом крестьянка продолжала свой рассказ:

— Ее отца, — кивнула она в сторону девочки, — в тысяча девятьсот семнадцатом году увели немцы, и с тех пор от него ни слуху ни духу, жив ли, нет — не знаем. В хозяйстве нам помогал младший брат мужа. Вчера и его схватили белополяки... — И спазма перехватила ей горло. — А ему... ему ведь только семнадцать стукнуло!

Девочка, увидев у матери слезы, тоже расплакалась.

И в самом деле, подобное горе стало уделом не одной, а многих семей. Многие за эти годы потеряли своих близких.

Вскипело молоко, хозяйка подала его на стол вместе с черным хлебом и пригласила бойцов кушать. Те снова стали отказываться.

— Как же так? — уговаривала их хозяйка. — Вы ни днем ни ночью не знаете покоя, ради нас воюете с беляками. Разве ж могу я допустить, чтобы вы не выпили хоть по чашке молока у меня в доме?

Бойцы не стали отказываться и принялись за еду. Вдруг послышался гул самолетов. Оставив недопитые чашки с молоком, все выскочили во двор. Над деревней кружились самолеты белополяков, их было более двадцати. С бреющего полета они обстреливали деревню. Вот пулеметная очередь резанула по двору перед самой конюшней, куда Ли Фу-цин и его товарищи поставили своих коней. Один конь метнулся испуганно и поскакал

на улицу. За ним вдогонку бросился Ма Мин-тэ. Остальные бойцы стали выводить своих коней из конюшни. В этот момент страшный взрыв потряс всю деревню — началась бомбежка.

Не успел Ли Фу-цин вывести своего коня, как послышался резкий свист, нарастающий с каждой секундой. Ли Фу-цин бросился на землю, а еще через мгновение раздался взрыв: возле двора разорвалась бомба. И сразу же послышался пронзительный крик женщины. Когда пыль немного улеглась, Ли Фу-цин увидел, что у крыльца лежит их хозяйка. А маленькая девочка горько плачет, упав на мать. Бросив коня, Ли Фу-цин подбежал к женщине, окликнув на ходу своих бойцов, которые уже выезжали со двора. Он хотел помочь хозяйке подняться, но у нее были перебиты ноги. Подбежавшие бойцы перенесли раненую женщину на скирду соломы во дворе. Вскоре подошли санитары, уложили ее на носилки и понесли. И девочка пошла рядом с носилками, держа в своих ручонках руку матери. Ее не пугали ни вражеские самолеты, ни бомбы. Красноармейцы, наблюдавшие эту печальную картину, не могли сдержать слез, и эти слезы сочувствия горю маленькой девочки были слезами жгучей ненависти к врагу.

Вытерев слезы, Ли Фу-цин повел коня со двора. Обычно послушный своему хозяину, конь упирался и ни за что не хотел выходить за ворота. Снова налетели два вражеских самолета. Услышав свист падающих бомб, конь встал на дыбы и, вытянув шею, заржал. Не успел Ли Фу-цин упасть, как позади коня разорвалась бомба. Ли Фу-цин почувствовал, будто его чем-то задело по голове, и, приподнявшись, увидел, что конь лежит на земле с оторванными задними ногами.

Взвалив на спину снятое с убитого коня седло, Ли Фу-цин побежал за товарищами. Вскоре на фуражирке подъехал старшина Петрович, который окликнул Ли Фу-цина, назвав его по-русски Василием:

— Василий! Ты чего это тащишь на себе седло? Конь-то твой где?

— Вон он где, — показал Ли Фу-цин в сторону дома, который он только что оставил. — Не послушался, вот и разорвало его.

— Клади-ка седло на повозку. А ты теперь пехота, вот и дуй пёхом! — пошутил старшина. Но когда Ли

Фу-цин протянул ему седло, воскликнул: — Василий, что у тебя с головой?

— Ничего! — ответил Ли Фу-цин.

— Ничего! Да ты погляди, ведь вся шапка в крови!

Ли Фу-цин снял шапку и только тогда почувствовал слабую боль на самой макушке, откуда на плечо стекала тоненькая струйка крови.

Встав на повозку, старшина окликнул санитара, и Ли Фу-цину сделали перевязку.

— Василий! — крикнул старшина.— Смотри, вот там у дерева чей-то конь стоит!

И действительно, метрах в двухстах севернее дороги Ли Фу-цин увидел у дерева буланого коня под нарядным седлом. Вокруг не было ни души. Ли Фу-цин побежал к дереву. Вдруг с другой стороны показался красноармеец, который, очевидно, тоже позарился на коня. Увидев его, Ли Фу-цин остановился. В этот самый момент хлопнул выстрел — и боец упал. Ли Фу-цин вздрогнул от неожиданности и стал внимательно вглядываться туда, откуда раздался выстрел. Вскоре он заметил лежащего в траве у ног коня белополяка, который, как видно, был ранен в бою и свалился с лошади. Закипела ненависть в сердце Ли Фу-цина. Он вскинул карабин, прицелился и выстрелил. Враг взмахнул обеими руками, и его револьвер отлетел в сторону. Ли Фу-цин дал еще два выстрела и побежал к красноармейцу. Тот был ранен, и санитары унесли его. Ли Фу-цин подошел к коню. Убитый белополяк был в офицерской форме. Обыскав его, Ли Фу-цин вскочил на коня и поскакал вслед за частью.

Часть собралась в роще, недалеко от деревни. Командир полка товарищ Тимошенко, увидев на голове Ли Фу-цина повязку, еще издали закричал:

— Эй ты, паренек! Ты что, ранен? Тяжело?

— Ничего страшного. Так, царапнуло! — заулыбался Ли Фу-цин.

— Ты у кого это коня взял? — Командир, любивший пошутить с молодыми бойцами-китайцами, сделал вид, что сердится.

— Нет, — в тон ему ответил Ли Фу-цин. — Это белополяк подарил мне!

Среди своих Ли Фу-цин немного повеселел. Но мысли о раненой женщине, о ее дочурке и обо всем, что с ними произошло в деревне, то и дело приходили ему на

ум. «Отомщу за них, буду драться еще беспощаднее!» — решил он про себя.

Все трофеи, добытые у польского офицера, Ли Фу-цин передал командиру взвода.

На волосок от смерти

В то время Красная Армия находилась в каких-нибудь семидесяти километрах от Варшавы. Однажды после боя, когда бойцы обедали, прибежал связной и передал Ли Фу-цину, что его вызывает командир полка Александр Тимошенко. Ли Фу-цин тут же явился в штаб. Разложив прямо на траве карту, командир полка поставил перед Ли Фу-цином боевую задачу.

— Смотри сюда, — говорил ему командир, показывая по карте. — Здесь, южнее Варшавы, проходит первая линия внешних оборонительных сооружений. Нам надо точно выяснить расположение позиций противника. Ты с отделением разведки пойдешь на выполнение этой задачи.

— Выступать сейчас? — спросил Ли Фу-цин.

— Да, именно сейчас, — подтвердил командир полка. — Вот видишь, неподалеку отсюда находится роща, на западной опушке которой раскинулась деревушка. Прежде всего выяснишь численность противника, находящегося в этой деревушке, и только потом отправишься на разведку вражеских позиций. Понял?

— Понял! Задание будет выполнено!

— Ну вот и хорошо! — и командир полка, крепко пожимая Ли Фу-цину руку, добавил: — Желаю возвратиться с победой!

Итак, отделение разведчиков во главе с Ли Фу-цином выступило в направлении рощи. Когда до нее стало совсем близко, Ли Фу-цин выслал в разведку Ван Цая и Ма Мин-тэ. Не обнаружив противника, отделение углубилось в рощу и, разбившись на две группы, стало подходить к деревушке, о которой говорил командир полка. Когда до деревушки осталось совсем немного, бойцы влезли на деревья и начали наблюдать. Деревня, казалось, замерла. Отделение вошло в деревню.

Бойцы увидели странную картину. Все ворота были наглухо заперты, на некоторых висели замки. Даже там, где ворота были нараспашку, — ни души; в домах все перевернуто вверх дном. Как видно, хозяева еще не воз-

вращались после того, как в деревне побывали белополяки. Чуть ли не каждый домик обшарили разведчики и наконец обнаружили двух седобородых стариков — глухого еврея и белоруса.

— Скажи-ка, дедушка, когда прошли здесь белополяки? — обратился к белорусу Ван Цай.

— На рассвете, сынок! — прошамкал дед и стал жаловаться: — Зарыл я в землю корзину картошки, так и ту утащили разбойники...

Разузнав численность белополяков, Ли Фу-цин успокоил как мог стариков и отправился дальше — в разведку. Используя в качестве укрытия каждую складку местности, разведчики полностью выяснили расположение позиций белополяков: на левом фланге находились позиции пехоты, в центре стояла артиллерия, насчитывающая до пятидесяти стволов, на правом фланге расположилась кавалерия. Вернувшись в полк, бойцы доложили о результатах разведки командиру, который объявил им благодарность и приказал хорошенько отдохнуть до получения нового задания.

Под вечер командир полка снова вызвал Ли Фу-цина. «По решению командования, — начал он, — сегодня в 22.00 начнется генеральное наступление против белополяков. Мы наступаем в центре, справа от нас пойдет 4-я дивизия, слева — 8-я. Приказываю вашему отделению разведки составить штурмовую группу, которая под прикрытием 3-го и 4-го эскадронов должна обеспечить уничтожение огневых позиций артиллерии противника. По выполнении задачи подадите мне сигнал».

После того как Ли Фу-цин уяснил задачу, командир полка отобрал еще восемь бойцов, которых придал отделению разведки. Штурмовая группа в составе двадцати шести человек под командованием Ли Фу-цина вышла на задание около восьми часов вечера.

Продвигаясь вперед, Ли Фу-цин придерживался того же маршрута, по которому ходил в разведку днем. Миновав рощу, где ничего подозрительного не обнаружили, бойцы направились к уже знакомой им деревушке. Но едва они вошли в нее, как сразу же наткнулись на противника и были окружены со всех сторон. Руководя боем, Ли Фу-цин подал своим сигнал, означающий, что штурмовая группа попала в окружение.

Отряд Ли Фу-цина под натиском противника, в рядах которого насчитывалось до шестисот солдат, отошел во двор, где красноармейцы побывали еще днем, и продолжал бой. В живых осталось лишь около двадцати бойцов. Прошел час, и из строя вышло еще несколько человек. А солдаты противника все лезли и лезли со всех сторон. Некоторые взобрались на крыши хат, окружавших двор, и оттуда вели огонь. Когда кончились патроны, все красноармейцы, оставшиеся в живых, попали в плен.

Ночью белополяки отправили их под конвоем в тыл. Прошли километров двадцать, пока не оказались на небольшом хуторе. Здесь шестнадцать красноармейцев были посажены в сарай, сбитый из толстых досок.

Ли Фу-цину, уже хлебнувшему горя в лагере для военнопленных и понимавшему немного по-польски, показалось, будто кто-то за стеной сказал: «Отправим их к праотцам!».

— Чем ждать смерти, лучше погибнуть во время побега, — предложил бойцам Ли Фу-цин.

Все согласились, что надо бежать. Но как?

Вскоре пришли поляки, чтобы вывести пленных по естественным надобностям.

Проходя по двору, Ли Фу-цин заметил железный засов, которым запирались ворота. Воспользовавшись моментом, когда поляк отвлекся, он поднял его и прихватил с собой в сарай.

— Ты что, часовых хочешь убить? — спросил Ма Мин-тэ.

— Нет, — ответил Ли Фу-цин. — Для этого нужен подходящий случай. Лучше выломать доски в стене и бежать.

Приказав бойцам громко петь и шуметь, Ли Фу-цин вместе с Ван Цаем начали выламывать доски. Через некоторое время раздался окрик бойца, который следил за тем, что происходит снаружи:

— Стоп! Часовой идет!

Бойцы запели еще громче. Во дворе послышался топот сапог и вскоре стих.

— Эй, вы! — закричал часовой. — Замолчите, прекратить пение!

Притихшие красноармейцы дождались, пока шаги часового затихли вдали, и снова запели. С большим трудом удалось, наконец, вынуть две доски, и лишь после

этого бойцы перестали петь. Снова послышались тяжелые шаги часового. Он прислушался — в сарае тихо. Открыв дверь, поляк вошел внутрь. Ли Фу-цин как раз успел поставить вынутые доски на место, и все бойцы прикинулись спящими. Убедившись, что все в порядке, поляк запер дверь и отошел прочь.

Выбравшись из сарая через проделанную лазейку, Ли Фу-цин с бойцами оказались в узеньком переулке. Прижимаясь к стенам, они побежали. У самой околицы хутора бойцы увидели костер и трех белополяков, мирно расположившихся возле него. Над костром висел котелок, в котором что-то варилось. Поодаль, у опушки леса, стояла тачанка, на ней был станковый пулемет и несколько ящиков с патронами. Посовещавшись, бойцы решили, что Ли Фу-цин, Ван Цай и Ма Мин-тэ захватят тачанку и погонят по проселочной дороге, отвлекая внимание белополяков. Тем временем остальные бойцы, воспользовавшись замешательством противника, уйдут тропками.

Определив страны света по звездам, Ли Фу-цин, Ван Цай и Ма Мин-тэ выскочили из-за стога сена, сложенного у деревьев, и бросились к тачанке. Ма Мин-тэ взялся за пулемет, Ли Фу-цин стал подавать патроны, а Ван Цай схватил вожжи. Тачанка вихрем понеслась мимо костра по дороге в сторону позиций красных войск.

Как раз в этот момент один из поляков собирался заглянуть в котелок и взялся уже было за крышку. Но тут он обнаружил, что кто-то угоняет тачанку, опешил и открыл беспорядочную стрельбу. Ма Мин-тэ резанул очередью по трем белополякам, и тут же двое упали, а третий забился в канаву.

Белополяки, расположившиеся в хуторе, заслышав стрельбу, поспешно вскочили на коней и устремились в погоню. Над тачанкой засвистели пули. Ма Мин-тэ дал очередь по преследователям. Ван Цай яростно нахлестывал лошадей, и только километров через десять им удалось оторваться от погони.

Ночь была темная, а местность — незнакомая. Спасаясь от преследователей, бойцы незаметно для себя очутились в поле и никак не могли отыскать дорогу. Однако, не решаясь ехать медленнее, они по-прежнему яростно нахлестывали лошадей, и те неслись во весь опор по направлению к позициям красных. Вдруг впереди по-

казалась канава. Ван Цай хотел придержать лошадей, но не успел, и тачанка с грохотом опрокинулась в канаву, увлекая за собой людей. К счастью, все были целы, бойцы выбрались наверх, но тачанку вытащить не смогли. Выпрягли они лошадей, приторочили к одной из них на спину пулемет и двинулись дальше.

Только перед самым рассветом добрались красноармейцы до расположения красных частей. Бойцы из передового дозора, узнав в чем дело, отправили их в штаб дивизии. И как оказалось, вышли они в расположение частей 4-й, а не 6-й кавалерийской дивизии.

— Вы знаете Василия? — спросил их начдив.

— Василий — это я, — ответил за всех Ли Фу-цин.

— Вот ты какой — Василий! — обрадовался начдив. — А мы вчера вечером получили сообщение, что все вы погибли.

— Да, чуть было не погибли, — подтвердил Ли Фу-цин. — Но все-таки вырвались.

Лишь через три дня попали они в свой, 33-й полк 6-й кавалерийской дивизии. К этому времени Красная Армия уже прорвала фронт белополяков.

Расспросив Ли Фу-цина обо всем, что с ними произошло, командир полка объявил им благодарность и тут же сделал замечание.

— Никогда нельзя допускать небрежности, — говорил Ли Фу-цину командир полка. — Не следует думать, что ночью будет то же, что было днем. На войне все сложно, обстановка здесь изменяется постоянно и ежеминутно. Перед тем как войти в деревушку, вам надлежало произвести разведку и выяснить действительное положение. Ты подумай, ведь из-за вашей оплошности наше генеральное наступление началось с запозданием. Правда, в конце концов мы все-таки разгромили врага.

Урок пошел Ли Фу-цину на пользу.

Вскоре Красная Армия подошла к Варшаве. Но перед самым штурмом Первая Конная по приказу командования была переброшена на Южный фронт для борьбы с белыми бандами Врангеля.

Блокгауз противника взлетает на воздух

При поддержке империалистических держав генерал Врангель, переформировав остатки разгромленной деникинской армии, начал наступление из Крыма на север.

Первая Конная, прибыв на Южный фронт, одержала несколько побед под Каховкой и в Северной Таврии, захватив в плен более двадцати тысяч белогвардейцев. Потерпев поражение в Северной Таврии, генерал Врангель отвел свои отборные части в Крым, намереваясь задержать наступление Красной Армии при помощи перекопских оборонительных сооружений.

Перекопский перешеек представляет собой узкую полоску земли в несколько километров шириной, омываемую с запада Черным, а с востока — Азовским морями. На перешейке Врангель создал мощные укрепления. Основной линией обороны противника служил земляной вал высотой более десяти метров, на нем было установлено около двухсот орудий, в том числе несколько дальнобойных пушек, по одной через каждые два километра. Перед валом и за ним врангелевцы отрыли широкие рвы, по которым могли передвигаться автомашины и танки. Впереди вала были отрыты окопы полного профиля и установлены проволочные заграждения в семь — восемь рядов кольев, прикрываемые многочисленными огневыми средствами.

В течение недели части Красной Армии вели лобовые атаки, в результате которых прорвали четыре линии проволочных заграждений, после чего атака захлебнулась.

В дальнейшем одна из частей сторожевого охранения, действовавшая на левом фланге, воспользовавшись отливом, проскочила по илистому морскому дну и глубоко вклинилась в тыл оборонительных сооружений Перекопа, создав серьезную угрозу для противника. В лагере белых началась паника. А в это время части Красной Армии начали наступление с фронта.

Однажды вечером командир полка вызвал к себе Ли Фу-цина и еще около двадцати бойцов. Командир рассказал им, что на завтра намечен штурм вражеской линии обороны. Однако на пути продвижения их полка имеется весьма серьезное препятствие — четыре сильно укрепленных блокгауза противника, которые надлежит взорвать.

— Выполнение этой почетной и трудной задачи возлагается на вас, — продолжал командир полка. — Завтра на рассвете наши части переходят в наступление. Поэтому вы должны выполнить свою задачу к четырем ноль-ноль.

Штабной командир подробно познакомил подрывников с рельефом местности вокруг каждого из блокгаузов, и четыре группы подрывников вышли на задание.

Перед четвертой группой под командованием Ли Фу-цина, куда входили Чжан Си-цай и Алексеев, была поставлена задача взорвать крайний левый блокгауз. Каждый нес за спиной по пакету взрывчатки и имел при себе по две ручные гранаты. Они подползли к проволочным заграждениям, устроенным перед блокгаузом, и, осторожно проделав в них проход, двинулись дальше.

Перед блокгаузом — объектом взрыва четвертой группы — находился скат. Не успели бойцы подползти и на двадцать метров к блокгаузу, как противник обнаружил их и открыл ураганный пулеметный огонь. Группе Ли Фу-цина ничего другого не оставалось, как поскорее скатиться вниз. Вдруг Алексеев почувствовал резкий толчок в левое плечо, и рука его повисла, как плеть.

Спрятав раненого товарища в укромном месте, Ли Фу-цин с Чжан Си-цаем поползли в обход, намереваясь приблизиться к блокгаузу слева. Вот они поравнялись с копной сена и вдруг увидели, что Алексеев из своего укрытия открыл огонь по блокгаузу. И тут же противник перенес весь свой огонь на Алексеева. Воспользовавшись этим моментом, Ли Фу-цин и Чжан Си-цай быстро поползли к блокгаузу, но когда до него осталось каких-нибудь десять метров, противник опять обнаружил их, и им снова пришлось отойти. Наконец Ли Фу-цин решил рискнуть и подобраться к блокгаузу по ходу сообщения, который шел слева с тыла. На этот раз ему повезло. Он заложил взрывчатку, поджег шнур и быстро скатился вниз, в траншею. Раздался взрыв, и блокгауз взлетел на воздух. Вскоре та же участь постигла и остальные три блокгауза.

Так была прорвана линия вражеской обороны, оборудованная перед Турецким валом, и части Красной Армии перешли в наступление.

Отход противнику отрезан

После падения оборонительных укреплений Перекопа Врангель под ударами Красной Армии начал поспешный отход на Чонгар, где находился большой мост — единственный путь спасения. Штаб Врангеля первый бежал через чонгарский мост. Но большая часть белых частей

оставалась по эту сторону, продолжая оказывать упорное сопротивление наступающей Красной Армии. Командование Красной Армии решило взорвать чонгарский мост, чтобы тем самым отрезать пути отхода противнику, не дать ему спастись бегством.

Взрыв моста был возложен на командира 2-го эскадрона, возглавлявшего сорок бойцов, среди которых был и Ли Фу-цин. Под покровом ночи они перешли через линию обороны противника и, углубившись на двадцать километров в его тыл, достигли своей цели.

Стояла глубокая осень. У берегов реку сковало льдом, а посредине она стремительно несла свои воды. Отряд подрывников залег примерно в сотне метров от моста в водосточной канаве, дожидаясь удобного момента, чтобы подобраться к мосту.

У въезда на мост белогвардейцы выставили часовых. Первое время они еще прохаживались взад и вперед с винтовками наперевес, но потом, изрядно замерзнув, забрались в сторожевые будки и больше не показывались.

Командир 2-го эскадрона приказал Ли Фу-цину и еще двум бойцам взорвать мост, а остальным — прикрывать подрывников.

Захватив взрывчатку, Ли Фу-цин и его товарищи спустились по канаве на кромку льда и вдоль берега стали пробираться к мосту. Уложив взрывчатку на фермы у опор моста и спрятавшись в заранее присмотренном укрытии, они подожгли бикфордов шнур. Раздалось несколько оглушительных взрывов, и мост, стоявший на четырех опорах, вместе со сторожевыми будками разлетелся вдребезги.

Отряд, прикрывающий подрывников, немедленно подал своим сигнал об успешном выполнении задания. А еще через мгновение послышался гром артиллерийской канонады — началось наступление красноармейских частей. Когда противнику стало известно, что пути отступления отрезаны, в его рядах началась паника. Не прошло и двух часов, как отрезанные части белых почти полностью были захвачены в плен.

Обосновавшиеся на противоположном берегу штаб Врангеля и английские воинские части, поняв безнадежность своего положения, поспешили уйти. Погрузившись на английские военные корабли, они пустились наутек. Так был полностью освобожден Крымский полуостров.

В ознаменование этой победы Первой Конной народ стал называть ее Первая Чонгарская армия.

После завершения боев за Чонгар Первую Конную перебросили на ликвидацию махновских банд, которые впоследствии были полностью уничтожены ею в горных районах Украины.

Советский Союз вступал в период мирного строительства.

Краткий эпилог

В 1922 году Ли Фу-цин начал учиться в общеобразовательной школе при 6-й кавалерийской дивизии и в это же время вступил в комсомол.

Весной 1923 года его направили на учебу в Московское военное училище.

В январе 1924 года, когда умер Ленин, Ли Фу-цин в составе делегации курсантов училища стоял в почетном карауле у гроба Владимира Ильича и с глубокой скорбью прощался с великим вождем мирового пролетариата.

Летом 1926 года после выпуска из училища Ли Фу-цин в силу необходимости был направлен в качестве переводчика в Донецкий угольный бассейн, где на шахтах работало более трех тысяч китайских рабочих, не знавших русского языка.

В 1932 году японские империалисты, оккупировав северо-восточные районы Китая, создали марионеточное государство «Маньчжоу-го». Как раз в это время Ли Фу-цин возвращался на родину. Но марионеточные маньчжурские власти воспрепятствовали его въезду в Китай. Поэтому ему пришлось отправиться в Синьцзян[1] вместе с частями, выступавшими против японских захватчиков и вынужденными отступить на территорию СССР.

В 1933 году разгорелась междоусобица между синьцзянскими милитаристами.

Лишившись возможности попасть на Северо-Восток или вернуться в СССР, Ли Фу-цин остался в Синьцзяне, не имея определенных занятий. После провозглашения Китайской Народной Республики он в 1950 году вступил в ряды Народно-освободительной армии Китая.

[1] Ныне Синьцзян-Уйгурская автономная область. — *Прим. ред.*

Цзяо Ё

Китайский рабочий, удостоенный ордена Ленина

В марте 1957 года у членов сельскохозяйственного производственного кооператива деревни Жэньцзятао, расположенной в 25 километрах северо-восточнее города Таншаня провинции Хэбэй, произошло радостное событие: к ним из Советского Союза приехал земляк товарищ Шан Чжэнь — китайский рабочий, удостоенный ордена Ленина. В честь приезда Шан Чжэня в родной деревне состоялся спектакль местного театра теней, представление продолжалось три дня подряд. Председатель Народного комитета города Таншаня товарищ Цюань Чжэ-минь и второй секретарь городского комитета КПК товарищ Чэн Юй-линь совместно с заместителем председателя таншаньского отделения Общества китайско-советской дружбы товарищем Юнь Цзи устроили прием в честь товарища Шан Чжэня. Все собравшиеся выражали большую признательность и уважение к этому пожилому человеку, лично участвовавшему в Великой Октябрьской социалистической революции, в защите и строительстве первого в истории человечества социалистического государства.

В этом году товарищу Шан Чжэню — бывшему шахтеру рудника Линьси Кайлуаньских угольных копей, ис-

полнилось 68 лет. 24 августа 1916 года по старому китайскому календарю[1] он был завербован русскими капиталистами и вместе с другими 846 шахтерами отправился на заработки в Россию. По распределению Шан Чжэнь попал на Украину в знаменитый Донецкий угольный бассейн и стал бригадиром на шахте «Горняцкая», где работало более ста пятидесяти китайцев. После Октябрьской революции, когда более семидесяти процентов китайских шахтеров ушли добровольцами в Красную Армию, Шан Чжэнь возглавил своих оставшихся земляков и вместе с ними влился в красногвардейский отряд по охране шахт. Каждый боец получил по винтовке.

Во время гражданской войны власть на Украине часто переходила из рук в руки, и в Донбассе положение было неустойчивым: сегодня красные придут, а завтра, глядишь, белые объявились. В этот период среди шахтеров-китайцев распространились два боевых лозунга: «На белых не работать!», «В белой армии не служить!». Их инициатором и настойчивым проводником как раз и был товарищ Шан Чжэнь.

Однажды в начале зимы 1918 года на шахте «Горняцкая» произошло такое событие. Белогвардейцы уже несколько раз безуспешно пытались заманить китайских рабочих в свою армию. Не добившись своего, враги решились на злодеяния. И вот как-то вскоре после завтрака белогвардейский отряд окружил шахту и шахтерский поселок. Из забоев, домов и бараков на площадь согнали более пятидесяти китайцев-шахтеров. Перед ними выступил белогвардейский офицер с шашкой на боку. Он то и дело скалил зубы, силясь улыбнуться, и всячески заискивал перед китайцами.

— Братья! — извивался он ужом. — Мы знаем, как тяжело вам теперь живется. Здесь ваше положение безвыходное. Так пошли с нами, идите служить к нам! Вы подумайте только: мы получаем помощь и от французов, и от англичан, и от немцев! У нас аэропланы, пушки, танки. Продовольствия и обмундирования — хоть отбавляй. На кой же дьявол вам ждать, пока вас мобилизуют в армию красных голодранцев! Они голые и босые, они подыхают с голоду, у них совершенно нет боеприпасов.

---

[1] В старом Китае пользовались также лунным календарем. Он примерно на один месяц отстает от григорианского. — *Прим. ред.*

И на что только надеются эти бездомные бродяги? Идите же к нам в солдаты! Берите винтовки, клинки, садитесь на коней — и вы заживете на славу!

И на самом деле Красная Армия переживала в то время неимоверные трудности. Многие важные промышленные и продовольственные районы были захвачены и разграблены белыми и интервентами. Не хватало продовольствия, боеприпасов, плохо обстояло дело с обмундированием.

Тяжко жилось рабочим и крестьянам. Чтобы заставить шахтеров идти в солдаты, белые не выдавали им никакого пайка. Шахтеры вынуждены были жить за счет своих прошлых сбережений и покупать втридорога черный хлеб. А когда денег не было, ничего другого не оставалось, как только питаться дикими кореньями.

Знали все это китайцы-шахтеры, но не поддавались на лживые посулы белобандитов и стояли молча, потупив головы.

Мигом слетела с лица белогвардейского офицера деланная улыбка, сверкнув глазами, он заорал:

— Сволочи вы такие-разэдакие! Согласны или нет? Ну-ка, отвечайте!

Все молчали.

— Отвечайте! Да поживей! — все сильнее кипятился главарь белобандитов.

Переглянулись китайцы между собой, и взоры всех обратились к Шан Чжэню: он ведь бригадир.

Вышел тот вперед и говорит:

— Мы — китайцы и приехали сюда по договору, заключенному между Китаем и Россией, работать, а не воевать. Не пойдем мы в солдаты!

— Не пойдем! Не будем мы воевать! Отправляйте нас на родину!.. — закричали разом все шахтеры.

Какой-то белогвардеец дал два выстрела в воздух. А офицер весь задрожал от злости, выхватил свою сверкающую шашку, размахивает ею и кричит:

— У, проклятые! К нам не идете, а придут голодранцы — к ним сразу побежите. За мной! — скомандовал он.

Подталкивая китайцев штыками и прикладами, белые погнали их на станцию и заперли в окованной железом теплушке.

Молча плакали украинцы — женщины, дети и старики, наблюдая эту сцену. Они хорошо знали вагон, прозванный «душегубкой»: ежедневно увозили в таких вагонах куда-то сотни, тысячи людей, которые затем бесследно исчезали.

Но на этот раз белые не собирались убивать китайцев. Они надеялись вынудить их на капитуляцию под угрозой голодной смерти.

— Ну что ж! — обратился к пленникам один белобандит, приоткрыв железный люк. — Не хотите идти в солдаты — жрите теперь железо и запивайте северным ветром!

Прошло два дня и две ночи. Белогвардейцы не давали шахтерам ни есть, ни пить. И только несколько отважных украинских женщин, невзирая на неослабный надзор врага, украдкой под покровом ночи пробирались к «душегубке» и через люк забрасывали внутрь куски черного хлеба, печеную картошку и морковь. Живя впроголодь, они делились с китайскими братьями последним. Это растрогало каждого китайского рабочего до слез. Ведь они прекрасно понимали, какие невероятные страдания выпали на долю народов России. За годы империалистической войны, которую вел царизм, все мужчины — пожилые и молодежь — ушли в солдаты, миллионы из них погибли на полях сражений. Лучшие, наиболее плодородные земли мало-помалу превращались в пустоши. С огромными трудностями выращивали крестьяне и собирали убогий урожай. Но их грабили немцы, белогвардейцы и помещики. Без преувеличения можно сказать, что в то время кусок хлеба и обыкновенная картошка были на вес золота.

Вот почему поступок украинских женщин вдохновил китайских рабочих и укрепил их решимость бороться до конца.

Наступила четвертая ночь. Печально завывал северный ветер, врываясь через решетку люка в «душегубку». Но шахтеры не спали, они сбились в одну кучу, тесно прижавшись друг к другу. Всех мучил нестерпимый голод. Казалось, холодные листы железа покрылись шипами, которые со страшной болью впиваются в тело и пронизывают до самых костей. Голод и холод вконец измотали некогда крепких парней. Бывало, и раньше подолгу не приходилось есть досыта. Но за эти

четверо суток беспрерывного голода и холода они ослабли совсем, и жизнь каждого висела на волоске. Человек пять, самые слабые, уже потеряли сознание и беспрерывно бредили. А белогвардейские часовые будто нарочно распевали песни, и время от времени кто-нибудь из них подходил к вагону и спрашивал: «Ну как, китайцы, пойдете в солдаты?»

Перед китайскими шахтерами было два пути: идти в солдаты и остаться в живых или же отказаться и погибнуть в «душегубке». Среди шахтеров началось брожение: одни еще больше укрепились в своем первоначальном решении, другие — заколебались. Кое-кто из колеблющихся стал роптать. Наиболее сознательные и твердые шахтеры повели против них решительную борьбу. Шан Чжэнь припоминает, как говорил он тогда: «Дорогие земляки! Ведь все мы бедные люди. Не будь мы бедняками, будь у нас дома всего вдоволь, ни один из нас не приехал бы сюда. Сейчас русские бедняки подняли революцию, чтобы свалить помещиков и капиталистов и стать хозяевами своей страны. И мы должны помогать им, а не мешать. Бедняки всего мира — одна семья. Мы бедны, но нам не пристало быть бедными духом. Мы умрем, но не пойдем служить к белым». «Красная партия — это партия бедных, — говорил кто-то еще. — Посмотрите, как относятся к нам красные, когда приходят сюда. Они считают нас, китайцев, своими родными братьями. А что бывает, когда приходят белые? Разве мало мы от них натерпелись?»

И твердые, решительные шахтеры резко осудили слабых духом: «Всякий, кто захочет пойти к белым, — тот не человек. Позор трусам, испугавшимся смерти! И как только лезет им в глотку хлеб, который приносят украинские женщины?»

Горячая волна классовой ненависти охватила сердце каждого китайского рабочего, и ни один из них не пожелал вступить в белую армию. Так окончательно провалились коварные замыслы врагов. А на исходе четвертых суток белогвардейцы вынуждены были открыть двери вагона и отпустить китайцев на шахту.

В течение всей гражданской войны в СССР товарищ Шан Чжэнь и возглавляемый им отряд китайских рабочих твердо стояли на позициях пролетариата и плечом к плечу с советскими людьми боролись за окончательную

победу над белогвардейцами и иностранной интервенцией.

Окончилась суровая борьба. Победив врага, советский народ очутился перед лицом голода и разрухи. Ему предстояло выдержать суровое испытание — в неимоверно трудных условиях в наикратчайший срок полностью восстановить разрушенное народное хозяйство. Вопрос стоял так: не будут преодолены трудности — развалится, погибнет Советская власть, а окрепнет Советская власть — бедняки во всем мире обретут неприступную крепость. И китайские рабочие, находившиеся в Советской России, решили пройти через это испытание вместе с народами Советского Союза.

Вспоминая то время, когда он принимал активное участие в восстановлении народного хозяйства Советского Союза, товарищ Шан Чжэнь с большим подъемом говорит: «Бедные люди стали хозяевами своей страны, и впервые в истории это произошло в Советском Союзе. Уже тогда мы понимали: поможем мы, китайские рабочие, советским беднякам укрепить свою страну, и Советский Союз в будущем окажет помощь Китаю, прекратятся тогда страдания китайских бедняков, и они тоже воспрянут к новой жизни».

Эта великая надежда вдохновляла Шан Чжэня и всех китайских рабочих, и если в те годы рядовой шахтер выдавал на гора́ в среднем по три — четыре вагонетки угля за смену, то каждый шахтер-китаец из бригады Шан Чжэня выдавал в среднем по шесть и более. Государство в целях повышения производительности труда создало специальные столовые для передовых рабочих — ударников. Здесь было и вино, и мясо, и белый хлеб. Шан Чжэнь и многие другие шахтеры-китайцы своим самоотверженным трудом завоевали себе почетное право питаться в такой столовой.

Пришлось товарищу Шан Чжэню и обушком поработать, и уголь в вагонетки грузить. Он был активным рационализатором и первым застрельщиком в движении за технический прогресс. За старательность и добросовестное отношение к труду товарищ Шан Чжэнь в 1928 году был назначен горным мастером. Его бригада на полгода раньше срока завершила выполнение задания по первому пятилетнему плану, перевыполнив его более чем вдвое. Бригада получила в награду от государства не-

сколько ящиков книг и одежды. В годы второй пятилетки она снова досрочно завершила выполнение производственного задания. С тех пор товарищ Шан Чжэнь стал одним из лучших передовиков производства — стахановцем, его большой портрет висел в клубах донецких шахтеров, о его трудовых подвигах рассказывалось повсюду на Досках почета. После выполнения второго пятилетнего плана он был премирован трехнедельной путевкой в санаторий на Черноморском побережье.

В 1939 году, когда исполнилось двадцать два года трудовой деятельности товарища Шан Чжэня на шахте, он мог по советским законам об охране труда уйти на пенсию. Но Шан Чжэнь не пожелал оставлять своей работы. И в годы Великой Отечественной войны товарищ Шан Чжэнь внес свой новый замечательный вклад в общее дело разгрома врага.

В июне 1941 года фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Все советские люди включились в борьбу против захватчиков. В общее дело внес свой вклад и товарищ Шан Чжэнь. Когда молодые шахтеры ушли на фронт, пятидесятидвухлетний патриот с лопатой в руках отправился на рытье окопов. В холод и стужу в течение трех месяцев строил он оборонительные сооружения. Затем товарищ Шан Чжэнь вернулся на шахту.

В связи с неблагоприятной обстановкой на фронте, сложившейся в первый период войны, вся промышленность, расположенная в западных районах Советского Союза, подлежала эвакуации на восток. К июлю 1942 года на Урал выехали многие рабочие и служащие Донбасса и было эвакуировано все оборудование, которое можно было вывезти. На шахтах остались лишь небольшие группы людей, чтобы в случае крайней необходимости взорвать оставленное шахтное оборудование и не дать его в руки врагу. Естественно, что в такие группы подбирались наиболее смелые, надежные и преданные люди. Взрыв требовалось произвести лишь в тот момент, когда противник уже подойдет и вот-вот захватит шахту. Люди, оставленные для выполнения такого задания, несли ответственность перед всем советским народом и ни в коем случае не должны были даваться живыми в руки врага. Одним из самых добросовестных исполнителей этого опасного и трудного дела был товарищ Шан

Чжэнь, который отвечал за взрыв оборудования на восемнадцати объектах.

Быстро менялось положение на фронте. Враг шаг за шагом приближался к угольным районам. Товарищ Шан Чжэнь уже несколько ночей напролет дежурил на своем посту. 18 июля утром положение стало особенно напряженным. Чтобы захватить шахты в целости и сохранности, немецкое командование приказало своим наземным частям перейти в решительное наступление и предварительно выбросило большой парашютный десант, который до прихода основных сил должен был окружить и удержать угольный район.

...Повсюду слышались винтовочные выстрелы, грохотали орудия. Но самообладание ни на миг не оставляло Шан Чжэня, который молча стоял у пульта управления взрывом. Достаточно повернуть ручку пульта управления, как произойдет взрыв, и задание будет выполнено. Тогда он сможет поскорее оставить опасное место. Но нет, он должен ждать приказа. Стрельба все усиливалась. К одиннадцати часам утра главные силы противника были уже в пяти километрах от шахт и с минуты на минуту могли оказаться и здесь. Но вот наконец поступил приказ о взрыве. Вокруг шахт шли рукопашные схватки, кругом падали осколки снарядов, а товарищ Шан Чжэнь под градом пуль пробирался с семьей через поля кукурузы. Умело обходя засады врага, он прорвался через кольцо окружения. Испытав все трудности пути в три тысячи километров, он добрался наконец до Челябинска. Здесь Шан Чжэнь доложил советским людям, что он, китаец, выполнил важное поручение советского народа.

Вскоре Шан Чжэнь получил сообщение о том, что его единственный сын геройски погиб на фронте. Нелегко было перенести эту горькую весть человеку, которому перевалило уже за пятьдесят! Но товарищ Шан Чжэнь не пал духом, он поступил на новую шахту и удвоил свои производственные показатели.

В январе 1945 года Шан Чжэнь вернулся в Донбасс. Как и двадцать с лишним лет назад, он увидел разрушенные дома, пепелища, заросшие травой, затопленные шахты... И во второй раз довелось Шан Чжэню участвовать в возрождении Донбасса, который после восстанов-

ления стал еще могущественнее и прекраснее, чем прежде.

В 1947 году исполнилось двадцать девять лет работы Шан Чжэня на шахтах Донбасса. И в течение двадцати девяти трудных лет члены его бригады неуклонно сохраняли за собой славу передовых производственников.

Все свои силы отдал товарищ Шан Чжэнь делу строительства и защиты первого в истории человечества социалистического государства. 7 ноября 1947 года, в день празднования 30-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, Советское правительство удостоило Шан Чжэня высочайшей чести — он был награжден орденом Ленина. На торжественном заседании представитель Верховного Совета СССР прикрепил на его парадный шахтерский мундир сверкающий золотом орден Ленина и медаль «За восстановление угольных шахт Донбасса». Вскоре после этого государство построило Шан Чжэню просторный и красивый дом.

1 октября 1956 года Шан Чжэнь ушел на отдых. Он получил высшую пенсию, установленную в Советском Союзе, — 1200 рублей в месяц. Как и все пенсионеры в Советском Союзе, товарищ Шан Чжэнь живет спокойно и счастливо.

В марте 1957 года Шан Чжэнь приехал на родину навестить своих родных. Своими глазами он увидел огромные перемены, которые произошли в Китае с тех пор, как сорок один год назад он покинул родные места. Народ стал хозяином своей страны, крестьяне объединились в сельскохозяйственные производственные кооперативы, появилось много новых заводов и фабрик, во всех областях хозяйства и культуры наблюдается расцвет, повсюду царит радость и веселье. Страна идет семимильными шагами вперед — к социализму и коммунизму. Все это Шан Чжэнь пережил в Советском Союзе. И всем, кто приходил навестить его, он говорил: «Дорогие земляки! Слушайте, что говорит Коммунистическая партия, слушайте Председателя Мао Цзэ-дуна. Только Компартия обеспечит вам хорошую жизнь. Я испытал это на себе».

В Советском Союзе Шан Чжэнь встречался со многими китайскими студентами и практикантами. В Китае он встретился с советскими специалистами, работающими в различных областях науки и техники, и увидел машины

и оборудование, поступившие из Советского Союза. И он глубоко осознал, что те семена и прекрасные надежды, которые сорок лет назад посеяли в Советском Союзе десятки тысяч китайских рабочих, осуществились и дали в Китае богатые всходы.

Товарищ Шан Чжэнь принял участие в торжествах по случаю международного праздника трудящихся — дня 1-го Мая в городе Таншане. Демонстранты горячо приветствовали его, а он от волнения не мог сдержать слез. После демонстрации товарищ Шан Чжэнь сказал: «Они приветствуют не меня лично: в моем лице они приветствуют каждого китайца, который отдавал свои силы во имя победы Октябрьской революции».

Лю Фу

Братья по духу, товарищи по оружию

Недавно почтальон принес мне письмо из Советского Союза. Прислал его из Сталинграда мой однополчанин, бывший комиссар китайского Революционного батальона Иван Митрофанович Кернога.

«Дорогой Лю Фу, — писал он. — Я рад, что ты жив и здоров. Правда, мы постарели за прожитые сорок лет. Многих боевых друзей нет в наших рядах, но, видя славные победы, мы понимаем, что кровь была пролита нами не напрасно...»

Да, комиссар прав. Нам, старым бойцам, есть что вспомнить. Никогда не забуду своей службы в Красной Армии.

Сначала я был рядовым. В бою отличился и получил повышение: стал командиром взвода. Входила наша рота в 255-й стрелковый полк, действовавший на Урале. Но уральцы знали наш полк не по номеру, а по его боевым делам, да еще по тому, что почти весь его личный состав состоял из китайских добровольцев — уроженцев северных и северо-восточных провинций Китая.

Многие из нас уехали в Россию в годы первой мировой войны и работали на строительстве шоссейных и железных дорог, на сооружении разных оборонных объек-

тов. Нужда нас тогда пригнала в Россию. Дома жили плохо, впроголодь. Вот и пришлось мне в 1916 году уехать из Тяньцзиня в Петроград на заработки. Но и здесь жилось не лучше, чем в Китае. Трудились мы у таких же злых и алчных до наживы буржуев, как и у нас в Тяньцзине.

Но когда в России свершилась революция, все стало по-иному. Она застала меня в Перми, где я работал кочегаром на железной дороге. Вижу — русский народ правильно поступает, власть в свои руки берет, капиталистов и помещиков прочь гонит, сам хозяином своей судьбы становится. Ну и я, не долго думая, примкнул к русским рабочим и вместе со многими другими китайцами записался в Красную Армию. Ведь цели и у китайцев, и у русских рабочих всегда одни. Сотни лет наши народы не враждовали между собой, жили, как добрые соседи. Еще Максим Горький назвал китайцев братьями по духу. А с того дня, когда десятки тысяч китайцев вступили в Красную Армию, взяли в руки винтовки, мы стали не только братьями по духу, но и товарищами по оружию.

Был у нас любимый и храбрый командир, коммунист Жэнь Фу-чэнь. Он погиб в боях под станцией Выя.

В бою под Выей пало много китайских бойцов. Дрались мы до последнего патрона, но врага разгромили.

Многим из китайских бойцов, начинавших свою службу в Красной гвардии в Петрограде, посчастливилось видеть, слышать, а некоторым даже разговаривать с Владимиром Ильичем Лениным.

Известно, что в охране Смольного служило несколько китайских бойцов. Их командиром был Ли Фу-цин, тот самый Ли Фу-цин, с которым несколько раз беседовал Ленин. Владимир Ильич интересовался жизнью и бытом китайских добровольцев.

Вместе с Ли Фу-цином я был в Москве, Ленинграде, Киеве. Мы видели, каких успехов достиг советский народ под руководством Коммунистической партии, какой сильной и могучей стала Советская Армия, и, подобно Ивану Керноге, повторяли, что кровь была пролита нами не напрасно.

Несколько десятков тысяч китайских добровольцев находились в рядах Красной Армии и бок о бок со своими русскими товарищами защищали первое в мире госу-

дарство рабочих и крестьян, завоевания Великой Октябрьской социалистической революции.

Советские друзья не остались в долгу перед своими китайскими братьями. Народы Советского Союза оказали нам неоценимую поддержку в великой китайской народной революции и помогли одержать победу. Ныне два государства-исполина стоят во главе дружной семьи народов стран социалистического лагеря, и никакая сила не заставит эти народы сойти с избранного пути.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ДРУЖБА, СКРЕПЛЕННАЯ КРОВЬЮ

Редактор *Сац В. Т.*
Переплет художника *Корецкого П. С.*
Технический редактор *Аникина Р. Ф.* Корректор *Догадина В. А.*

Сдано в набор 14.7.58 г. Г-50001. Подписано к печати 2.1.59 г.
Формат бумаги 84×108 1/32—7 печ. л. = 11,48 усл. печ. л.+2 накидки 1/4 печ. л. = = 0,41 усл. печ. л. = 11,089 уч.-изд. л.

Военное издательство Министерства обороны Союза ССР
Москва, К-9, Тверской бульвар, 18.
Изд. № 12/765. Зак. 1198.

1-я типография
Военного издательства Министерства обороны Союза ССР
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Цена 5 руб.

Цена 5 руб.

ДРУЖБА, СКРЕПЛЕННАЯ КРОВЬЮ